

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи

УДК 94 (37+479. 25) "-00/005"

Литовченко Сергей Дмитриевич

Римско-армянские отношения в I в. до н. э. – начале I в. н. э.

07.00.02 – всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
Кадеев Владимир Иванович,
доктор исторических наук,
профессор

Харьков-2003

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	2
Список сокращений	4
Введение	5
Глава 1. Источники и историография	10
1. 1. Обзор исторических источников	11
1. 2. Историографический обзор	27
1. 3. Методология и основные методы исследования	47
Глава 2. Римско-армянские взаимоотношения в первой половине I в. до н. э.	52
2. 1. Предыстория взаимоотношений Рима и армянских царств	52
2. 2. Римско-армянские взаимоотношения в 90-е гг. I в. до н. э.	58
2. 3. Рим и Армения в 80-70-е гг. I в. до н. э.	72
2. 4. Рим и Тигран II в период Третьей Митридатовой и римско-армянской войны (73-64 гг. I в. до н. э.)	78
Глава 3. Римско-армянские отношения в 50-30-е гг. I в. до н. э.	106
3.1 Рим и Армения в 50-40-е гг. I в. до н. э.	106
3. 2. Рим и Армения в период разрыва союзных отношений (конец 50-х – 40-е гг. I в. до н. э.)	114
3. 3. Армения в восточной политике Марка Антония	122
Глава 4. Римско-армянские отношения при Августе (31 г. I в. до н. э. – 14 г. I в. н. э.)	137
4. 1. Восстановление римского влияния в Армении (20-е гг. I в. до н. э.)	137
4. 2. Римско-армянские отношения в период правления Тиграна III и Тиграна IV (20 г. I в. до н. э. - 1 г. I в. н. э.)	147
4. 3. Вооруженная интервенция римлян и	

воцарение в Армении атропатенской династии	156
4. 4. Восстановление на армянском престоле	
Арташесидов	163
Заключение	173
Список использованных источников и литературы	184

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории

ВОНАН АрмССР – Вестник общественных наук Академии наук АрмССР

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры

ИФЖ – Историко-филологический журнал

САН – The Cambridge Ancient History

ВВЕДЕНИЕ

Экспансия Римской республики в Восточное Средиземноморье и в Малую Азию привела к кардинальным изменениям в международных отношениях на Востоке. Эллинистические монархии, несмотря на многочисленные попытки сопротивления, постепенно оказывались в сфере римского влияния. Римляне, используя превосходство в военной силе, навязывали восточным царствам неравноправные союзные договоры, что лишало эти государства права на самостоятельное ведение внешней политики. Впоследствии они полностью поглощались Римом, превращаясь в провинции, или становились зависимыми от римлян государствами.

Одной из азиатских монархий, которая попала в сферу римских интересов в I в. до н. э. была Великая Армения, усиливавшая свое могущество с 90-х гг. I в. до н. э. Армения и Рим принимали участие практически во всех крупных вооруженных конфликтах и дипломатических акциях, которые привели к коренному изменению политической обстановки в переднеазиатском регионе. Именно Великая Армения стала последним рубежом римской экспансии на Восток периода Республики. А само армянское государство, бывшее одним из сильнейших царств Азии, практически лишилось самостоятельности, превратившись в предмет спора между Римом и Парфией.

Собственно римско-армянские взаимоотношения, оказавшие значительное влияние на эти изменения, редко становились предметом комплексного исследования, охватывающего весь I в. до н. э. Поэтому по-прежнему остается актуальной проблема изучения римско-армянских отношений, во многом определивших развитие и международной ситуации на Востоке в I в. до н. э. и дальнейшую судьбу армянского царства. Анализ отношений между Римом и Великой Арменией важен для создания объективной картины взаимоотношений римлян с азиатскими царствами и уточнения особенностей продвижения Рима на Восток. Изучение римско-армянских отношений позволит, на наш взгляд, установить масштабы влияния политики римлян на развитие армянского

государства и на внутривполитическую ситуацию в Великой Армении при династии Арташесидов.

Целью исследования является история развития римско-армянских взаимоотношений в I в. до н. э. и определение их влияния на трансформацию положения Великой Армении в регионе, на эволюцию восточной политики римлян и на развитие международной обстановки в Передней Азии в целом. В соответствии с этой целью для решения основных задач исследования необходимо:

провести комплексный анализ римско-армянских взаимоотношений как дипломатического, так и военного характера в период осуществления армянскими царями самостоятельной внешней политики;

определить цели и направления политики Рима в Азии, место Великой Армении в этой политике и показать трансформацию римской внешней политики в отношении Армении в связи с внутривполитическими изменениями в римском государстве;

выяснить основные направления внешней политики Великой Армении, внешнеполитические цели армянских царей;

установить основные методы и приемы внешней политики Рима и правителей Великой Армении, особенности взаимоотношений римлян с союзными царствами и проследить изменения во внешней политике римлян в период перехода от республиканского строя к принципату;

проанализировать развитие армяно-парфянских отношений и их влияние как на внутривполитическую ситуацию в Великой Армении, так и на римско-армянские отношения;

определить степень влияния римско-армянских контактов на развитие ситуации в Передней Азии и установить зависимость отношений между Римом и Великой Арменией от изменений общеполитической ситуации в регионе;

установить степень и характер влияния римско-армянских взаимоотношений на внутривполитическую ситуацию в Армении, на стабильность центральной

власти в стране, на сохранение экономического и военного потенциала армянского государства.

Предмет исследования - римско-армянские взаимоотношения в течение I в. до н. э. - начала I в. н. э.

Объектом исследования являются дипломатические и военные контакты между Римом и Великой Арменией как прямые, так и опосредованные, через взаимоотношения с третьими странами. А также политическая история Рима, Великой Армении и соседних государств, таких как Каппадокия, Понтийское царство, Парфия, государство Селевкидов, Мидия-Атропатена.

Хронологические рамки исследования обусловлены поставленными целью и задачами. Нижний хронологический предел: 90-е гг. I в. до н. э. - время установления постоянных контактов между Римом и Великой Арменией, которые надежно датируются источниками. Верхний хронологический предел: 20-е гг. I в. н. э. - период не только падения династии Арташесидов в Армении, но и время упадка армянского государства, практически полного прекращения самостоятельной внешней политики армянских царей и превращения страны в постоянное "яблоко раздора" между Римом и Парфией.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности и специальные исторические методы, такие как хронологический, синхронный, диахронный, сравнительно-исторический. Важное место занимает метод комплексного анализа источников, основанный не только на сопоставлении данных нарративных свидетельств, но и на сравнении сообщений античных авторов с данными эпиграфики и нумизматики, так как проблематика работы требует верификации сообщений письменных источников. Кроме того, применяется метод системного анализа, с помощью которого можно дать всестороннюю оценку международным отношениям в Передней Азии. Совокупность предложенных методов позволяет не только воссоздать римско-армянские отношения, но и проследить их влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Великой Армении.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

впервые проведен анализ римско-армянских отношений в течение всего I в. до н. э. с учетом международной обстановки в Азии и внутривосточной ситуации в двух государствах;

установлены причины превращения Великой Армении, важного римского союзника в Азии, в одно из второстепенных буферных государств;

раскрыты цели и направления внешней политики армянских царей, которые, вопреки принятому до сих пор в науке мнению, видели в Римской республике союзника в борьбе с парфянами;

впервые подробно анализируется изменение отношения к Армении в Риме в течение I в. до н. э.;

проанализировано влияние армяно-парфянских отношений на международную ситуацию в Азии и на отношения Армении с Римом и установлено, что парфянское влияние в Армении было незначительным и большинство армянских царей рассматривало Парфию как наиболее опасного противника;

предложено новое видение действий Тиграна II в 90-е гг. I в. до н. э., которые не были направлены на конфронтацию с Римом;

опровергнуто утверждение об измене Артавазда II в период похода Марка Лициния Красса и об антиримской политике этого царя в 50-40-е гг. I в. до н. э.;

на основе анализа маршрута войск римлян во время похода Марка Антония в 36 г. до н. э. дано объяснение действиям и римлян, и Артавазда II, которые были обусловлены стремлением римлян заручиться поддержкой Мидии-Атропатены;

подвергнуто критике утверждение о пропарфянской ориентации Армении в период правления Октавиана Августа;

предложена новая датировка появления в Армении пропарфянской группировки знати.

Практическое значение исследования заключается в возможности применения полученных результатов при подготовке соответствующих курсов

лекций, спецкурсов, методических пособий по истории Римской республики, Армении, эллинистических государств Востока. Результаты анализа различных аспектов римско-армянских отношений могут быть использованы при написании статей и монографий, посвященных эволюции царской власти в античной Армении, реконструкции основ внешней политики армянских царей, определению степени влияния Рима на внутреннее положение азиатских монархий. Материалы исследования могут быть использованы и при исследовании внешней политики римлян на Востоке, международных отношений в Передней Азии.

Апробация результатов исследования была проведена во время обсуждения основных частей диссертации на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. По тематике работы были сделаны доклады на семи научных конференциях: на V Международной конференции ассоциации молодых историков (Утрехт, Нидерланды, 1994 г.); на Международной конференции молодых историков (Харьков, 1994 г.); на Международных конференциях «Проблемы истории и археологии Украины» (г. Харьков, 1999 г., 2001 г., 2002 г., 2003 г.); на VIII Международной конференции по иудаике (г. Москва, 2001 г.).

Основные положения диссертации отражены в шести статьях, три из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Украины, а также в одной публикации тезисов доклада на конференции.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ.

Римско-армянские отношения в I в. до н. э. – начале I в. н. э. оказали большое влияние на ход событий в Передней Азии, что нашло отражение в исторических источниках. Несмотря на отсутствие трудов античных авторов, непосредственно посвященных взаимоотношениям между армянами и римлянами, наиболее полно римско-армянские контакты представлены именно в нарративных источниках. Важную информацию по истории римско-армянских отношений также содержат эпиграфические и нумизматические источники.

Анализ исторических источников проводится согласно степени их важности в изучении отношений между Римом и Арменией. При этом учитывается не только информативность, но и степень достоверности источника.

Проблемы римско-армянских отношений в I в. до н. э. неоднократно становились предметом анализа в работах современных исследователей. Существуют исследования, посвященные непосредственно римско-армянским отношениям, а также работы общего характера, затрагивающие историю контактов между Римом и Великой Арменией в I в. до н. э.

Обзор литературы включает характеристику обобщающих работ по истории Рима и Армении и критический анализ исследований по истории римско-армянских отношений. Структура обзора литературы продиктована необходимостью разделить работы западных и советских исследователей, которые, разрабатывая историю римско-армянских отношений, часто не учитывали итоги исследований своих коллег. В первую очередь, анализируются работы второй половины XIX- начала XX вв. и работы западноевропейских и американских ученых второй половины XX в., затем рассматриваются исследования ученых СССР и стран СНГ. Завершается глава анализом методологической базы исследования.

1.1. Обзор исторических источников

Рассматривая нарративные источники, следует отметить, что многие античные авторы уделяли внимание лишь отдельным эпизодам римско-армянских взаимоотношений, поэтому нельзя выделить из целой группы произведений единственный основной источник по интересующему нас периоду. Для каждого этапа отношений Рима и Армении можно указать несколько произведений, наиболее полно освещающих историю событий этого времени. В то же время, можно отметить ряд письменных источников, свидетельства которых содержат незначительный объем информации по истории римско-армянских отношений, что позволяет разделить нарративные источники на основные и второстепенные.

Одним из важнейших источников не только по истории Армении, но и по римско-армянским отношениям необходимо признать "Географию" Страбона, созданную в начале I в. н. э. [155; 286; 289; 290]. Это одно из немногих аутентичных произведений, написанных непосредственно после интересующих нас событий. Труд Страбона тем более ценен, что автор был выходцем из Малой Азии и прекрасно разбирался в сложностях взаимоотношений на Востоке, которые часто ошибочно трактовались римскими историками. Вероятно, Страбон лично посещал Армянское царство и лучше, чем кто-либо из античных авторов представлял ситуацию в стране (Strabo, II, 5, 11). "География" Страбона содержит очень важную информацию практически обо всех эпизодах римско-армянских контактов в течение I в. до н. э. Страбон один из немногих античных авторов, которые сообщают о противоречиях, существовавших между Арменией и Парфией (Strabo, XVI, 1, 19). Важность этих сообщений тем более велика, что источники II-III вв. н. э. совершенно игнорируют армяно-парфянское противостояние.

В то же время, "География" не историческое произведение и историческая информация в нем излагается отрывочно. В некоторых случаях сообщения Страбона зависят только от одного источника, как, например, в описании похода Антония в Армению, что ведет к искажению реального хода событий (Strabo, XI, 14, 9). Но, несмотря на некоторые недостатки, труд Страбона можно отнести к разряду основных источников по истории римско-армянских отношений в середине - второй половине I в. до н. э.

Практически весь период взаимоотношений между Арменией и Римом в I в. до н. э. отражен в "Римской истории" Диона Кассия [208; 209; 210; 211]. Созданное в начале III в. н. э. историческое произведение сохранилось лишь частично, но события второй половины I в. до н. э. освещены в нем достаточно подробно. Дион Кассий, безусловно, пользовался многими источниками при описании действий римлян на Востоке, но, в большей степени, опирался на труды Тита Ливия [211, р. 21], что обусловило тенденциозность историка. В сообщениях, касающихся истории римско-армянских отношений, Дион Кассий всегда придерживался проримской точки зрения.

В труде Диона Кассия содержится информация, отсутствующая в других произведениях античных авторов, особенно о событиях второй половины I в. до н. э. Фактически, именно в этом историческом источнике сохранилось единственное последовательное и наиболее полное описание римско-армянских контактов после смерти Артавазда II (Dio Cass., LIV, 9; LV, 9-10). Большинство исследователей, реконструировавших ход событий этого периода, основывают свои гипотезы, в первую очередь, на сообщениях Диона Кассия.

Историка отделяло от описываемых событий более двухсот лет, поэтому в "Римской истории" встречаются неточности, особенно в вопросах армяно-парфянских отношений. Для Диона Кассия не представляется необычным значительное влияние Парфии на Армению и слабость армянского царства, которое оказывается неспособным противостоять римлянам без помощи парфян (Dio Cass., LV, 10). Однако такое положение было характерно для

начала III в. н. э., но не для I века до н. э., когда сила армянского царства еще не была окончательно подорвана войнами с Римом и Парфией. Вероятно, Дион Кассий перенес реалии своего времени на события более раннего периода. Поэтому факты, приводимые в источниках, использованных Дионом Кассием, не всегда верно интерпретировались этим историком. Эти замечания не снижают ценность свидетельств Диона Кассия, но только показывают необходимость критического подхода к данным источника.

Большое внимание истории стран Азии в античное время уделил в "Истории Филиппа" Помпей Трог [190, 245]. Выходец из Галлии, Помпей Трог попытался дать объективный анализ исторических событий, не зависящий от официальной римской идеологии. Но его труд сохранился только в сокращенном изложении Юстина, автора III в. н. э. Сравнивая содержание произведения Юстина и сохранившееся оглавление работы Помпея Трога, можно прийти к заключению, что Юстин выпустил часть текста Трога, что привело к путанице в самом повествовании.

Однако даже в таком состоянии труд Помпея Трога содержит важную информацию по истории римско-армянских отношений в середине I в. до н. э. Наиболее полно описано правление Тиграна II (Just., XXXVIII, 3, 2), именно в этом источнике приводится содержание армяно-понтийского соглашения, направленного против Рима. В то же время, лакуны в источнике не позволяют восстановить весь ход событий на Востоке. Сообщения Помпея Трога требуют, как и данные других источников, тщательной проверки.

Творческое наследие знаменитого римского адвоката и политика Марка Туллия Цицерона дает возможность представить образ мысли римского политического деятеля периода Поздней Республики [183; 184; 213; 214; 215; 216; 217; 218; 219; 220]. Даже тот факт, что Цицерон не был историком и не создавал специально исторических произведений, не умаляет значения его произведений как исторического источника. Труды Цицерона охватывают период середины I в. до н. э. и состоят из речей и писем.

Речи Цицерона, произнесенные во время судебных процессов, впоследствии были отредактированы самим оратором. В своих злободневных выступлениях Цицерон неоднократно делал исторические отступления, описывая события, упоминания о которых отсутствуют в других источниках. Оратор сообщает о судьбе противника Тиграна II - Антиоха XIII - в речи против Гая Верреса (Cic. Verr., IV, 27). Именно упоминание Тиграна II в речи в защиту Публия Сестия позволяет установить хронологические рамки правления этого царя (Cic. Pro Ses., 59).

Переписка Цицерона также была подвергнута авторской обработке. Учитывая, что часть писем приходится на проконсульство Цицерона в провинции Киликия, необходимо признать этот источник важнейшим для указанного периода (Cic., Fam., III, 8; XV, 1-4; Att., V, 18-21). Не лишённые эмоциональной окраски послания Цицерона предоставляют редкую, а в нашем случае единственную, возможность проследить динамику отношений римлян к армянскому царству, а также установить истинное видение римской политической элитой проблем римско-армянских отношений, не искажённое интерпретаторами (Cic., Fam., XV, 1, 4, 5; Cic., Att., V, 18, 1).

Известный греческий автор Плутарх Херонейский (46-126 гг. н. э.) оставил обширное литературное наследие, часть которого посвящена событиям на Востоке [129; 130; 268; 269; 270; 271; 272; 273; 274]. В биографиях римских политических деятелей Плутарх неоднократно обращается к истории взаимоотношений римлян с азиатскими монархиями, в том числе и с Арменией. Хотя Плутарх не ставил перед собой задачи описать все события I века до н. э. в Азии, важность восточной политики Рима, в реализации которой принимали участие практически все видные римские политические деятели, определила многочисленные обращения Плутарха к истории римско-парфянских и римско-армянских отношений. Наиболее важная информация содержится в биографиях Суллы (Plut. Sull., 5), Лукулла (Plut. Luc., 14-34), Помпея (Plut. Pomp., 30-38), Красса (Plut., Crass, 20-33), Цицерона (Plut. Cic., 36), Антония (Plut. Ant., 38-54).

"Сравнительные жизнеописания" Плутарха не исторические произведения в полном смысле этого слова, так как автор стремился, прежде всего, отразить характер своего героя. Однако Плутарх часто обращался к описаниям исторических событий, в которых принимали участие его персонажи. Поэтому биографии Суллы, Помпея, Красса, Цицерона и Марка Антония содержат сообщения о большинстве значимых событий на Востоке I в. до н. э. Плутарх активно использовал работы известных греческих и римских авторов, в том числе Посидония, Страбона, Тита Ливия. Именно в биографиях Плутарха сохранилось несколько самых полных описаний войн Луция Лукулла и Гнея Помпея с Тиграном II (Plut. Luc., 24-32; Pomp., 30-33), похода Марка Лициния Красса против парфян (Plut. Crass., 17-33) и парфянского похода Марка Антония (Plut. Ant., 34-51). Плутарх уделял внимание некоторым деталям, не упомянутым в произведениях других авторов II-III в. н. э. Особенное значение приобретает четкое описание событий после битвы при Каррах, которое позволяет реконструировать с точностью до одних суток действия армянского царя Артавазда II (Plut., Crass., 27-31). В то же время, Плутарх, исходя из собственных задач, не всегда тщательно исследовал сообщения своих источников, допуская неточности в повествовании, что однако не умаляет значимость его произведений.

Аппиан Александрийский, греческий автор II в. н. э., известен как создатель "Римской истории" в двадцати четырех книгах [15; 16; 17; 18; 19; 192; 193; 194]. К сожалению, далеко не все книги "Римской истории" сохранились, но и имеющиеся в нашем распоряжении отрывки содержат важную, а в некоторых случаях исключительную информацию. Армения не входила в ряд государств, которым Аппиан уделял особое внимание, но некоторые моменты истории армянского государства попали в поле зрения автора. Затрагивает Аппиан и события в Армении в истории войн Рима с Селевкидским царством и понтийским царем Митридатом VI (App. Syr., 69-70; Mithr., 67; 84-90; 104-106). Основываясь на недошедших до наших дней источниках, вероятно, на произведениях Посидония, Саллюстия и других античных авторов, Аппиан

сообщает о взаимоотношениях Тиграна II и Митридата VI (App., Mithr., 67), о римско-армянской войне 60-х гг. I в. до н. э. (App., Mithr., 84-90; 104-106), об участии армянских войск в гражданских войнах в Риме (App. Bell. Civ., 2, 71).

Компилятивный характер труда Аппиана не позволяет рассматривать этот источник как полностью достоверный. Некоторые факты историк подает в ошибочной трактовке, а другие замалчивает. Это касается отсутствия у Аппиана упоминаний о походах армянских войск в Каппадокию в 90-е гг. I в. до н. э. (App., Mithr., 57) и указания на этническую принадлежность некоторых союзников Гнея Помпея в период гражданских войн (App. Bell. Civ., 2, 71). Для труда Аппиана характерна хронологическая путаница (App., Mithr., 104-105). Очевидно, что отдаленный от описываемых событий более чем столетним промежутком, Аппиан смутно представлял некоторые события на Востоке. Все это заставляет критически относиться к сообщениям источника, когда они противоречат информации более достоверных произведений. Так, например, история похода Тиграна II в Каппадокию в 70-е годы I в. до н. э. (App., Mithr., 67), не подтвержденная другими источниками, представляется хронологически неверной.

"Всеобщая история" Полибия, созданная во второй половине II века до н. э., является одним из наиболее информативных источников периода эллинизма [131; 132; 275; 276]. Полибий, несмотря на его проримскую ориентацию, стремился к объективному изложению фактов, опираясь на документальные свидетельства. К сожалению, лишь изредка Полибий упоминает армянские земли в своем описании (Pol., XXV, 2, 12). Это можно объяснить и незначительным влиянием, которое оказывала Армения на международную обстановку в первой половине II в. до н. э., и практически полной утерей последних книг "Всеобщей истории". В то же время, произведение Полибия - единственный источник, в котором рассматривается внешняя политика Артавазда I в 70-е гг. II в. до н. э.

Лишь несколько небольших отрывков сохранилось от незаконченной "Истории" Гая Саллюстия Криспа (86-35 гг. до н. э.), охватывавшей события 78-

67 гг. до н. э. [135; 281]. Среди этих фрагментов наибольший интерес представляет письмо Митридата VI Евпатора парфянскому царю (Sallust. Hist., 4 fr. 69). Письмо, очевидно, было создано самим Саллюстием, но именно это не снижает важность источника, так как позволяет составить представление об отношении самих римлян к дипломатическим контактам между азиатскими монархами.

Произведение Мемнона "О Геракле" [106; 256] относится к распространенным в древности, но мало сохранившимся до наших дней хроникам, которые велись в каждом греческом полисе. Несмотря на отсутствие видимой связи истории Гераклеи и Армении, труд Мемнона представляет собой важный источник по истории римско-армянских отношений. Последние главы своей работы Мемнон посвятил истории римско-понтийской войны, в которой принимали участие и армяне (Memn., 43-58). Поэтому Мемнон вынужден был затронуть и события, происходившие в Великой Армении (Memn., 43-46; 56-58). Особенностью источника можно считать то, что автор стремился показать объективную картину той эпохи, опираясь не только на римскую трактовку событий. Объективный подход Мемнона к описанию действий Тиграна II позволяет прояснить цели политики армянского царя, его отношение к римско-понтийскому конфликту (Memn., 46). Кроме того, Мемнон, очевидно, пользовался недошедшими до нас местными источниками, создателями которых могли быть противники римлян [52, с. 287]. Для исторического периода, события которого реконструируются только на основании проримских источников, сообщения нейтрального автора представляют особую важность.

Одним из наиболее известных историков I в. до н. э. Диодором Сицилийским была составлена "Историческая библиотека", значительный труд, описывающий историю государств Средиземноморья с древнейших времен [222; 223]. Большинство книг "Исторической библиотеки" сохранилось лишь фрагментарно, в том числе, и касающиеся событий на Востоке во второй половине II в. до н. э. (Diod., XXXI, 22). Диодор активно пользовался в своей работе произведениями предшествующих историков, что определило

компилятивный характер его труда. Практически отсутствуют в "Исторической библиотеке" упоминания об эллинистической Армении. Но на фоне отсутствия других источников по истории внешнеполитических связей Армении с римскими союзниками середины II в. до н. э. "Историческая библиотека" является единственным свидетельством столкновения Арташеса I с союзником Рима (Diod., XXXI, 22).

Особое место среди античных источников занимают произведения Иосифа Флавия (Йосефа бен Маттатии) "Иудейская война" [175; 232] и "Иудейские древности" [176; 228; 229; 230; 231]. Труды Иосифа Флавия относятся к немногочисленному типу исторических произведений, созданных представителем восточных римских провинций, которые дошли до нашего времени в полном объеме.

К сожалению, Иосиф Флавий, посвятивший римско-иудейским отношениям значительную часть своих произведений, практически не затрагивает взаимоотношения римлян с другими народами Востока. В тех же случаях, когда в источнике упоминаются Армения (Jos. Flav., Bel. Jud. I, 18, 5; Ant., XIII, 16, 4; XV, 4, 3) и соседняя Парфия (Jos. Flav., XV, 4, 2), информация не всегда заслуживает доверия. Вероятно, Иосиф Флавий недостаточно ясно представлял себе ход событий на Армянском нагорье и некритично оценивал источники. В "Иудейской войне", например, он называет армянского царя Артавазда II парфянином (Jos. Flav., Bel. Jud. I, 18, 5).

Но, несмотря на эти замечания, труды Иосифа Флавия остаются важным историческим источником по истории римско-армянских отношений. Только благодаря Иосифу Флавию устанавливается происхождение одного из последних Арташесидов – Тиграна V (Jos. Flav., Bel. Jud. I, 28, 1; II, 11,6; Ant., XVIII, 5, 4), уточняются действия Тиграна II в Сирии (Jos. Flav., Bel. Jud. I, 5, 3; Ant., XIII, 16, 4). В "Иудейских древностях" подробно описываются отношения Рима с царями Иудеи (Jos. Flav., Bel. Jud. I, 14, 1-4; 20, 1), что позволяет реконструировать основные принципы взаимоотношений римлян с восточными царствами.

Публий Корнелий Тацит, римский историк, живший во второй половине I - начале II в. н. э., в "Анналах", одном из наиболее стройных и логичных трудов в римской историографии периода Империи, неоднократно обращался к истории Армении [157; 293]. Однако предметом повествования историка были события I в. н. э. О событиях конца I в. до н. э. в Армении Тацит сообщает лишь в небольшом историческом экскурсе (Тас. Ann., II, 3-4). Учитывая недостаточное освещение в других источниках последних двадцати лет I в. до н. э. в Армении, факты, приводимые Тацитом, приобретают исключительную важность (Тас. Ann., II, 4). Сообщение историка о смене правителей на армянском престоле в начале I в. н. э. позволяет реконструировать политическую ситуацию в стране и определить степень влияния римлян на действия армянских царей.

Произведения Тацита отличает скрупулезный подбор и оценка фактов, что и объясняет доверие к нему современных историков. Но в описании воцарения атропатенской династии и царицы Эрато (Тас. Ann., II, 4) историк, на наш взгляд, отошел от обычной практики и значительно сократил свое повествование, не включив в него упоминания о некоторых армянских правителях. Нельзя отрицать и возможность авторской ошибки, так как "Анналы" не были закончены Тацитом. Историк, очевидно, не ставил перед собой цель подробно осветить процесс смены правящей династии в Армении и ограничился краткой справкой, которая не может быть принята как безупречное историческое свидетельство.

"Римская история" Веллея Патеркула отличается от произведений других римских и греческих историков I в. н. э. краткостью и даже некоторой схематичностью [32; 296]. Интересной исторической информации в этом источнике содержится немного. Но у источника есть два преимущества, не позволяющих отказаться от его свидетельств. Веллей Патеркул лично принимал участие в походе Гая Цезаря на Восток в 1 г. до н. э., и его описание встречи римского полководца с парфянским царем проливает свет не только на римско-парфянские, но и на римско-армянские отношения (Vell. Pat. II, 101, 2-3).

Известно стремление Веллея Патеркула подчеркнуть положительное влияние будущего императора Тиберия на развитие событий (Vell. Pat. II, 99, 1), поэтому существует возможность верно оценить действия римлян в интересующий нас период [122, с. 212]. Если некоторые античные авторы, например Светоний (Suet. Tib., 9), приписывают Тиберию возвращение значков римских легионов, о чем не упоминает Веллей Патеркул (Vell. Pat. II, 91; 94), можно усомниться в правдивости сообщений этих источников.

Наиболее полное и всеобъемлющее описание истории Римской республики создал римский историк Тит Ливий [84; 85; 249]. Труд Тита Ливия "История Рима от основания города" считается одним из образцовых исторических произведений периода античности, и его значение как исторического источника трудно переоценить. Тит Ливий тщательно исследовал доступную ему информацию, стараясь сохранять объективность повествования. Даже тот факт, что последние книги истории Тита Ливия, посвященные событиям второй половины II-I вв. до н. э., утрачены, не может уменьшить важность источника, так как сохранившиеся краткие описания этих книг содержат полезную информацию об римско-армянских отношениях. Ливий сообщает о войне Помпея с Тиграном II (Liv., Epit., 101), о пленении Артавазда II Антонием (Liv., Epit., 131).

Автор пытался сохранять объективность изложения даже в тех случаях, когда достоверная информация могла негативно повлиять на образ римлян в глазах современников (Liv., Epit., 131). В то же время, нельзя отрицать, что Ливий оставался римлянином и его объективность ограничивалась уверенностью в справедливости действий Рима.

Анализ оглавления несохранившихся книг показал, что многие античные историки активно использовали, а иногда и дословно передавали содержание труда Тита Ливия. К так называемой "традиции Ливия" относятся истории Луция Аннея Флора, Евтропия, Фронтин и Орозия. Не оставляет сомнения зависимость от произведения Тита Ливия некоторых эпизодов «Римской истории» Диона Кассия. Знание об источнике позднеантичных авторов

упрощает анализ самих источников и дает возможность полнее представить содержание и значение самого труда Тита Ливия.

Римский историк II в. н. э. Луций Анней Флор не был самостоятельным исследователем. В "Эпитамах" Флор [177; 233], описывая войны, которые вели римляне, опирался, прежде всего, на труд Тита Ливия. Особое значение имеют сообщения Флора о политике римлян в Армении в период принципата Октавиана Августа (Flor, 2, 32). Но краткость повествования привела к тому, что Флор не всегда полностью и достоверно отражал суть сообщений Тита Ливия.

Гай Светоний Транквилл, создатель биографий политических деятелей, был современником Корнелия Тацита и Плутарха. Краткие упоминания о событиях в Армении содержатся в биографиях Цезаря (Suet. Caes., 44, 3), Августа (Suet. Aug., 21, 3) и Тиберия (Suet. Tib., 9, 1), которые вошли в "Жизнь двенадцати цезарей" [148; 291]. Однако Светоний не ставил перед собой задачи подробно описать внешнюю политику Рима, и его упоминания о действиях римлян в Армении носят поверхностный характер.

Историк IV в. н. э. Евтропий составил "Краткую историю от основания Города", в которой попытался осветить практически всю историю Рима [56; 227]. Учитывая компилятивный характер труда Евтропия, многие исследователи скептически относятся к этому источнику. Однако такой подход неоправдан. Евтропий пользовался при составлении своей "Истории" утраченными в наше время книгами других античных авторов и сохранил важные свидетельства о действиях римлян на Востоке. Именно на основании сообщения Евтропия уточняется маршрут войск Луция Лукулла во время войны с Тиграном II (Eutr., VI, 9, 1).

Некоторые сведения по истории римско-армянских отношений содержатся в "Стратегемах" Фронтин [178; 234]. Неоднократно Фронтин обращается к истории битвы под Тигранакертом, указывая численность войск и описывая действия сражавшихся (Front., II, 1, 14; 2, 4).

В труде Павла Орозия, автора конца IV – начала V вв., содержится информация о судьбе Артавазда II, захваченного Антонием (Oros., VI, 19; XI, 14,

15), отсутствующая в других источниках [265]. Однако хронологическая удаленность автора от описываемых событий не позволяет принимать свидетельства источника без должной проверки.

Дополнительная информация по истории римско-армянских отношений содержится и в произведениях византийских авторов: Георгия Синкелла [292], Иоанна Зонары [301], Георгия Скилицы [283].

Армянские письменные источники представлены произведениями раннего средневековья. Среди этих источников наиболее значимой является "История Армении" Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), созданная в V веке [181]. В источнике полностью излагается история армянского народа, в том числе и период правления династии Арташесидов (Moses Chor., II, 15-25). Однако информация, содержащаяся в труде Моисея Хоренского, настолько противоречит данным греко-римской традиции, что многие исследователи вообще отказывались рассматривать сообщения "Истории Армении" II вв до н. э. как достоверные исторические свидетельства [179, с. 64-68].

Усилиями армянских ученых удалось доказать, что в труде Моисея Хоренского присутствуют описания реальных событий, сильно искаженных народной традицией и литературной обработкой самого автора [142]. Кроме того, доказано, что Моисей Хоренский пользовался не только известными нам свидетельствами античных авторов, таких как Иосиф Флавий, но и утерянными историческими произведениями, такими как "История" Мар Аббаса Катины [59, с. 187-188; 97, с. 85; 142, с. 8-9; 143, с. 13]. Это не позволяет полностью отвергнуть сообщения армянского историка, как это часто делают в некоторых исследованиях.

Однако смешение реальных событий и элементов мифологии (Moses. Chor., II, 26), объединение под именем одного царя событий, которые относятся к деятельности нескольких правителей (Moses Chor., II, 19-20), и отсутствие хронологических ориентиров усложняют работу с этим источником. Поэтому можно согласиться с утверждением М. Абеяна, что труд Моисея Хоренского

может быть использован только как второстепенный источник по истории Армении [1, с. 233].

Важные факты по истории античной Армении содержатся в произведении Фауста Византийского (Фавстоса Бузанда), историка V века [170]. Эти сведения касаются, прежде всего, переселенческой политики армянских царей Тиграна II и Артавазда II (Faust, IV, 55). Ценность этой информации тем более велика, что она дополняет сообщения и Моисея Хоренского, и греко-римских авторов.

Эпиграфические источники по истории римско-армянских отношений, имеющие непосредственное отношение к исследуемому периоду, представлены всего двумя памятниками. Одним из наиболее важных источников по истории римско-армянских отношений можно с уверенностью считать "Деяния божественного Августа" [49; 279]. Латинская и греческая версии этого документа известны с 1555 года, в первую очередь, по Анкирской надписи (Monumentum Ancyranum). Кроме того, фрагменты греческого перевода надписи найдены в других городах Малой Азии - Аполлонии и Антиохии в Писидии. Сохранность памятника из Анкары хорошая, позволяющая установить не только общее содержание, но и все собственные имена.

От имени самого Октавиана Августа в этой надписи перечислялись достижения принцепса за время его правления, в том числе подробно описывалась восточная политика Рима. Август, четко и обстоятельно для лапидарной надписи, характеризовал свои успехи в отношении Армении и Парфии, называя правителей этих стран. Исследователи отмечали, что документ нельзя считать объективным источником, учитывая явно панегирический характер "Деяний..." [188, с. 180]. Действительно, Август преувеличивал собственные достижения и старался скрыть неудачи. Но подобный недостаток присущ большинству источников, в данном же случае мы точно знаем позицию автора. К другим недостаткам источника можно отнести отсутствие четкой датировки создания надписи и отдельных ее частей. Очевидно, что надпись создавалась в последние годы правления Августа, но точное время определить достаточно сложно.

"Деяния божественного Августа" выгодно отличаются от других источников. Они охватывают четкий хронологический период и содержат важный фактический материал по истории римско-армянских отношений. Источник представляет собой законченное произведение с ясно выраженной идеей. В нем мы можем обнаружить изложение официальной позиции римских властей в отношении Армении. Август раскрывает истинное значение армянских земель для римской восточной политики, так как помещает описание ситуации в Армении первым в ряду событий в азиатских царствах. Это позволяет отнести "Деяния божественного Августа" к ряду важнейших источников по истории римско-армянских отношений.

Косвенное отношение к истории римско-армянских отношений имеет двуязычная надпись, найденная в Италии в XIX в. (OGIS, 380) [264, р. 588-589]. Судьба этой надписи достаточно необычна. Первоначально была найдена нижняя латинская часть надписи, на основании которой исследователи сделали определенные выводы. Позднее была опубликована верхняя греческая часть, что позволило уточнить свидетельства надписи. В тексте, посвященном некоему Артавазду, упоминаются цари Ариобарзан и Артавазд, по мнению большинства исследователей, цари Мидии-Атропатены и Армении [260, р. 111; 266, р. 56]. На основании данных источника можно сделать вывод о порядке наследования армянского престола в начале I в. н. э. и взаимоотношениях царей атропатенской династии с Римом.

Для исследования внешнеполитических отношений между Арменией и Римом важное значение имеют нумизматические данные. Античные монеты не только помогают установить время правления того или иного монарха, но и содержат информацию о внешнеполитической ориентации правителя. Характер легенд и изображений на монетах также может быть привлечен для уточнения характера отношений Армении с соседними государствами.

Нумизматические источники по истории римско-армянских отношений представлены как армянскими, так и римскими монетами. События в Армении отражены на монетах Марка Антония. Пропагандируя свои успехи на Востоке,

Марк Антоний чеканил монеты с легендой "Antoni Armenia devicta" [2, с. 165] ("Антонием Армения покоренная") в честь разгрома Армянского царства и захвата царя Артавазда II. Упоминается Армения и в легендах римских монет времен принципата Августа. Мирное возвращение Армении в сферу римского влияния в 20 г. до н. э. было отмечено выпуском монет с надписями "Armenia capta" («Побежденная Армения») [2, с. 167; 255, PL. 2, 3, 4]. Информация, которую содержат эти монеты, в данном случае лишь подтверждает свидетельства письменных источников, что позволяет отнести римские монеты к второстепенным источникам.

Бóльший интерес представляют монеты Армении, данные которых могут помочь заполнить обширные лакуны письменных источников. Более чем за сто лет исследований ученые накопили значительный нумизматический материал, касающийся армянского царства [115; 116; 118; 200; 201]. Представлены монеты практически всех царей династии Арташесидов и других правителей Армении.

Легенды монет Тиграна II позволяют определить политическую ориентацию царя, благодаря применению титула "царь царей" [201, р. 13]. Использование на некоторых монетах Тиграна III легенды, сходной с парфянской, некоторыми исследователями считается доказательством пропарфянской политики этого царя [221, р. 141]. В легендах монет некоторых царей (Тигран IV, Артавазд IV) открыто демонстрируется зависимость от Рима [140, с. 2; 180, с. 73].

Несмотря на многочисленные исследования, армянская нумизматика сохраняет много нерешенных проблем. Вызваны они особенностью чеканки монет в Армении, когда на монетах не указывались даты правления. Этот фактор и то, что Арменией в этот период управляло много царей с одинаковыми именами, привели к возникновению нескольких систем классификации монет армянских правителей [116; 180; 201]. Однако только на этом основании нельзя отказываться от привлечения данных монет армянских царей для реконструкции римско-армянских отношений. Для некоторых моментов армянской истории и

истории римско-армянских отношений данные армянских монет являются единственными свидетельствами.

В заключение обзора источниковой базы исследования следует остановиться на некоторых особенностях, присущих источникам, посвященных контактам римлян с армянами.

Имеющиеся в нашем распоряжении труды античных авторов практически всегда представляют точку зрения только одной стороны - Рима. Это создает определенные сложности в работе с источниками, так как иногда оказывается невозможной верификация сообщений. Затруднена и оценка событий, о которых сообщается в том или ином произведении. Исторические труды авторов периода античности, созданные в самой Армении, на сегодняшний день утрачены безвозвратно. Сохранившиеся до настоящего времени произведения средневековых армянских авторов - Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), Фауста Византийского (Фавстоса Бузанда) и других не могут считаться аутентичными и составить должную конкуренцию греко-римской историографии.

К сожалению, не сохранилось ни одного произведения греческого или римского автора, которое было бы специально посвящено римско-армянским отношениям или истории Армении интересующего нас периода. Все упоминания в письменных источниках об Армении связаны с общеисторическими событиями I века до н. э. и содержат лишь минимум необходимой информации.

Большинство исторических трудов отдаляет от I в. до н. э. более чем столетие, что привело к неточностям и ошибкам в описании римско-армянских отношений. Но, несмотря на существенные недостатки, нарративные источники представляют основную источниковую базу для изучения истории Рима и Армении в I в. до н. э.

Эпиграфические свидетельства по истории римско-армянских отношений, к сожалению, немногочисленные, дополняют сообщения античных авторов, особенно для конца I в. до н. э. Несмотря на то, что существуют сложности в

отождествлении монет некоторых царей Великой Армении, данные армянских и римских монет также содержат ценные сведения по истории римско-армянских отношений. Особую важность приобретают нумизматические свидетельства для анализа событий второй половины I в. до н. э., которые неполно освещены в письменных источниках.

Некоторые перечисленные выше особенности источников создают почву для многочисленных интерпретаций, часто противоречивых и несогласованных друг с другом. Кроме того, отрывочность повествовательных источников требует их изучения на основе анализа всего комплекса проблем, связанных с римско-армянскими отношениями, и обязательного учета конкретно-исторических условий, в которых создавались сами источники.

В то же время, практически все контакты между армянами и римлянами в I в. до н. э. нашли свое отражение в свидетельствах античных авторов, эпиграфических и нумизматических источниках. Существующие источники позволяют воссоздать не только общую картину римско-армянских отношений, но и установить побудительные мотивы действий и римлян, и армян. По нашему мнению, важность этих исторических свидетельств требует еще раз подойти к решению проблемы взаимоотношений между Римом и Великой Арменией в целом, на основе комплексного анализа всех имеющихся источников.

1.2. Историографический обзор

Проблема римско-армянских отношений затрагивалась уже в работах ученых второй половины XIX в. Наиболее подробно некоторые аспекты армянской истории освещались в исследованиях общего характера, посвященных Римской республике и странам эллинистического Востока [54; 239; 247; 277]. Из работ, посвященных политике Октавиана Августа, можно упомянуть труд В. Гардхаузена [236]. В исследовании немецкого ученого была

сделана одна из первых попыток рассмотреть политику Августа в отношении Армении и систематизировать письменные и нумизматические свидетельства об армянских правителях. Однако предположение В. Гардхаузена о том, что Тигран, изгнавший Артавазда III, не идентичен мужу царицы Эрато подвергнуто критике в специальной литературе [253, p. 1344].

Крупнейшим исследованием конца XIX в., посвященным Понтийскому царству, но затрагивающим и вопросы истории римско-армянских отношений, можно назвать труд Т. Рейнака «Митридат Евпатор, царь Понта» [278]. Оценивая внешнюю политику Тиграна II, Т. Рейнак замечает, что действия армянского царя были импульсивными и непродуманными и часто зависели от воли царя Понта [278, p. 105]. Поэтому отношения Рима и Армении определялись, по мнению автора, не столько Тиграном II, сколько Митридатом VI. Исследователь подчеркивал ошибочную, по его мнению, пассивность правителя Армении во время Третьей Митридатовой войны, которая привела к разгрому армянского царства [278, p. 347]. В то же время, Т. Рейнак справедливо отверг предположения об участии армянских войск уже в Первой Митридатовой войне [278, p. 311].

Среди важнейших общих работ по истории Рима необходимо указать многотомную "Историю Рима" немецкого ученого Т. Моммзена. В этом труде история римско-армянских отношений рассматривается в третьем и пятом томах [112; 110]. Следуя своей основной концепции, согласно которой римляне часто не были агрессивной силой, Т. Моммзен рассматривал продвижение Рима на Восток как положительное явление в истории азиатских стран. Однако вхождение Армении в римскую сферу влияния, по мнению Т. Моммзена, было затруднено, так как страна тяготела к Парфии [112, с. 267]. Это утверждение Т. Моммзена до сегодняшнего дня можно встретить не только в общих, но и некоторых специальных работах.

Отдельные моменты армянской истории в "Истории Рима" освещены поверхностно, это касается, в первую очередь, ситуации в Армении в первое десятилетие I в. н. э. [112, с. 282]. Некоторые, как в случае с Артаваздом III, в

силу отсутствия у автора фактического материала, истолкованы неверно [112, с. 281]. Нельзя согласиться и с занижением роли собственно армянских царей в развитии международных отношений на Востоке в I в. до н. э. Но гигантский объем фактического материала, четкие выводы и выверенные оценки до сих пор не позволяют объявить труд Т. Моммзена устаревшим. Исследователи середины и конца XX века активно использовали аргументацию Т. Моммзена [212, р. 83].

Подробный анализ ситуации в Армении во времена Августа представлен Т. Моммзеном в комментариях к эпиграфическому памятнику "Деяния божественного Августа" [260]. Хронологические выкладки историка были впоследствии опровергнуты в научной литературе, так как ученый преувеличил сроки правления некоторых царей [266, р. 20]. В то же время реконструкция схемы родственных связей армянских правителей, особенно Тиграна V, сделанная Т. Моммзеном, не оспорена до сегодняшнего дня [212, р. 83].

Необходимо упомянуть и работу Й. Кромайера "Парфянский поход Антония", в которой представлено подробное исследование событий во время похода Марка Антония против Парфии [246]. Исследователь убедительно доказал, что римские войска двигались в Мидию-Атропатену кружным путем, через Армению [246, s. 72-74]. Анализ маршрута армии Антония, проведенный Кромайером, лег в основу большинства последующих исследований, посвященных этому моменту в истории римско-армянских отношений [158, с. 243-244; 300, р. 37]. Автор дал достаточно объективную оценку позиции царя Артавазда II в период похода Марка Антония [246, s. 85]. Однако, соглашаясь с большинством предположений исследователя, нельзя забывать о том, что в ряде работ некоторые положения гипотезы Й. Кромайера были подвергнуты критике [48, с. 359]. В частности, была предложена новая локализация места сбора союзников римлян и новый маршрут движения армянских войск [286, р. 312].

Исследователи XIX в. интересовались, в первую очередь, внешнеполитической деятельностью армянских царей, но делали это отрывочно, не рассматривая события, несвязанные с основным предметом изысканий. Второй общей тенденцией для ученых XIX в. было некритичное отношение к

сообщениям источников в вопросах армянской истории. На общем фоне тщательного изучения исторических свидетельств, касающихся истории Рима, мнения античных авторов по истории Армении часто пересказывались в научных работах без комментариев. Это и определило своеобразие изучения армянской истории на этом этапе развития исторической науки.

Активный интерес к истории Армении античного периода проявился в начале XX века. В процессе изучения истории Рима исследователи столкнулись с необходимостью подробнее рассмотреть историю восточных соседей римлян, в том числе и Армении. В этот же период появляются научные труды армянских ученых, в которых история древней Армении стала предметом специального изучения.

Среди работ этого времени необходимо выделить труд А. Астурияна [20; 195]. Исследование армянского историка является первым специальным трудом по истории римско-армянских отношений. Ученый проанализировал все имеющиеся источники, в том числе и нумизматические, и на основании анализа пришел к выводу, что армянские цари, в частности Артавазд II, пытались оставаться нейтральными в борьбе Рима с Парфией [20, с. 107]. Одним из первых он сделал попытку обосновать действия армян в период парфянского похода Антония [20, с. 113]. Несмотря на то, что некоторые положения концепции А. Астурияна устарели, его работа сохранила значение до наших дней.

Уже в начале XX в. внимание исследователей привлекал период правления Тиграна II, который первым из армянских царей вступил в открытую борьбу с римской экспансией. Статья К. Экхардта «Армянский поход Лукулла» посвящена не только армяно-понтийской войне 69-66 гг. до н. э., но и предыстории конфликта [225; 226]. Автор указывает на агрессивные действия армянского царя в Сирии и Каппадокии, которые входили в сферу римского влияния [225, с. 403-404]. Рассматривая боевые действия, К. Экхардт уделяет внимание географическому и военному аспектам событий, устанавливает соотношение сил римлян и армян [226]. Некоторые положения, особенно в военных вопросах, предложенные К. Экхардтом, были оспорены еще в первой

половине XX века, но это не уменьшает важности исследования немецкого ученого [48, с. 351].

Неоднократно обращался к истории Армении и американский историк Н. Дибивойз [221]. Однако его подход к внешней политике армянских царей достаточно субъективен. Действия большинства армянских правителей, по мнению автора, зависели от Парфии [221, р. 141]. Влияние парфян на ситуацию в Армении было достаточно ощутимым, а связи армян и парфян значительно более прочными, чем с Римом. Как следствие, большинство действий армянских царей автор связывает с парфянской деятельностью, особенно во второй половине I в. до н. э. [221, р. 125]. Исследователь считал Артавазда II союзником парфянского царя и, следовательно, предателем интересов римлян [221, р. 122-134]. Учитывая влияние, которое оказал труд Н. Дибивойза на развитие современной исторической науки, негативное отношение к царю Армении и его действиям все еще встречается в научной литературе, несмотря на многочисленные опровержения этой гипотезы.

Свой взгляд на римско-армянские отношения предложил Д. Андерсон в статье для Кембриджской древней истории [191]. По его мнению, армяне, тесно связанные с парфянами, не желали подчиняться римскому контролю [191, р. 259]. Август, не имея возможности аннексировать Армянское царство, вынужден был влиять на ситуацию в стране с помощью проримских ставленников, но неудачно [191, р. 260]. Общая оценка Д. Андерсоном действий Августа характерна для западной историографии. Сохранение контроля за Арменией было сопряжено со значительными трудностями, но римляне не могли отказаться от этих земель из соображений престижа.

В фундаментальном труде Д. Мэджи «Римское правление в Малой Азии до конца третьего века н. э.» подробно анализируется ситуация в Армении, а именно в контексте отношений с Римом [252; 253]. В работе дается не только общая характеристика римско-армянских отношений, но и разбираются частные вопросы, связанные с престолонаследием в Армянском царстве [252, р. 338-342]. Д. Мэджи указал на особенности начала римско-армянской войны при

Тигране II, виновником которой историк считает римского полководца [252, р. 340].

Д. Мэджи утверждал, что Август стремился к установлению полного контроля над Арменией, но его неоднократные попытки заканчивались неудачей [252, р. 483]. Националистическая партия, опиравшаяся на парфянскую поддержку, свергала всех римских ставленников. Контроль за Арменией был затруднен именно нежеланием армян подчиняться римскому давлению. В целом, Д. Мэджи оценивает римскую политику в Армении, особенно в период принципата Августа, как неэффективную [252, р. 385].

Затрагивается проблема римско-армянских отношений в статье Гранд К. Армена [47]. Политика Артавазда II характеризуется как лавирование между Римом и Парфией. Эта концепция предполагает ведение самостоятельной политики армянским царем, заключавшего только ситуативные союзы.

Парфянскому походу Марка Антония посвящено исследование Г. Бенгтсона [202]. Автор выступил с новой концепцией действий римских войск в Мидии-Атропатене, отказавшись от принятого в науке мнения о локализации столицы атропатенского царства [202, s. 24]. Однако теоретические построения Г. Бенгтсона были критически восприняты исследователями истории Армении и не нашли у них поддержки [286, р. 314].

Из работ, в которых проводится комплексный анализ истории римско-армянских отношений времени правления Августа, появившихся во второй половине XX в., можно выделить монографию М. Пани "Рим и цари Востока от Августа до Тиберия" [266]. В этом подробном исследовании первый раздел посвящен именно Армении и взаимоотношениям ее правителей с Римом. К безусловным достоинствам работы можно отнести тщательный и критический анализ всех видов источников. М. Пани, один из немногих западных исследователей, активно использовал работы армянских ученых. Он пересмотрел предложенные ранее даты правления армянских монархов и внес значительные изменения в существующие гипотезы [266, р. 56-59]. Кроме того, он попытался заполнить лакуны в источниках, опираясь на свидетельства

косвенных письменных источников и на данные эпиграфики и нумизматики. Так, по мнению автора, Тигран III перешел на сторону парфян в последние годы своего правления [266, р. 24]. Отрицает М. Пани и захват армянского престола римским ставленником Артаваздом III [266, р. 42-44]. Итальянский ученый признал самостоятельность действий некоторых армянских монархов, но подчеркивал сильное парфянское влияние на политику царей Армении [266, р. 42]. Он указывал и на некоторую зависимость политики Октавиана Августа от позиции малоазийских союзников Рима, в первую очередь, Архелая Каппадокийского [266, р. 60-61].

Некоторые выводы, сделанные М. Пани, уже были подвергнуты критике, особенно в отношении правления Артавазда III [180, с. 68]. Но, несмотря на критику, эта работа остается одним из наиболее тщательных исследований по истории римско-армянских отношений в период принципата Октавиана Августа.

Подробно рассматриваются римско-армянские отношения во время правления Октавиана Августа в статье М.-Л. Шомон, помещенной в коллективном труде "Взлет и падение римского мира" [212]. В работе подводятся итоги изучения проблемы к семидесятым годам XX века и обобщаются наиболее распространенные мнения. Несмотря на то, что в исследовании практически не поднимаются дискуссионные вопросы, автор предлагает и собственные интересные выводы. Так, отрицается переход под парфянское влияние Тиграна III [212, р. 76]. Политика Августа характеризуется как осторожная и неагрессивная и, в то же время, неудачная [212, р. 84]. Автор подчеркивает тот факт, что римские ставленники на армянском престоле не могли долго удерживать свою власть [212, р. 84]. К сожалению, в поле зрения автора не попали некоторые значимые исследования, например, монография М. Пани.

Проблемы внешней политики Римской республики на Востоке и принципов взаимоотношений римлян с союзными царствами, в том числе и с Арменией, неоднократно поднимались в работах Э. Бэдиана [197; 198; 199]. Римская экспансия на Восток («империализм»), по мнению исследователя,

выражалась в установлении контроля за деятельностью монарха и правящей элиты союзного государства [197, р. 4]. Описывая отношения, возникшие между Римом и зависимыми монархиями, Э. Бэдиан использовал термин «клиентела», а римских союзников на Востоке ученый называл «клиентарными государствами» [197, р. 72, 78]. Следовательно, азиатские монархии, ставшие союзниками римлян, попадали в зависимость, сходную с зависимостью клиента от патрона.

Несколько иначе рассматривает отношения Рима с зависимыми царствами Д. Браунд [29; 205; 206]. Он считает, что эти отношения строились на взаимовыгодной основе и, следовательно, существовали не только в интересах римлян, но и их союзников. Гипотеза Д. Браунда более объективно оценивает римскую политику на Востоке, отвергая однозначно негативную оценку гегемонии Рима в Азии [206, р. 93-95]. Установление союзных отношений с Римом означало для многих стран Востока прекращение перманентных династических распрей, войн с соседями, вело к ликвидации пиратства и бандитизма [206, р. 182-183]. Но концепция Д. Браунда оказывается применима далеко не к каждому азиатскому государству. Кроме того, римская политика не могла быть статичной, в работах же Д. Браунда изменения отношений римлян к своим восточным союзникам не всегда прослеживаются. Если гипотеза Д. Браунда может быть признана возможной в случае с римско-армянскими отношениями периода последних лет царствования Тиграна II, то она неприемлема для описания отношений между Римом и Арменией во время правления Октавиана Августа. Однако нельзя отказаться от предположения историка, что азиатские правители осознавали преимущества сотрудничества с Римом и часто сами добивались установления союзных отношений с римлянами [206, р. 23-38].

Большое влияние на изучение римско-армянских контактов в I в. до н. э. имеют исследования античных монет Армении. Наиболее полно история чеканки армянских монет античного периода представлена в работах П. Птукяна [200; 201]. Важность его исследований тем более велика, что некоторые эпизоды римско-армянских отношений можно реконструировать только на основе

монетных данных. На основании монетных легенд были сделаны предположения о возможном соправлении не только Тиграна IV и Эрато, но и Тиграна V и Эрато [201, р. 38-39]. Портретные изображения на монетах Артавазда III, отличные по стилю от эллинистических, позволили исследователям уточнить политическую ориентацию царя [201, р. 35-37].

Среди работ общего характера, изданных в 80-е гг. XX в., особняком стоит труд А. Шервин-Уайта "Римская внешняя политика на Востоке: 168 г. до н. э. - 1 г. н. э." [286]. Исследователь на основе тщательного изучения источников, предложил новую концепцию развития внешней политики Рима на протяжении последних двух столетий периода Республики. Фактически, А. Шервин-Уайт пересмотрел все существующие теории развития римской политики на Востоке и отказался от однозначного определения действий Рима как агрессивных или пассивных [286, р. 52]. По мнению исследователя, римская внешняя политика в отношении Армении определялась не только объективными факторами, но и субъективными причинами, особенно позицией римских полководцев. Но основой концепции А. Шервин-Уайта можно считать признание Рима достаточно агрессивной силой, однако не более агрессивной, чем его азиатские соперники [286, р. 93-101]. Кроме того, римляне неохотно шли на увеличение своих владений на Востоке, если этого не требовали обстоятельства [286, р. 105].

Пристальное внимание ученого привлекли взаимоотношения римлян с азиатскими монархиями. В работе отдельный раздел посвящен принципам отношений римлян с азиатскими государствами [286, р. 58-70], в том числе и с Арменией.

Важнейшей, на наш взгляд, особенностью труда А. Шервин-Уайта является не только общий обзор римской восточной политики, но и тщательное и оригинальное изучение конкретных событий, связанных с римско-армянскими отношениями, в котором он не повторяет оценки предыдущих авторов, а выдвигает собственные предположения. Свое особое мнение высказал А. Шервин-Уайт и в отношении действий армянского царя Тиграна II, считая возможным признать проведение Тиграном II самостоятельной политики,

непосредственно связанной с защитой интересов Армении [286, р. 176-185; 189-195]. Несмотря на обзорный характер работы, А. Шервин-Уайт уделил много внимания действиям Тиграна II в период борьбы за Каппадокию [286, р. 109-110], походам Луция Лукулла [286, р. 176-185] и политике Помпея в отношении Армении [286, р. 189-195]. Исследователь пришел к выводу, что Гней Помпей рассматривал Армянское царство как важную составную часть системы союзных государств на Востоке [286, р. 194-195].

А. Шервин-Уайт предложил новый взгляд на римско-армянские отношения в 30-е гг. до н. э. [286, р. 307-321]. На основе тщательного изучения источников, ученый сделал вывод о невозможности раздельного маршрута римских легионов и армии Артавазда II [286, р. 312]. Также местом сбора союзных армий он предложил считать столицу армянского царства – Арташат [286, р. 311]. Эти уточнения коренным образом меняют оценку действий армянского царя и Марка Антония, но сам А. Шервин-Уайт не нашел возможным развить свои выводы. В то же время, мнение ученого осталось неучтенным в большинстве работ конца XX в.

Оценивая внешнюю политику Рима в конце I в. до н. э., А. Шервин-Уайт вновь занял особую позицию и отверг все, выдвигаемые ранее, объяснения неоднократных попыток Октавиана Августа навязать Армении проримских претендентов на престол [286, р. 332-340]. Исследователь достаточно аргументировано доказал несостоятельность экономического фактора как основного побудительного мотива римской агрессии в Армении [286, р. 336]. Не могли быть причинами стремления закрепиться в армянском царстве и соображения престижа, и необходимость защитить римские провинции. Продвижение в Армению, по мнению А. Шервин-Уайта, свидетельствовало о желании любыми средствами удержать под римским контролем стратегически важный регион, даже вопреки мирному характеру римской политики на Востоке [286, р. 337].

Даже тот факт, что А. Шервин-Уайт практически не использовал работы армянских исследователей, не может повлиять на важность его труда. Остается с

сожалением отметить, что исследование А. Шервин-Уайта осталось невостребованным в работах многих ученых конца XX века.

Международным отношениям в Малой Азии посвящена работа ирландского исследователя Б. Макгинга «Внешняя политика Митридата VI Евпатора, царя Понта» [251]. В исследовании рассматриваются на основе всестороннего анализа источников принципы внешней политики Митридата VI. Политика понтийского царя оценивается как направленная на подготовку к столкновению с Римом, что должно было повлиять на позицию Тиграна II, союзника Митридата VI.

Некоторые аспекты римско-армянских отношений анализируются в работе Г. Вайли [300]. Несмотря на обзорный характер статьи, автор смог высказать свое отношение к роли Армении в римской политике не только во время парфянского похода, но и во время разгрома армянского царства.

Подробному изучению римско-армянских отношений посвящена статья Л. Паттерсона "Взаимоотношения Рима с Артаксием I Армянским" [267]. Исследователь пришел к выводу, что Арташес I после заключения договора с Римом своими непродуманными действиями подтолкнул римлян к разрыву соглашения с Великой Арменией [267, р. 160]. Несмотря на то, что автор, на наш взгляд, преувеличил статус римско-армянского соглашения, в статье предлагается интересная трактовка событий в Великой Армении в первой половине II в. до н. э.

Для большинства исследований, затрагивающих римско-армянские отношения в контексте общего анализа ситуации на Востоке во II-I вв. до н. э., свойственен несколько поверхностный подход к проблеме контактов между Арменией и Римом. Многие авторы видят в Армении скорее объект влияния Рима и Парфии, чем самостоятельную политическую силу. Более подробно исследуются римско-армянские отношения в работах специального характера, посвященных непосредственно проблемам истории Рима и Армении. Однако далеко не все моменты римско-армянских отношений были проанализированы

западноевропейскими авторами. Кроме того, далеко не все исследования по истории отношений между Римом и Арменией рассматриваются в этих работах.

Значительно большее внимание истории римско-армянских отношений уделяли ученые Советского Союза и стран СНГ. Подробному изучению истории римско-армянских отношений посвящены исторические труды Я.А. Манандяна [95; 96; 98; 99]. Среди работ общего характера Я.А. Манандяна можно выделить «Критический обзор армянской истории», в котором в сжатой форме излагается оценка римско-армянских отношений. Автор не согласился с утверждением о постоянном противостоянии армян и римлян. Кроме того, он предложил свой вариант движения римских легионов и войск армянского царя Артавазда II в период парфянского похода Марка Антония [95, с. 262].

В другом труде Я.А. Манандяна "Тигран II и Рим" впервые подробно рассматриваются римско-армянские взаимоотношения в период правления Тиграна II [99]. На основе тщательного анализа исторических свидетельств, он предложил новое видение внешней политики армянского "царя царей". С армянского царя окончательно было снято обвинение в труднопредсказуемой тиранической политике, которая провоцировала римских полководцев на ответные действия [99, с. 34]. По мнению исследователя, Тигран II стремился избежать конфликта с Римом. Действия армянского царя, рассматриваемые в литературе как антиримские, Я.А. Манандян считал неопасными для римлян, которые сами вели заведомо агрессивную политику [99, с. 33]. Именно агрессивностью римлян объяснял армянский историк разрыв римско-армянских отношений. В то же время, Я.А. Манандян подчеркивал влияние на позицию Тиграна II парфянской угрозы и усиление армяно-парфянских противоречий. Поэтому разумная и взвешенная политика Помпея позволила частично устранить римско-армянские противоречия [99, с. 211].

Концепция развития римско-армянских отношений, предложенная Я.А. Манандяном, вызвала критические замечания современных исследователей [100, с. 115-116; 102, с. 135; 147, с. 116-118]. Встретили возражения утверждения автора о пассивной позиции Тиграна II в период усиления римско-понтийского

конфликта, особенно в отношении Каппадокии. Подвергнуты критике и комментарии ученого к некоторым событиям армяно-сирийского конфликта [27, с. 31]. Однако несмотря на обоснованность многих замечаний, нельзя отвергать полностью оценку Я.А. Манандяном внешней политики Тиграна II. Гипотеза о признании армянским царем важности добрососедских отношений с Римом не может быть отброшена без исследования свидетельств античных авторов.

В работе «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен» на основании анализа исторических источников, в первую очередь Таблицы Певтингера - римской карты мира IV в. н. э., Я.А. Манандян установил основные торговые пути армянского государства и уточнил локализацию большинства населенных пунктов античного периода [98]. Разбирая события середины I в. до н. э. Он выдвинул интересное предположение об изменении этнической ситуации в Армении в период правления Тиграна II и Артавазда II [98, с. 84].

Труд А.Г. Бокщанина «Парфия и Рим» посвящен, в первую очередь, парфяно-римским отношениям [26; 27]. В то же время, в монографии уделено много внимания и вопросам римско-армянских контактов. Автор оценивает римскую политику как агрессивную, направленную на постепенное подчинение азиатских царств, в том числе и Армении [27, с. 22]. Влияние Парфии на армянские земли было достаточно сильным, но Армения использовала помощь парфян для противостояния римской экспансии. Много внимания уделил А.Г. Бокщанин парфянскому походу Марка Антония [27, с. 108-122]. Он согласился с утверждением источников о предательстве армянского царя и рассматривал римско-армянский союз как насильственный для Армении [27, с. 119]. Несмотря на тщательный анализ источников, А.Г. Бокщанин допустил неточность в трактовке сообщения Диона Кассия о начале похода Антония (Dio Cass., XLIX, 25, 1), и эта его трактовка была некритически воспринята другими авторами [11, с. 100-102], повлияв на оценку действий римлян и армян [27, с. 118].

А.Г. Бокщанин подчеркивал мирный характер политики Августа на Востоке [27, с. 150]. Однако, Августу не удалось удерживать контроль над Арменией. Население страны активно сопротивлялось римской гегемонии и значительная часть армянской политической элиты стремилась сохранить дружественные отношения с Парфией. Неудачи римлян в Армении автор связывал также с малочисленностью римских сил на Востоке [27, с. 156-172].

Подробно анализируются римско-парфянские отношения и в работах И.Д. Головки. В то же время, он уделяет внимание и проблеме римско-армянских и армяно-парфянских отношений. Необходимо отметить, что И.Д. Головки единственный украинский исследователь, который затрагивал в своих статьях проблемы взаимоотношений между Арменией и Римом. В статье "Римско-парфянские отношения в первой половине I века до н. э." он верно, по нашему мнению, утверждает, вопреки мнению большинства исследователей, что Северная Месопотамия была присоединена к Парфии Митридатом III [42, с. 72]. Одним из немногих выступил И.Д. Головки против гипотезы армянских историков об участии войск Артавазда II в походах парфянского царевича Пакора [40, с. 112, пр. 55].

И.Д. Головки анализирует обстоятельства похода Марка Антония в Парфию [41]. В частности, автор отмечает важность пути через Армению в планах Антония, сопоставляя маршрут движения римских войск с военными кампаниями византийского периода [41, с. 140]. Он не считал действия армянского царя на втором этапе похода изменой римлянам, полагая, что Артавазд II должен был защищать свое царство [41, с. 143]. Однако тщательный анализ римско-армянских отношений в статье не проводился, что, безусловно, не было целью работы.

В статье "Парфия и Рим во время принципата Августа" рассматриваются и римско-армянские отношения, однако отрывочно и без должного анализа источников, что привело к ошибочным выводам о пропарфянской ориентации некоторых армянских царей, например, Тиграна IV [44]. Политику Августа И.Д. Головки характеризует как непоследовательную, но агрессивную [44, с.

123]. Он считает, что Армения тяготела к Парфии и вмешательство римлян негативно сказывалось на развитии страны [44, с. 122]. Несмотря на то, что некоторые выводы И.Д. Головки противоречат данным источников [44, с. 128], его статья внесла весомый вклад в изучение римско-армянских отношений.

В статьях С.Г. Тер-Исраэляна анализируется участие войск армянского царя Артавазда II в парфянском походе Марка Антония [158; 159]. На основе изучения основных этапов похода М. Антония и участия в них армянских войск, он пришел к выводу о невиновности Артавазда II в разгроме римских легионов парфянами. Автор доказывает, что армянский царь не предавал Антония и отступление армянской конницы прошло с согласия римлян [158, с. 42]. Обвинение Артавазда II в измене, характерное не только для античных авторов, но и для большинства современных исследователей, возникло благодаря пропаганде сторонников Марка Антония, который пытался оправдать разгром Армении в 34 г. до н. э. [158, с. 243-244]. С.Г. Тер-Исраэлян подробно рассмотрел вероятный маршрут римских и армянских войск, установил численность армии Артавазда II [159, с. 121, 125]. К сожалению, статьи С.Г. Тер-Исраэляна остались незамеченными большинством исследователей.

Истории Армении I в. до н. э. посвящено несколько разделов коллективного труда "История армянского народа". В статье Г.Х. Саркисяна разбираются практически все эпизоды римско-армянских контактов второй половины I в. до н. э. [141]. При этом, отношения Рима и Армении рассматриваются автором как напряженные и, зачастую, враждебные [141, с. 629].

История римско-армянских отношений в I в. до н. э. нашла отражение в других работах Г.Х. Саркисяна. В исследовании "Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин." Г.Х. Саркисян подробно проанализировал историю создания и развития одного из крупнейших городов древней Армении, судьба которого тесно связана с действиями римлян на Востоке [144]. Неоднократно Г.Х. Саркисян обращался к истории Армении конца I в. до н. э., анализируя различные аспекты власти армянских монархов [145].

Изучению истории армянских монет посвящены многочисленные исследования Х.А. Мушегяна [115; 116; 117; 118; 119; 120]. Исследователь предложил новую схему распределения монет армянских царей, которая позволяет уточнить и особенности взаимоотношений правителей Армении с Римом. К сожалению, все еще сохраняются несколько схем атрибуции и периодизации армянских монет. Эти схемы зачастую противоречат друг другу, что создает известные сложности при анализе римско-армянских отношений [116, с. 75-76; 201, р. 32-35].

Римско-армянским культурным и экономическим связям посвятил работу А.П. Акопян [9]. Армянский историк пришел к выводу, что Армения была ареной экономической борьбы между Римом и Парфией [9, с. 9]. В античный период повышается роль Армении в посреднической торговле Запада с Востоком, особенно во времена обострения римско-парфянского противостояния [9, с. 9]. Анализируется в статье А.П. Акопяна и сражение под Тигранакертом [8]. Он усомнился в возможности проведения этой битвы, указывая на значительные искажения в источниках.

Новый взгляд на римско-армянские отношения в период правления Тиграна II предложил Р.Л. Манасерян [100; 101; 102; 103]. Он отказался от оценки внешней политики Тиграна II, которую высказал Я.А. Манандян. Р.Л. Манасерян считает, что Тигран II, создатель одной из крупнейших держав этого периода, не мог занимать пассивную позицию в отношении римской экспансии на Востоке [100, с. 110]. К тому же, Р.Л. Манасерян возражает и против принятого в исторической науке мнения о подчиненной роли Тиграна в понтийско-армянском союзе [100, с. 114].

В своих работах Р.Л. Манасерян рассматривает внешнюю политику армянского царя как целиком независимую и направленную на расширение армянской державы. Так, участие армянских войск в римско-понтийской борьбе за Каппадокию исследователь считает самостоятельными действиями Тиграна II, которые противоречили не только римским, но и понтийским целям.

В Каппадокии армянский царь, следовательно, защищал собственные интересы [100, с. 114].

В отношении причин римско-армянской войны 69-66 гг. до н. э. Р.Л. Манасерян также выдвигает новую концепцию. По его мнению, армянский царь не только ожидал, но и активно готовился к войне с Римом, собирая для этого войска [103, с. 107]. Таким образом, он снимает с Тиграна II обвинения в недальновидности и беспечности перед лицом римской угрозы [103, с. 108].

Новый взгляд на политику Тиграна II, предложенный Р.Л. Манасеряном, оказал значительное влияние на изучение римско-армянских отношений. Признание Тиграна II способным и дальновидным политиком, ведущим активную борьбу с римской экспансией, коренным образом меняет принятое в науке мнение о характере взаимоотношений Армении с Римом. Однако некоторые моменты этой концепции остаются дискуссионными. Несколько преувеличена, по нашему мнению, активность Тиграна II в период римско-понтийского конфликта из-за Каппадокии. Спорным является и предположение о стремлении армянского царя вступить в борьбу с Римом в период Третьей Митридатовой войны.

Среди работ, посвященных римско-понтийским отношениям, затрагивающих и римско-армянские контакты, можно упомянуть и труды Н.Ю. Ломоури, Е.А. Молева, С.Ю. Сапрыкина [92; 93; 108; 109; 136; 137; 139].

В работе Е.В. Смыкова "Парфянский поход Марка Антония (36 г. до н. э.)" действиям армянских войск уделено лишь несколько замечаний [150]. Но в исследовании представлено собственное видение действий римского полководца на основе достаточно полного анализа историографии XX века. В отношении действий Артавазда II автор занимает позицию, сходную с господствовавшей в советской историографии. Армянский царь, по мнению исследователя, не был парфянским агентом, но защищал, в первую очередь, интересы собственной страны [150, с. 119]. В статье «Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла)» Е.В. Смыков обоснованно, на наш взгляд, утверждает, что предположение армянских исследователей об антиармянском

характере римско-парфянского соглашения не соответствует действительности [151].

Обобщающим исследованием, посвященным Армении и Риму в конце I в. до н. э. - начале I в. н. э., можно назвать кандидатскую диссертацию А.Э. Хачикяна "Восточная политика Рима в период становления принципата (Август - Клавдий) и Армения" [180]. Исследователь подвел итог более чем столетнему изучению этой проблемы в мировой исторической науке. По мнению А.Э. Хачикяна, в указанное время Армения вынуждена была противостоять и Риму, и Парфии. Армянские цари, несмотря на общее ослабление страны, пытались вести самостоятельную политику, лавируя между двумя политическими силами. Постоянное вмешательство в армянские дела со стороны римлян и парфян привело к расколу страны на враждующие группировки и превращению Армении в буферное государство [180, с. 51, 80]. А.Э. Хачикян систематизировал нумизматические свидетельства эпохи, предложив новую схему атрибуции монет армянских царей, которая представляется весьма убедительной. На основании нового анализа данных нумизматики, он смог уточнить последовательность смены монархов на армянском престоле [180, с. 71-74].

К спорным моментам работы можно отнести указание на буферный характер армянского царства и утверждение о расколе армянской элиты уже в 30-е гг. до н. э. [180, с. 95]. Представляется недоказанным предположение о существовании армяно-атропатенской унии [180, с. 86]. В то же время, труд А.Э. Хачикяна можно признать наиболее значимым исследованием по истории римско-армянских отношений в период принципата Августа, созданных за последние пятнадцать лет.

В целом, можно утверждать, что в работах советских исследователей и ученых стран СНГ достаточно подробно рассматривается история римско-армянских отношений. Однако, на наш взгляд, некоторые аспекты взаимоотношений между Арменией и Римом не получили должного освещения.

Кроме того, существуют гипотезы, которые, по нашему мнению, требуют более тщательного обоснования.

Итак, как показал обзор исторической литературы, далеко не все аспекты римско-армянских отношений в I в. до н. э. стали предметом специального исследования. Некоторые эпизоды контактов Армении с Римом или остаются дискуссионными, или вообще не изучались.

Одним из наиболее важных моментов римско-армянских отношений, которые все еще остаются дискуссионными, можно признать столкновение римских и армянских интересов в Каппадокии в 90-е годы I в. до н. э. В исследовательских работах предлагалось несколько вариантов причин римско-армянского конфликта, которые, фактически, противоречат друг другу. Агрессивные действия приписывались не только римлянам или армянам, но и понтийскому царю Митридату VI и царям Каппадокии.

Тесно связана с проблемой римско-армянского противостояния при Тигране II проблема вторжения армянских войск в Каппадокию в 70-е гг. I в. до н. э. Однако этот вопрос практически не рассматривался в исторической литературе.

Различные оценки даны и позиции армянского царя в период Третьей войны римлян с Митридатом VI. Его действия рассматриваются или как непродуманные, или как агрессивные, направленные на конфронтацию с Римом. В то же время, практически не анализировались действия римского полководца Луция Лукулла и отношение римского сената к конфликту.

Недостаточно внимания было уделено в литературе конфликту Тиграна II с его сыном, Тиграном Младшим. Однако именно в период этого конфликта укрепились римско-армянские связи и усилились армяно-парфянские противоречия. Противоречия Армении и Парфии, о которых ясно сообщают античные источники, вообще игнорировались большинством ученых.

Исследователи не смогли, на наш взгляд, установить и точные границы царства Тиграна II после заключения договора с Помпеем, что необходимо для выяснения причин армяно-парфянского конфликта в 50-е гг. I в. до н. э. Как

следствие, переход Артавазда II на сторону парфян большинством исследователей воспринимается как добровольный и выгодный для Армении.

Практически не подвергались историческому анализу римско-армянские отношения в 40-е гг. I в. до н. э. Оценка действий армян в этот период, как полностью зависимых от воли их парфянских союзников, представляется недостаточно аргументированной.

Римско-армянские отношения во время парфянского похода Марка Антония привлекли внимание многих ученых. Однако более чем столетнее изучение этой проблемы привело к возникновению нескольких гипотез, часто противоречащих друг другу и не дающих убедительного объяснения как внезапному отступлению войск Артавазда II, так и антиармянской политике Марка Антония.

Нет у исследователей единого мнения и в вопросе об армянской политике Октавиана Августа. Очевидный недостаток источников породил значительные расхождения в оценке событий в Армении и политической ориентации армянских царей. Именно этот период характеризуется как время наиболее тесных контактов между Арменией и Парфией.

Необходимо также отметить, что многие ученые не ознакомились со всеми историческими исследованиями по интересовавшему их вопросу, что обусловило существование нескольких, совершенно не связанных между собой гипотез, основанных на уже опровергнутых предположениях.

Несмотря на разнообразие подходов к проблеме римско-армянских отношений, можно утверждать, что большинство исследователей согласны с тем, что Армения старалась избежать тесных контактов с римлянами. Отношения между Римом и Арменией были скорее враждебные, чем дружественные, так как эти отношения агрессивно навязывались римлянами, вопреки желанию армянских царей и населения страны. По нашему мнению, такая концепция развития римско-армянских отношений не может быть безоговорочно принята не только для всего периода I в. до н. э., но и для большого числа эпизодов римско-армянских контактов. И, следовательно,

проблема римско-армянских отношений в I веке до н. э. нуждается в дальнейшем исследовании, которое позволит полностью раскрыть особенности взаимоотношений между Арменией и Римом в I в. до н. э. - начале I в. н. э.

1.3. Методология и основные методы исследования

Методологическую основу диссертации составляют принципы историзма и объективности, которые обеспечивают возможность реконструкции римско-армянских отношений и создают условия для выявления причинно-следственных связей, влиявших на эти отношения и обусловивших их развитие. Следование этим принципам позволяет сохранить объективный подход к изложению и оценке исторических событий, информация о которых содержится в исторических источниках. Свидетельства исторических источников как нарративных, так и эпиграфических, нумизматических рассматриваются в работе на основе комплексного метода анализа источников, который позволяет выявить необходимую информацию, присутствующую в источниках, а также выявить недостоверную и тенденциозную.

Решение проблемы римско-армянских отношений в I в. до н. э. требует анализа не только политических контактов между двумя государствами, но и учета общей международной ситуации на Востоке. Не менее важное значение имеет и анализ совокупности внутривнутриполитических факторов оказывавших влияние на внешнюю политику Армении и Рима. Наиболее полно осветить историю римско-армянских отношений можно, на наш взгляд, на основе синтеза общеисторических методов исследования и элементов метода системного анализа, применяемого при оценке международных отношений.

Анализ римско-армянских отношений невозможен без привлечения сведений об общей международной ситуации не только в Азии, но и во всем

Средиземноморье. Исследователи часто углублялись в ход военных действий или рассматривали только те политические события, которые были непосредственно связаны с развитием римско-армянских отношений, что приводило к появлению ошибочных концепций и гипотез.

В силу особой ситуации, которая сложилась в Передней Азии в I в. до н. э., отношения между Арменией и Римом во многом зависели от соседних стран, оказывавших влияние как на два государства непосредственно, так и на их взаимоотношения. В 90-70 гг. I в. до н. э. таким государством было понтийское царство Митридата VI, затем - Парфянская держава. Поэтому невозможно рассматривать римско-армянские отношения как отношения двух субъектов в замкнутой системе. Применение синхронного метода исторического исследования позволяет учесть влияние на римско-армянские отношения ситуации на Востоке в целом и постоянное присутствие третьей силы.

Среди факторов, определявших римско-армянское взаимодействие в I в. до н. э. можно выделить несколько внешнеполитических, без учета которых анализ ситуации был бы неполон. Во-первых, непосредственные контакты между Римом и Арменией. Во-вторых, взаимодействие Армении и Рима с третьей силой (Понт, Парфия). В-третьих, взаимоотношения римлян и армян с соседними азиатскими государствами, также влиявшие на международную ситуацию в регионе. Только при учете двух последних факторов можно провести реконструкцию римско-армянских отношений в I в. до н. э. Таким образом, метод системного анализа внешней политики является одной из составных частей методологической базы нашего исследования.

В то же время, игнорирование особенностей принятия политических решений и в Римской республике, и в Армянском царстве приводит к созданию искаженной картины взаимоотношений между Римом и Арменией. Нельзя согласиться с упрощенной трактовкой внешней политики Рима, которая часто характеризовалась исследователями либо как агрессивная, либо как оборонительная [73, с. 166-168]. На внешнюю политику Рима, более чем на политику других держав, оказывали влияние особенности его государственного

устройства, когда принятие решений зависело от нескольких политических сил, имевших разные, часто противоположные интересы. Это вело к тому, что при сохранении постоянных стратегических целей во внешней политике, тактика действий римлян неоднократно менялась в зависимости от того, какая политическая группировка осуществляла руководство внешней политикой. Следовательно, в работе использовались и элементы метода генетического анализа, который позволяет выявить причинно-следственные связи, обусловившие развитие римско-армянских отношений.

Необходимо учитывать и то, что в течение I в. до н. э. возникали новые факторы, влиявшие на внешнюю политику Рима. Кризис республиканского строя вел к постепенной индивидуализации принятия решений, касавшихся и взаимоотношений Рима с царствами Востока. Римские полководцы, которые становились все более независимыми от сената, вносили в политику Рима элементы непоследовательности и личных пристрастий. Еще большее влияние на римскую политику оказали гражданские войны, сломавшие внешнеполитические стандарты Рима. Восстановление планомерной политики в отношении Армении в период правления Октавиана Августа происходило уже на новой основе, что объясняется установлением единоличной власти принцепса.

В ином направлении проходили изменения, которые претерпевала государственная власть в Армении. Если Тигран II обладал полной властью в стране, то при его наследниках значение царской власти уменьшилось. К началу I в. н. э. армянские цари во многом зависели от различных политических группировок, отстаивавших собственные интересы. Следовательно, армянская внешняя политика с течением времени испытывала влияние растущего числа факторов и приобретала черты хаотичности. Диахронный метод дает возможность провести периодизацию и выделить качественные изменения во внешней политике Рима и Армении.

Изучение международных отношений невозможно без анализа внешнеполитических стандартов, принятых в государствах - субъектах этих

отношений. Однако глобальные изменения в римской политике не дают нам возможности опереться на существующие модели взаимоотношений Рима с зависимыми царствами, предложенные исследователями. Буферная модель, в которой царство рассматривается только как объект приложения сил римлянами [99, с. 215; 180, с. 51; 250, р. 12], неоднократно была подвергнута критике [80, с. 5-7; 206, р. 90-92; 286, р. 54]. Римляне не могли относиться к союзным царствам исключительно как к нейтральной полосе между своим государством и враждебными соседями [206, р. 92-93]. Возражение вызывает и "клиентарная" модель взаимоотношений [197, р. 78; 252, р. 485]. В этом случае царство также остается объектом, всецело зависящим от действий своего партнера - Рима.

Концепция взаимовыгодных отношений между Римом и союзными монархиями, на наш взгляд, достаточно подкреплена фактическим материалом, но, как и предыдущие модели, практически статична [80, с. 5-7; 206, р. 90-92]. В условиях постоянной эволюции системы принятия решений в Риме, применение любой модели взаимоотношений римлян с зависимыми царствами только усложнит исследование. При анализе римско-армянских отношений необходимо учитывать существующие концепции развития римской политики в отношении союзников, но необходимо отказаться от следования только одной модели. Очевидно, что на фоне значительных политических изменений возможно было применение всего арсенала внешнеполитических приемов и методов. Установить какой из внешнеполитических принципов оказывал наибольшее влияние на действия римлян можно на основе сравнительно-исторического метода, в основе которого лежит сопоставление исторических явлений.

Не менее сложной задачей следует признать поиск внешнеполитических стандартов Армянского царства, что вызвано, в первую очередь, недостатком исторических свидетельств. Кроме того, армянская политика была еще более подвержена изменениям, чем римская. Принимая возможность существования определенной позиции в отношении Рима некоторых правителей Армении, необходимо помнить, как и в случае с римской политикой, о постоянных изменениях, которая вносила в действия царей историческая реальность. С

другой стороны, Армения как государство, значительно уступавшее в военной мощи Риму, обладало меньшей степенью свободы и, следовательно, имело меньше возможностей для маневра, то есть его политика должна быть менее вариативна. Проследить изменения во внешней политике Рима и Армении можно, используя хронологический метод исторического исследования, наиболее полно раскрывающий динамику развития международных отношений.

Применение предложенных методов исторического исследования позволит, на наш взгляд, реконструировать процесс развития римско-армянских отношений, избежав искажений, которые могут быть вызваны сужением пространства исторического анализа и использованием статичных схем взаимоотношений между двумя государствами.

Таким образом, на основе имеющихся сведений исторических источников и предложенной методики исследования можно провести анализ римско-армянских отношений в I в. до н. э. - начале I в. н. э., восстановить историю развития отношений между Римом и Великой Арменией и определить их влияние на эволюцию восточной политики римлян, на трансформацию положения Великой Армении в регионе и на развитие международной обстановки в Передней Азии в целом.

ГЛАВА 2

РИМСКО-АРМЯНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I В. ДО Н. Э.

Продвижение Римской республики на Восток оказало большое влияние на международную ситуацию в Азии. К I в. до н. э. римлянам удалось закрепиться в Малой Азии, создав на ее территории две римские провинции. Большинство малоазиатских монархий оказались связаны с Римом союзными отношениями, которые предполагали гегемонию римлян. Но Римская республика не прекратила экспансии и стремилась к дальнейшему укреплению своей власти уже за пределами Малой Азии. В то же время, далеко не все азиатские монархи были готовы смириться с ростом влияния римлян, и в первой половине I в. до н. э. Риму приходилось силой защищать свои завоевания на Востоке.

В первой половине I в. до н. э. при царе Тигране II усиливается одно из армянских государств - Великая Армения. Тигран II начинает постепенно увеличивать свои владения за счет территорий соседних стран. Так как одним из направлений экспансии армянского царя становится Малая Азия, столкновение армянских и римских интересов оказывается неизбежным.

2.1. Предыстория взаимоотношений Рима и армянских царств.

Несмотря на то, что постоянные контакты между римлянами и армянами были установлены только в начале I в. до н. э., необходимо рассмотреть и предысторию римско-армянских отношений, которая относилась ко II в. до н. э.

Первые контакты между Римской республикой и Арменией устанавливаются в начале II в. до н. э., когда римляне впервые вмешались в события в Малой Азии

[198, р. 81-82]. В 192 г. до н. э. началась война между царем государства Селевкидов Антиохом III Великим и Римом. Антиоху удалось в начале конфликта захватить часть территории Греции, но римские легионы вытеснили сирийские войска из Европы и под командованием Л. Сципиона перенесли военные действия в Малую Азию. Решающая битва состоялась в 190 г. до н. э. при Магнесии, в ходе которой римляне и их союзники нанесли окончательное поражение армии Антиоха III. Сражение под Магнесией привело к окончанию так называемой Сирийской войны и заключению в Апамее мирного договора между Антиохом III и римлянами (Polib., XXI, 16-17; 45; Liv., XXXVII, 38; App. Syr., 38; 39).

Так как сенат в это время не ставил перед собой задачи захвата земель в Азии, договор с Антиохом был направлен, в первую очередь, на общее ослабление государства Селевкидов, уменьшение наступательного потенциала страны [136, с. 169-170; 286, р. 20-21]. В этом случае большую роль римляне отводили привлечению на свою сторону бывших союзников Антиоха, а также правителей зависимых от Селевкидов земель [259, р. 23; 286, р. 26]. Были заключены договоры с правителями Вифинии, Каппадокии, галатами и малоазийскими династиями (Liv., XXXVII, 14; 25; XXXVIII, 20; Polib., XXI, 1; 34-36; 47; Strabo, XII, 2, 11; App. Syr., 23; Diod., XXXI, 3).

Римляне установили дипломатические отношения и с селевкидскими сатрапами Армении - Артаксием [23, с. 156] (Арташесом) и Зариадром (Зарехом) (Strabo, XI, 14, 15). Согласно сообщению Страбона, эти сатрапы "...перешли на сторону римлян и, провозглашенные царями, получили независимость", - перевод Г.А. Стратановского (ka[^] Ārcon oátoi toà basilšwj [™]pitršyantoj ¹tthqšntoj d' [™]ke...nou prosqšmenoi `Rwma...oij kaq' aøtoýj [™]tfttonto basilexoj prosagoreuqšntej) (Strabo, XI, 14, 15). Это высказывание Страбона принимается большинством исследователей, и, кроме того, историчность Артаксия подтверждается эпиграфическими находками, сделанными в Армении в XX веке [28, с. 101; 267, р. 154]. Несмотря на отсутствие в источнике прямых указаний, можно согласиться с предположением П. Астуряна, что инициатива в установлении дипломатических отношений исходила от

армянских сатрапов [195, s. 12].

Но, на наш взгляд, нельзя принять буквальное понимание сообщения Страбона [267, p. 155]. Анализ интересующего нас места "Географии" дает возможность уточнить условия соглашения Рима с армянскими правителями. Неоспоримо существование римско-армянского соглашения и влияние этого договора на борьбу армянских сатрапов за независимость. Сомнения вызывает формулировка принципов соглашения между римлянами и Арташесом и Зариадром, которые без должного анализа принимаются современными исследователями [267, p. 155].

Римской дипломатии, оформившейся в период завоевания Апеннинского полуострова, было известно несколько видов международных договоров, которые применялись во взаимоотношениях с царствами [21, с. 135; 124, с. 283; 136, с. 169; 151, с. 324; 286, p. 58-59]. Соглашение о дружбе (*amicitia*), предусматривающее дружественный нейтралитет договаривающихся сторон, было достаточно широко известно в III-II вв. до н. э. [10, с. 304]. Более тесным соглашением был равноправный союзный договор (*foedus aequum*), включавший статьи о взаимопомощи. Монарх, заключивший подобный договор с Римом, считался "другом и союзником римского народа", объявление войны такому правителю было возможно только с согласия римского народа [10, с. 304; 124, с. 513; 107, с. 106]. Однако во II в. до н. э. в связи с ростом могущества Рима равноправный союзный договор практически не применялся [10, с. 304; 124, с. 513]. Его место занимает так называемый неравноправный союзный договор – *foedera iniqua*, согласно которому союзник римлян признавал гегемонию римлян в случае совместных действий [21, с. 297; 124, с. 513; 286, p. 59]. Союзные отношения, по крайней мере во II в. до н. э., закреплялись стандартным договором не только с соседними народами, но и с царями [21, с. 135; 286, p. 64]. В то же время, общеполитическая ситуация на Востоке не позволяла римлянам диктовать свою волю столь отдаленной стране как Армения, и поэтому маловероятно заключение неравноправного союзного договора с этим царством.

Вопреки мнению некоторых исследователей, никакого решения сената по заключению договора с армянскими царями принято не было [267, р. 158]. Отсутствие каких бы то ни было указаний на совместные римско-армянские действия и игнорирование сенатом нападения на Армению, совершенного Антиохом IV Эпифаном в 70-е гг. II в до н. э., могут свидетельствовать об отсутствии между Римом и армянскими правителями равноправного союзного договора. Скорее всего, между армянскими сатрапами и римлянами было заключено соглашение о дружбе (*amicitia*), которое предусматривало только дружественный нейтралитет и не предполагало письменной фиксации [151, с. 324]. По нашему мнению, именно отсутствие указания на решение сената является свидетельством о заключении между Римом и армянскими правителями только соглашения о дружбе.

Существовала в римской внешнеполитической практике и процедура "признания" царя [151, с. 325; 206, р. 23-26]. Первоначально, признавая царя, римляне соглашались с тем, что монарх может считаться "другом и союзником римского народа", и лишь впоследствии, когда азиатские правители полностью попадали в зависимость от римлян, процедура признания царя стала необходимым условием вступления монарха на престол [206, р. 26].

Утверждение Страбона о признании римлянами армянских сатрапов царями без должного анализа принимается исследователями [267, р. 155]. Однако признание Римом армянских сатрапов царями в начале II в. до н. э. представляется, по нашему мнению, маловероятным. В этот период римляне еще не обладали таким влиянием в Азии, чтобы применять процедуру признания так, как это стало возможно в I в. до н. э. Более вероятно, что Страбон или его источник рассматривает процедуру признания в традиции своего времени, когда признание царя Римом и его коронация были тесно взаимосвязаны. Дальнейшее развитие событий покажет, что Арташес не считал себя зависимым от Рима и действовал как суверенный правитель, участвуя в войнах, направленных против римских союзников. Скорее всего, Арташес и Зариадр, воспользовавшись ослаблением

Селевкидов и опираясь на договор с Римом, самостоятельно провозгласили независимость своих владений.

После событий Сирийской войны армянские земли надолго выпадают из поля зрения римлян. В условиях стремительно развивающихся событий в Азии сенат старается избежать вооруженных конфликтов, переложив решение спорных вопросов на своих союзников [136, с. 170]. Далекая Армения, не оказывавшая значительного влияния на малоазийские события, не могла заинтересовать римскую дипломатию в период, когда даже значительные войны между римскими союзниками могли вызвать только прибытие римских представителей [286, р. 29-30, 55-57].

Однако армянские государства тем или иным образом были вовлечены в сферу римских интересов в ходе борьбы Фарнака I Понтийского с Пергамом и Каппадокией. В договоре 179 г. до н. э. упоминается Митридат, правитель Малой Армении, и Арташес, владевший Великой Арменией (Polib., XXV, 2, 12). Скупость сообщения Полибия привела к появлению противоположных гипотез об участии Великой Армении в этой войне. Арташеса I называют и союзником Понта [286, 43], и союзником Пергама [66, с. 37; 156, с. 45; 267, р. 157], и нейтральной стороной [134, с. 127; 136, с. 171-172; 267, р. 158; 297, р. 276]. По нашему мнению, Арташес I действительно мог сохранить нейтралитет в этой войне, так как ни один источник прямо не упоминает об участии царя Великой Армении в конфликте.

Даже если царь Великой Армении выступил против Пергамского царства, пользовавшегося покровительством римлян, это не означало разрыва дружественных отношений с Римской республикой, так как войны между союзниками Рима не поощрялись, но допускались [87, с. 9]. Однако после малоазийской войны прекратились даже косвенные контакты Армении и Рима, что объясняется не только незаинтересованностью римлян, но и ситуацией в Армении, которая должна была вести борьбу с Селевкидами (Diod., 31, 17 а; App. Syr., 45).

Отказ римлян от вмешательства в борьбу Арташеса с Антиохом IV около 165 г. до н. э. не может объясняться агрессивностью армянского царя [267, р. 159]. Соглашение о дружбе не предусматривало взаимопомощь, и пассивность Рима

может быть связана именно с этим соображением. Кроме того, в это время римляне не интересовались происходящим столь далеко от границ их влияния в Азии.

Нет никаких данных об участии римлян в армяно-каппадокийском конфликте, возникшем около 163 г. до н. э. (Diod., 31, 22), и тем более нет даже косвенных указаний на разрыв римско-армянской дружбы из-за позиции Арташеса I в борьбе с Каппадокией [267, р. 160]. Война между союзниками, как уже говорилось выше, допускалась внешнеполитической практикой римлян. Рим не должен был разрывать соглашение, которое не обязывало ни одну из сторон к согласованной политике. Скорее всего, римляне перестали интересоваться ситуацией в Великой Армении, о чем свидетельствует молчание исторических источников.

На наш взгляд, первые контакты между Римом и Великой Арменией, сыгравшие определенную роль в становлении армянского государства, не могли превратиться в долгосрочные союзные отношения. Анализ данных источников, в первую очередь Страбона, свидетельствует о том, что между Римом и Великой Арменией не мог быть заключен союзный договор, предусматривающий взаимные обязательства. Тем более не могли римляне "признавать" правителей армянских государств царями, так как эта процедура еще не существовала в начале II в. до н. э. Установленная между Римом и Великой Арменией "дружба" не предполагала совместных действий и оставалась простой формальностью. Географическая удаленность Рима и Великой Армении и отсутствие общих интересов привели к прекращению прямых римско-армянских отношений уже через десятилетие после заключения "дружбы". Эти отношения не возобновлялись вплоть до 90-х гг. I в. до н. э. Следовательно, влияние римско-армянских контактов начала II в. до н. э. на отношения между двумя государствами в I в. до н. э. не было определяющим. В то же время, отношения между Римом и Великой Арменией II в. до н. э. не должны были накладывать негативный отпечаток на дальнейшее развитие взаимоотношений между государствами.

2. 2. Римско-армянские взаимоотношения в 90-е гг. I в. до н. э.

Контакты римлян и армян возобновились в начале I в. до н. э., но уже на качественно новом уровне. К этому времени Римская республика прочно утвердилась на азиатском континенте, создав на месте Пергамского царства собственную провинцию. Интересы римлян простирались значительно дальше на восток, чем во II в. до н. э., и защита собственных владений должна была бы вынудить сенат более тщательно подойти к отношениям с азиатскими правителями. Однако события последней трети II в. до н. э. свидетельствовали о том, что римляне, успокоенные поддержкой союзников в деле присоединения Пергама, не ужесточили контроль за событиями в Малой Азии [111, с. 491; 286, р. 88-90, 92]. Пассивность сената в этом вопросе позволила значительно усилиться союзному Риму Понтийскому царству, цари которого претендовали на ведущую роль в регионе [286, р. 104].

Армянские земли в начале I в. до н. э. оказались в зависимости от своих соседей. Малая Армения, тесно связанная с Понтом еще со II в. до н. э., была присоединена к Понтийскому царству Митридатом VI (Strabo, XII, 3, 28) в первое десятилетие правления понтийского царя [92, с. 37; 108, с. 186; 137, с. 29; 278, р. 103]. Софена, удел Зариадра, находилась, вероятно, в зависимости от Каппадокии [278, р. 103]. Судьба наибольшего армянского государства – Великой Армении, была более драматична. В конце II в. до н. э. Великая Армения подверглась нападению парфянского царя Митридата II, который в знак покорности потребовал выдачи заложников (Just., XLII, 2, 6). Желая укрепить парфянское влияние в Армении, Митридат II около 95 г. до н. э. привел на армянский престол Тиграна II (Strabo, XI, 14, 15), взамен получив земли, называемые в источнике "семьдесят долин" [55, с. 192; 99, с. 26]. Дата прихода к власти Тиграна II определяется на основе сообщения Плутарха (Plut., Luc., 21), согласно которому в 71/70 г. до н. э. царь правил уже 25 лет.

Новый правитель Великой Армении не желал мириться с парфянской гегемонией и практически с первых лет царствования предпринял меры по усилению своей державы [100, с. 109]. Так как борьба с Парфией в сложившихся условиях, то есть без мощной экономической и военной базы, была невозможна, внимание Тиграна II оказалось сосредоточено на северных и западных пределах страны, где существовала возможность присоединения к Великой Армении новых территорий. Таким образом, в 90-е годы интересы Рима и Великой Армении должны были столкнуться именно на востоке Малой Азии, причем Армянское царство в данном случае занимало более активную позицию.

Первым завоеванием нового армянского царя на западе оказалось армянское царство Софена, находившееся на левом берегу Евфрата, которой управлял потомок Зариадра (Зареха) Артан (Strabo, XI, 14, 15). С середины II в. до н. э. Софена являлась предметом спора между Великой Арменией и Каппадокией. Когда армянский царь Арташес попытался усилить свое влияние в Софене, поддержку софенцам оказал каппадокийский царь Ариарат V (Diod., 31, 22). Высказывалось предположение, что именно в ходе этих событий к Каппадокии был присоединен город Томиса, прикрывавший важнейшую переправу через Евфрат на левом берегу реки [278, р. 103].

К началу I в. до н. э. Каппадокийское царство значительно ослабло и само неоднократно становилось объектом агрессии со стороны Понта и Вифинии, поэтому сопротивления наступлению Тиграна II каппадокийцы оказать не смогли. Наиболее вероятно, что в 94 г. до н. э. царь Великой Армении изгнал софенского царя Артана и присоединил его царство к своим владениям (Strabo, XI, 14, 15). В то же время каппадокийский царь Ариобарзан I вынужден был уступить за сто талантов Томису (Strabo, XII, 2, 1). Маловероятно, что цари Каппадокии могли отказаться от этой важной евфратской крепости в пользу зависимых софенских царей. Поэтому можно согласиться с Т. Рейнаком, что неназванный правитель Софены у Страбона - это именно Тигран II [278, р. 104]. Утверждение Т. Рейнака о том, что завоевание Софены произошло при Ариарате Каппадокийском, противоречит установленному периоду правления Ариобарзана I [286, р. 108].

Первые территориальные приобретения армянского царя продемонстрировали, что Тигран II отказался признавать сложившееся на границах Великой Армении *status quo* и готов активно вмешаться в малоазийскую политику. С другой стороны, захват Софены не привел и не мог привести к каким-либо значительным изменениям в Азии. Маловероятно, что уже с захватом Софены Армения оказалась втянута в противостояние с Римом. Прямые контакты римлян с этим царством после 189 г. до н. э. не засвидетельствованы, и даже союз Софены с Каппадокией устанавливается на основании косвенных данных (Diod., 31, 22). В римской внешнеполитической практике конфликты между союзниками были достаточно частым явлением, в которые сенат если и вмешивался, то как третейский судья. Учитывая кризис римской восточной политики в конце II - начале I вв. до н. э., изменение статуса небольшого и отдаленного царства вряд ли могло привлечь внимание Рима и, тем более, вызвать ответную реакцию [151, с. 320; 286, р. 104].

В то же время, с захватом Софены Армения Тиграна II оказалась вовлечена в сложнейшую политическую борьбу на востоке Малой Азии. Перед армянским царем возникает проблема выбора союзников, так как дальнейшие самостоятельные действия в столь важном регионе были невозможны [93, с. 82-83]. Античные авторы практически единодушно утверждают, что Тигран II вступил в союз с царем Понта – Митридатом VI Евпатором (App. Mithr., 15; Just., XXXVIII, 3, 2; Memn., 30, 3).

Понтийский царь Митридат VI продолжал политику своих предшественников по расширению влияния и границ своего царства [109, с. 59; 137, с. 26]. Воспользовавшись ослаблением римского контроля за событиями на Востоке, Митридат постепенно увеличивал собственные владения, в том числе и за счет земель римских союзников. Осознавая неизбежность конфликта с Римом, Митридат стремился обеспечить надежный тыл своей державы и, следовательно, был заинтересован в дружественной позиции Великой Армении [139, с. 44]. Союз с Тиграном II облегчал Митридату VI и выполнение тактической цели – установление гегемонии Понта в Каппадокии [225, s. 404; 278, р. 105]. Именно

активное вмешательство понтийского царя во внутренние дела соседней страны заставило римлян обратить внимание на династическую борьбу в Каппадокии и возвести на престол Ариобарзана I (App. Mithr., 10). Митридат VI в это время еще не был готов пойти на открытое столкновение с Римом и вынужден был признать коронацию каппадокийского царя. В традициях эллинистических монархий армяно-понтийский союз был скреплен династическим браком Тиграна II и дочери Митридата VI Клеопатры (Just., XXXVIII, 3,2).

Современные исследователи расходятся в датировке заключения армяно-понтийского союза, лишь приблизительно определяя время заключения договора от 95 до 93 года до н. э. [27, с. 27; 92, с. 42; 99, с. 28-29; 100, с. 116; 111, с. 502; 225, с. 403-404; 278, р. 105; 286, р. 109]. Точная датировка союза на основе отрывочных сообщений источников практически невозможна, но, на наш взгляд, следует восстановить относительную хронологию событий. Ничто не говорит о том, что союз Митридата VI и Тиграна II был заключен до захвата армянским царем Софены в 94 г. до н. э., но союз уже существовал в момент нападения Тиграна II на Каппадокию в 93 г. до н. э. (Just., XXXVIII, 3,2). Скорее всего, Великая Армения привлекла внимание правителя Понта в тот период, когда армянские войска вышли к берегам Евфрата. Следовательно, договор с Митридатом Тигран мог заключить или во второй половине 94 г. до н. э., или, самое позднее, в начале 93 г. до н. э., что соответствует предположениям Т. Рейнака и Р.Л. Манасеряна [100, с. 116; 278, р. 105].

Необходимо указать на то обстоятельство, что в рассматриваемый период Армения все еще оставалась небольшим государством, которому не удалось выйти за пределы этнических границ, поэтому союз с Понтом мог быть соглашением равных только в дипломатическом смысле [111, с. 502]. Возможности и международное положение двух царств в 90-е годы до н. э. были слишком различны, как и амбиции правителей. Гегемония Митридата в союзе с Тиграном была, таким образом, логично обоснована и должна была приниматься армянским правителем, по крайней мере, на первом этапе.

По нашему мнению, армяно-понтский союз – блестящий дипломатический успех понтского царя, которому удалось привлечь на свою сторону потенциального соперника в борьбе за Восточную Анатолию [93, с. 82]. Когда в 94 г. до н. э. армянские войска присоединили Софену и перед Тиграном II возник вопрос о направлении дальнейшей экспансии, Понтийское царство уже захватило третье армянское государство – Малую Армению [33, с. 645; 109, с. 20; 137, с. 29]. Столкновение интересов Понта и Великой Армении было достаточно вероятным, и армянский царь мог занять недружественную Митридату VI позицию, особенно при наличии сильного и надежного союзника. Однако равнодушие римлян к событиям за Евфратом сделало союз с Понтом единственным возможным выходом в создавшейся ситуации для армянского царя.

Противоречивые и отрывочные сведения источников привели к появлению в литературе нескольких вариантов развития событий в Каппадокии в 93-91 гг. до н. э. [99, с. 31-38; 100, с. 109-118; 137, с. 25; 199, р. 157; 278, р. 105-110; 286, р. 108-120]. В 96/95 гг. до н. э. ставленник Митридата VI Ариарат IX вынужден был покинуть Каппадокию по требованию Рима (Strabo, XII, 2, 11; Just., XXXVIII, 2, 8; 5, 9), и на престол царства римляне возвели Ариобарзана I. В исторической литературе принято датировать правление Ариобарзана I 95 г. до н.э., однако некоторые ученые, на основании данных нумизматики, предлагают считать датой воцарения Ариобарзана 96 г. до н. э. [286, р. 107, п. 47]. Митридат VI заключил союз с Тиграном II и побудил его напасть на Каппадокию самостоятельно, опасаясь вызвать большее недовольство римского государства (Just., XXXVIII, 3, 1-3). В 93 г. до н. э. армянские войска вторглись в царство Ариобарзана I и сместили царя, который был вынужден обратиться за помощью к римлянам. Страна была передана Гордию (Plut. Sulla, 5), стороннику Митридата еще в первой половине 90-х гг. до н. э. [100, с. 116]. По мнению некоторых исследователей, в Каппадокии были оставлены армянские гарнизоны [278, р. 105]. Но в отличие от событий конца II – начала I вв. до н. э., когда сенат старался избегать силового вмешательства в династическую борьбу в Каппадокии, в данном случае римляне решили предпринять активные действия [286, р. 110].

Наместник провинции Киликия Луций Корнелий Сулла в 92 г до н. э. с незначительным контингентом войск, состоящих в основном из союзников, изгнал из каппадокийских земель Гордия, разбил пришедшие ему на помощь армянские войска (Plut. Sulla, 5) и восстановил Ариобарзана I [42, с. 70; 55, с. 192; 252, р. 206; 278, р. 105; 295, р. 603; 298, р. 474; 301, s. 21].

Э. Бэдиан выступил против традиционной датировки восстановления власти Ариобарзана I - 92 г. до н. э. и предложил считать датой этих событий 96 г. до н. э. [199, р. 157]. Позднее была предложена компромиссная дата - 94 г. до н. э. [285, р. 177]. Однако ни одна из новых датировок не объясняет каким образом Тигран II мог руководить вторжением в Каппадокию, находясь в парфянском плену. Ошибочность гипотезы Э. Бэдиана доказали советские историки еще в 70-е г XX в. [149, с. 210]. Автор компромиссной даты отказался от своего предложения в пользу 92 г. до н. э. [286, р. 110-111, п. 53]. Возобновившаяся дискуссия по этому вопросу не добавила новых аргументов в защиту более ранней датировки [138, с. 125, 196, прим. 25; 151, с. 318]. По нашему мнению, датировка похода Суллы 92-м г. до н. э. остается наиболее вероятной.

Ариобарзан I смог царствовать не более года, так как в 91 г. до н. э. войска под командованием Митраоса и Багоаса вновь изгнали его из Каппадокии и передали власть Ариарату IX, сыну Митридата VI (App. Mithr., 10). Большинство исследователей соглашаются с предположением Т. Рейнака об отношении Митраоса (Μιτράοης) и Багоаса (Βαγέας) к командованию не понтийской, а армянской армии и считают поход 91 г. до н. э. вторым вторжением Тиграна II в Каппадокию [99, с. 33; 100, с. 116; 278, р. 115; 286, р. 112]. Основным аргументом для подобного предположения признается отсутствие военачальников с такими именами в армии Митридата VI, для командиров которой были более характерны греческие имена [278, р. 115]. Таким образом, события 91 г. до н. э. трактуются как очередная победа Митридата VI, которому удалось чужими руками добиться контроля над Каппадокией, избежав обвинений со стороны римлян [225, s. 404; 278, р. 115].

Однако источники единодушно утверждают, что и в 93, и в 91 гг. до н. э. римляне знали истинного вдохновителя походов армянского царя и открыто обвиняли в этом Митридата (App. Mithr., 10; Plut. Sulla, 5; Just., XXXVIII, 5, 2). По нашему мнению, доказательства принадлежности Митраоса и Багоаса именно к армии Тиграна II недостаточны. Действительно, в войске Митридата отсутствуют полководцы с такими именами, но таких имен нет и у известных нам армянских военачальников. Имена, особенно Митраос, имеют иранское происхождение, что допустимо и для армянской, и для понтийской ономастики. В то же время, отсутствие прямого упоминания об армянах в источниках не позволяет безоговорочно признать Митраоса и Багоаса армянскими полководцами. Следовательно, мы можем с уверенностью говорить только о двух походах армян в Каппадокию в 90-е гг. I в. до н. э.

В современной западной исторической науке Тигран II рассматривается как покорный исполнитель воли своего тестя – Митридата VI Евпатора [225, s. 404; 278, p. 105; 286, p. 111]. Несколько иной взгляд на развитие событий 93-91 гг. до н. э. предложили в своих работах армянские исследователи. По мнению Я.А. Манандяна, Тигран действовал в интересах Митридата только потому, что это соответствовало задачам армянского государства, так как Каппадокия представляла угрозу и для Понта, и для царства Тиграна II [99, с. 33].

Р.Л. Манасерян предложил свое видение событий в Каппадокии, справедливо не согласившись с тезисом Я.А. Манандяна о каппадокийской угрозе [100, с. 115-116]. В 93 г. до н. э., отмечает ученый, Тигран II действовал в Каппадокии самостоятельно, не согласовав свои шаги с Митридатом. Воцарение Гордия прошло не по указке понтийского царя, а стало результатом соглашения Тиграна II и каппадокийской знати, враждебно настроенной по отношению к Митридату. Митридат VI вынужден был смириться с завоеванием армян, опасаясь негативной реакции Рима и недовольства каппадокийцев. Однако решительное вмешательство Луция Корнелия Суллы в 92 г. до н. э. заставило Тиграна II не только отказаться от контроля за Каппадокией, но и вступить в антиримский союз с Митридатом. Поэтому в 91 г. до н. э. армянские войска действовали уже в

интересах Понта.

На наш взгляд, гипотеза Р.Л. Манасеряна вызывает некоторые возражения. Самостоятельность действий Тиграна II в 93 г. до н. э. представляется маловероятной по двум причинам. Во-первых, царство Тиграна II в 90-е годы было недостаточно сильным, чтобы действовать против воли понтийского царя, не имея иной поддержки. Во-вторых, совершенно необъяснимо, почему Тигран, недавно вступивший в союз с Митридатом, столь внезапно пошел на конфликт с царственным тестем. Сам Р.Л. Манасерян согласен с датировкой армяно-понтийского союза - 94 г. до н. э. [100, с. 116]. Более вероятно, что в 93-91 гг. до н. э. царь Великой Армении вынужден был считаться с интересами могущественного царя Понта, которые на определенном этапе совпадали с интересами Армянского царства. По нашему мнению, Тигран II не был в состоянии действовать вопреки соглашению с Митридатом VI. В таком случае, антиримские действия армянского царя были вызваны не самостоятельным выбором Тиграна II, а позицией его понтийского союзника.

Прояснить действия царя Великой Армении позволят, на наш взгляд, сообщения источников об армяно-понтийском договоре. Наиболее спорным в истории армяно-понтийских отношений остается определение цели заключения союза двух царей, а также количество соглашений между монархами [147, с. 116]. Описание армяно-понтийского союза наиболее подробно приведено в эпитоме сочинения Помпея Трога, составленной Юстином (Just., XXXVIII, 3, 1-5). Произведение Юстина - единственный источник, в котором оформление союза между царями упомянуто в связи с конкретно-историческими условиями. Остальные источники сообщают только о факте существования союза между Тиграном и Митридатом (App. Mithr., 15; Memn., 30, 3).

Согласно Юстину, Митридат VI, стремясь свергнуть Ариобарзана I, но опасаясь ответной реакции Рима, заключил союз с недавно (nec olim) провозглашенным царем Тиграном II: "...недавно ими в царство отцовское отпущен", - перевод наш (...nec olim ab eisdem in regnum paternum remissus) (Just., XXXVIII, 3, 1), выдав за него свою дочь Клеопатру. После чего армянские войска

сместили Ариобарзана I и передали Каппадокию Митридату. Но в описании дальнейших событий Юстин непоследователен, так как опускает восстановление на престоле Ариобарзана Суллой в 92 г. до н. э. и повторное изгнание каппадокийского царя в 91 г. до н. э.

Далее, следуя источнику, власть Ариобарзана I восстанавливает Маний Аквиллий, для борьбы с которым Митридат и Тигран заключают новое соглашение, закрепляющее завоеванные территории за Митридатом, а захваченное имущество и население передающее армянам (Just., XXXVIII, 3, 5). Из текста Юстина следует, что существовало два договора, первый из которых был заключен непосредственно после воцарения Тиграна II и скреплен династическим браком, а второй, имевший более конкретную форму, перед началом первой войны Митридата VI с Римом.

Еще ученые XIX в. обратили внимание на отрывочный характер повествования Юстина и сделали вывод о невозможности датировать второе соглашение 90-м годом до н. э., то есть временем восстановления власти Ариобарзана I Манием Аквиллием [278, р. 120]. Общепринятая в исторической литературе датировка второго договора - 91 г. до н. э., перед началом второго вторжения войск Тиграна II в Каппадокию [100, с. 117; 286, р. 111]. Условия соглашения действительно соответствуют событиям в Каппадокии в 91 г. до н. э., когда армянские войска, изгнав Ариобарзана I передали власть в стране сыну Митридата Ариарату IX.

Я.А. Манандян предположил, правда без должного комментария, что между Понтом и Великой Арменией был заключен только один договор о разделе добычи в Каппадокии, скрепленный брачным союзом [99, с. 28-29]. Гипотеза ученого, не обратившая на себя внимание других исследователей, на наш взгляд, имеет право на существование. События 93 г. до н. э., как и вторжение 91 г. до н. э., не противоречат условиям второго соглашения между Митридатом и Тиграном, так как и в 93 г. до н. э. власть в Каппадокии Тигран II передал другому понтийскому ставленнику - Гордию. Заключенный в 94/93 гг. до н. э. понтийско-армянского союз, очевидно, содержал конкретные положения. Этими положениями и могли быть пункты соглашения, отнесенного Юстином к 90/89 гг. до н. э., а в

современной исторической литературе к 91 г. до н. э. Непонятно, чем отличались соглашения 94/93 гг. до н. э. и 91 г. до н. э., если признать факт существования двух договоров, и какова была необходимость заключать два практически одинаковых соглашения. Поэтому объединение двух сообщений Юстина, на наш взгляд, более удачно объясняет ход событий второй половины 90-х гг. до н. э. Если же согласиться с предложенной выше гипотезой о неучастии армян в походе в Каппадокию в 91 г. до н. э., то существование второго соглашения между Великой Арменией и Понтом представляется невероятным.

Однако наиболее дискуссионным вопросом армяно-понтийского союза остается цель этого соглашения. Большинство исследователей утверждают, что армяно-понтийский договор имел ярко выраженную антиримскую направленность [93, с. 83; 100, с. 110; 102, с. 135, прим. 46; 147, с. 117]. Когда в 1943 году Я.А. Манандян предложил считать, что союз Армении и Понта был направлен не против Рима, а исключительно против угрожавшей армянскому царю Каппадокии [99, с. 33], отечественные ученые подвергли критике это предположение [102, с. 135; 147, с. 116-118]. О.И. Севастьянова убедительно опровергла тезис Я.А. Манандяна об угрозе, которую представляла Каппадокия для Армении, указав, что в рассматриваемый период каппадокийские цари были слишком слабы, чтобы представлять опасность для Понта или Армении [147, с. 118]. Побудительным мотивом действий армянского царя исследователи называют римскую угрозу. Однако доказательства антиримской направленности договора, приводимые критиками Я.А. Манандяна, неполностью раскрывают ситуацию в Каппадокии.

В первую очередь, спорным представляется утверждение, что армянский царь осознавал угрозу, которую представляла экспансия Рима в Восточном Средиземноморье [102, с. 135; 147, с. 116]. Римская республика в последней трети II – начале I вв. до н. э. в силу многочисленных конфликтов в Европе и Африке не проводила на Востоке агрессивную политику и вряд ли представляла непосредственную угрозу царству Тиграна II. Для армянского государства большую опасность представляли планы парфянского царя царей Митридата II по расширению своей державы. Договор правителя Армении с Митридатом VI о

вторжении в Каппадокию, дружественное римлянам царство, в определенной степени затрагивал интересы римлян в Азии, но не более, чем вифино-понтийское соглашение в отношении Пафлагонии [93, с. 84]. Никто не предполагал, что вифинский царь Никомед III стремился к конфликту с Римом.

Совершенно не отвечает целям борьбы с Римом и содержание договора, так как раздел захваченных земель был возможен только в Каппадокии, в других частях Малой Азии Митридат VI действовал самостоятельно. И, безусловно, важнейшим аргументом против утверждения об антиримской направленности армяно-понтийского союза является тот факт, что Тигран II не принимал участия в первой войне Рима с Митридатом VI.

На наш взгляд, целью соглашения между Понтом и Великой Арменией был именно захват Каппадокии, но не по причине гипотетической опасности, которую, по мнению Я.А. Манандяна, представляла эта страна [99, с. 33]. Устанавливая в Каппадокии понтийских ставленников, Тигран II действовал и в собственных интересах. Борьба с Парфией, которая была неизбежна, если Тигран стремился к полной независимости своей страны, требовала создания значительной материальной и военной базы. Богатая добыча и пленники, полученные армянским царем во время двух походов в Каппадокию, должны были укрепить военную и финансовую мощь страны, столь необходимую для успешного противостояния парфянам [100, с. 117]. Несмотря на то, что любое соглашение с Митридатом VI можно трактовать как антиримское, в 94 г. до н. э. конфликт царя Понта с римлянами был далек от перерастания в открытое вооруженное столкновение. Тигран II не мог предполагать стремительное развитие событий рубежа 90/80 гг. до н. э. и, следовательно, не бросал вызов Риму.

Интересен и тот факт, что после демонстрации римлянами стремления любыми силами, вплоть до вооруженного столкновения, утвердить Ариобарзана на каппадокийском престоле, Тигран II, если он действительно был вынужден повторить поход в Каппадокию, избежал личного участия в этом предприятии. Ни в одном из источников акция 91 г. до н. э. прямо не связывается с именем армянского царя.

Представление о межгосударственных отношениях в Малой Азии и прилегающих регионах было бы не полным без упоминания о римско-парфянских отношениях. Доказывая, в первую очередь, антиримский характер армяно-понтийского союза, некоторые исследователи приводят в качестве объяснения причин антиримской позиции армянского царя римско-парфянский договор 92 г. до н. э. [102, с. 136]. Однако история первой встречи римлян и парфян имеет неоднозначную оценку в исторической литературе [27, с. 27; 99, с. 22; 100, с. 117; 151, с. 320-321; 197, р.88; 221, р. 47; 278, р. 106; 286, р. 220].

В 92 г. до н. э. к Луцию Корнелию Сулле уже после возвращения Каппадокийского царства Ариобарзану I прибыл посол парфянского царя Митридата II Аршака XII Оробаз (Plut. Sull., 5; Liv. Epit., 70). Между римским полководцем и Оробазом состоялась встреча, на которой парфянский посол предложил заключить договор о союзе и дружбе. Но неуважительное отношение Суллы к Оробазу во время переговоров стоило жизни представителю парфянского царя. Митридат II, недовольный тем, что его посол позволил унижить себя и, следовательно, своего повелителя, казнил Оробаза. Некоторые исследователи, на основании сообщения Плутарха, делают вывод о том, что парфяне и римляне пытались договориться о совместной борьбе с Тиграном II [27, с. 27; 100, с. 115; 102, с. 135-136; 111, с. 505; 298, р. 380]. Однако, это предположение не согласуется с данными источников.

Во-первых, для римлян Великая Армения не могла представлять какой-либо значительной угрозы, учитывая легкость, с которой они восстановили Ариобарзана I. К тому же, поведение Суллы на переговорах противоречит предположению о заинтересованности римлян в союзе с Парфией [197, р. 55, 88].

Во-вторых, не менее спорным представляется утверждение о стремлении парфян найти союзника для борьбы с армянами. В 92 г. до н. э. царство Тиграна II, вероятнее всего, продолжало оставаться в зависимости от Парфии, так как источники не сохранили упоминаний о попытках Тиграна свергнуть власть парфян до 80-х гг. до н. э. Великая Армения, увеличившая свою территорию только за счет небольшой Софены и Утика на севере, не представляла такой угрозы для

могущественного царя царей, с которой он не смог бы справиться самостоятельно [151, с. 320].

Появление парфянского посла в лагере Суллы можно объяснить стремлением Митридата II выяснить, что за новая сила появилась в Азии, и в какую авантюру вмешался его вассал Тигран II [286, р. 220]. Высокомерное отношение Суллы к Оробазу, вероятно, свидетельствует о том, что цели переговоров были далеки от заключения дружественного союза. Учитывая, что в последнее время высказываются веские аргументы, отрицающие факт заключения письменного договора между Римом и Парфией в 92 г. до н. э., можно предположить, что влияние римско-парфянских переговоров на позицию Тиграна II должно было быть минимальным [151, с. 326; 286, р. 219].

Политика Тиграна II в 90-е гг. I в. до н. э., на наш взгляд, может быть представлена следующим образом. Армянский царь, пришедший на престол с помощью парфян, осознавал, что наибольшая угроза его правлению исходит именно от Парфии [100, с. 113]. Парфянский царь Митридат II продемонстрировал, что он в состоянии вмешиваться во внутренние дела Армении, смещая неудобных монархов и захватывая армянские земли (Just., XXXVIII, 3, 1). Так как иная внешняя угроза Армении практически отсутствовала, зависимость от Парфии должна была тяготить Тиграна II. Кроме того, в начале I в. до н. э. появляются новые обстоятельства, толкавшие армянского царя к активным действиям. Стремление Митридата II продолжить захваты в Месопотамии увеличивало парфянскую угрозу на армянских границах. Однако открыто демонстрировать свою антипарфянскую позицию в 90-е годы I в. до н. э. Тигран II не решался, так как у него, очевидно, не хватало сил и средств для борьбы. Этим, вероятно, и объясняется энергичная деятельность правителя Армении на западных границах своего царства.

Воспользовавшись слабостью Каппадокии, Тигран II смог присоединить Софену и вступил в союз с Понтом. Фактически, у Тиграна II при невнимании римлян к событиям на Востоке не существовало альтернативы соглашению с Митридатом VI. Экспансия Великой Армении на Запад ограничивалась Евфратом,

и армянскому царю необходимо было искать иные способы усиления своего государства для борьбы с Парфией. Союз с Митридатом оказался достаточно эффективным средством усиления потенциала армянской армии. Походы в Каппадокию позволили значительно увеличить финансовые ресурсы царства и, вероятно, численность населения [102, с. 137; 144, с. 52-53].

В то же время, соглашение с Митридатом VI не могло быть направленно против римлян, по крайней мере, с армянской стороны. Война с Римом не входила в планы Тиграна II, что ясно подтверждают события 80-х годов I в. до н. э. Армяно-понтский договор, безусловно, затрагивал интересы Рима, но армянский царь вынужден был считаться с требованиями Митридата VI. Однако при первой же возможности он отказался от тесного союза с правителем Понта. Менее всего сближение Тиграна II с Митридатом VI может быть объяснено римской угрозой, которую, как предполагалось, осознавали оба монарха. Если это утверждение еще может быть справедливым для царя Понта, то совершенно неприменимо к Тиграну II. Действия римлян на Востоке в 90-е гг. I в. до н. э. свидетельствовали о нежелании римлян значительно увеличивать свои владения в Азии. Юстин, менее проримски настроенный, чем Плутарх, ясно утверждал, что Тигран не имел оснований опасаться римлян (Just., XXXVIII, 3, 2).

По нашему мнению, в 90-е гг. I в. до н. э. римско-армянские отношения действительно могли перерасти в открытый конфликт из-за вмешательства Тиграна II во внутренние дела Каппадокийского царства. Но армянский царь не собирался вступать в борьбу с Римом и смог избежать вовлечения своей страны в римско-понтское противостояние. Армяно-понтский договор, необходимый Армении для подготовки борьбы с Парфией, не рассматривался армянами как антиримский и не мог быть основанием для столкновения Рима и Армении. Как только возникла угроза втягивания Армении в конфликт между Римом и Митридатом VI, Тигран II свел к минимуму, если вообще не прекратил, операции армянских войск в Каппадокии. Римляне, как показал анализ источников, несмотря на операцию Суллы, не видели в Тигране II противника и не искали союзников для

борьбы с армянским царем. Римско-армянские отношения были достаточно напряженными, но не враждебными.

2.3. Армения и Рим в 80-70-е гг. I в. до н. э.

Стремление Тиграна II не допустить крупномасштабного столкновения с Римом привело к отказу армянского царя от участия в первой Митридатовой войне [99, с. 33-34; 111, с. 508-509]. Одной из важнейших акций понтийского царя, которая привела к началу этой войны, явилось очередное вторжение в Каппадокию в 89 г. до н. э. [109, с. 59]. Однако, в отличие от кампании 93 г. до н. э., в этой операции армянские отряды участия не приняли. Тигран II не только избежал открытого выступления на стороне Митридата VI, но и не помог своему союзнику вспомогательными войсками.

Помощь Понту армяне не предоставили даже тогда, когда войска Митридата действовали в Греции, и когда легионы В. Флакка высадились в Азии и Митридат потерпел поражение в войне. Еще Т. Рейнак убедительно опроверг предположение об участии армянских контингентов в штурме Родоса в 88 г. до н. э. [278, р. 311]. Упоминание воинов-арменийцев, переселенных в Ольвию Митридатом VI, в декрете в честь амисского кибернета может быть отнесено только к жителям Малой Армении [108, с. 189]. Отказ армянского царя помочь своему союзнику привел, по нашему мнению, к охлаждению отношений между Понтом и Арменией. Это выразилось в принятии Митридатом VI в первой половине 80-х гг. титула "царь царей", на который претендовал и Тигран II [35, с. 595; 71, с. 574].

Чаще всего отсутствие войск Тиграна II в армии Митридата объясняют армяно-парфянской войной, которая проходила в первой половине 80-х гг. I в. до н. э. [100, с. 118; 278, р. 311]. В ходе войны армянскому царю удалось нанести поражение парфянам (Plut. Luc., 36) и значительно расширить территорию своей страны (Strabo, XI, 14, 15) за счет владений парфянских царей [99, с. 47-49].

Однако следуя сообщениям источников, можно предположить, что в 87 г. до н. э., последнем году царствования парфянского царя Митридата II, Тигран II оставался союзником Парфии и, следовательно, мог принять участие в войне с Римом [55, с. 193; 101, с. 157; 221, р. 47-48, 50]. Парфяно-армянская война, несмотря на ее исключительную важность для Арменнии, длилась недолго, с 86 по 85 гг. до н. э., так как уже в 85 г. до н. э. армянский царь носил титул “царя царей”, до этого принадлежавший Аршакидам [201, р. 13]. Таким образом, Тигран II отказался оказать помощь своему союзнику и родственнику, в чем его и обвиняют некоторые исследователи [278, р. 311].

Отказ Тиграна II от войны с Римом может быть объяснен двумя причинами. Во-первых, у армянского царя не было обязательств перед Митридатом VI, так как их соглашение, вероятно, не предусматривало борьбу с римлянами. Во-вторых, Тигран II не рассматривал Рим как угрозу своей власти и не хотел провоцировать ответные действия. Действительным противником армянского государства оставалась Парфия, и вмешиваться в продолжительный конфликт на Западе было не в интересах стремительно набиравшего силу армянского царя.

В ходе войны с Парфией Тиграну II удалось одержать победу над своим наиболее опасным противником и приступить к превращению Великой Армении в одно из ведущих государств Азии [98, с. 65]. Парфяне были вынуждены признать за Тиграном II древний иранский титул “царь царей”, который символизировал гегемонию монарха в регионе [99, с. 49].

Действия армян в первой половине 80-х гг. до н. э. не затрагивали интересов римлян, однако в 83 г. до н. э. Тигран II вновь оказался втянут в сферу римских внешнеполитических интересов. Армянский царь изгнал последних правителей династии Селевкидов и присоединил к своим владениям земли Сирийского царства (Just., XL, 1; Strabo, XI, 14, 15; App. Syr., 48, 70; Plut. Luc., 14). Ученые до сегодняшнего дня не пришли к единому мнению о характере этого присоединения [102, с. 124]. Но необходимо подчеркнуть, что одна из наиболее распространенных версий предполагает добровольное вхождение сирийских земель в состав державы Тиграна II [99, с. 47-52; 102, с. 124; ср. 27, с. 31, прим. 32].

Уже с начала II в. до н. э. царство Селевкидов считалось дружественным Римской республике, и вмешательство армянского царя во внутренние дела этого государства должно было затронуть интересы Рима [102, с. 136; 278, р. 347]. Смена династии не могла пройти без утверждения в сенате, однако ничего подобного сделано не было. Реакция римлян не обязательно должна была носить характер вооруженного вмешательства. сенат мог ограничиться отправкой посольства с требованием к Тиграну очистить Сирию, как римляне неоднократно поступали в прошлом. Однако ни один источник не сохранил упоминания о таком посольстве. Очевидно, что в силу противостояния с Митридатом VI, римляне не отреагировали на захват Сирии Тиграном II [151, с. 320].

Тигран II смог избежать участия во второй войне Митридата VI с Римом, которая проходила одновременно с присоединением Сирии к Армянскому царству. Важно то, что в ходе второй войны с Римом Митридат VI вновь вторгся в Каппадокию, но уже без помощи армянских войск. Это может служить еще одним подтверждением решительного отказа Тиграна II от столкновения с Римом.

Однако в 70-е гг. I в. до н. э., по данным Аппиана (*App. Mithr.*, 67), Тигран II внезапно активизировал свою деятельность в Каппадокии. Греческий автор сообщает, что Митридат VI, первоначально отказавшийся от передачи Каппадокии ее законному правителю Ариобарзану I, после требования Суллы вывел войска из этой страны. Так как из-за смерти Суллы в Риме затягивали подписание договора на основе Дарданского соглашения, Митридат VI подтолкнул Тиграна II напасть на Каппадокию. Армянский царь, вероятно, должен был не захватывать Каппадокию, а нанести удар по материальным и людским ресурсам страны, на что указывает выселение в Армению до 300 тысяч каппадокийцев. Действия армянского царя могут быть охарактеризованы как набег, если учесть, что контроль над Каппадокией Тигран II не сохранил [286, р. 167, п. 31; ср. 112, с. 73].

Наиболее вероятная датировка сообщения Аппиана - 77 г. до н. э., принятая современными историками, была предложена еще Т. Рейнаком, который связывал поход Тиграна II с основанием Тигранакерта [98, с. 73; 278, р. 313; ср. 27, с. 35; 66, с. 44]. В современной литературе предлагается несколько вариантов анализа

развития событий, указанных в источнике. Большая часть исследователей или полностью признает факт армянского похода, или сомневается в достоверности лишь некоторых моментов сообщения Аппиана [102, с. 128; 112, с. 73; 225, s. 404; 278, p. 313]. Только А. Шервин-Уайт отверг возможность вторжения Тиграна II в Каппадокию [286, p. 151, n. 10]. В первую очередь, возражения ученых вызывает численность выселенных каппадокийцев - 300 тысяч. В литературе было высказано обоснованное предположение о том, что подсчеты Аппиана необходимо отнести не столько к населению Каппадокии, сколько к жителям равнинной Киликии [144, с. 63], многие из которых были также переселены в Тигранакерт (Strabo, XII, 2, 9). Если предположить, что все 300 тыс. были поселены в Тигранакерте, то необходимо признать этот город одним из крупнейших на тот период, тогда как известно, что еще в 69 г. до н. э. Тигранакерт не был достроен (Strabo, XI, 14, 15).

Как определенное подтверждение версии Аппиана, можно рассматривать упомянутый у Страбона захват Тиграном столицы Каппадокии Мазак (Strabo, XII, 2, 29) и выселение ее жителей в Тигранакерт [144, с. 53]. Учитывая, что основание Тигранакерта большинство ученых относят к 78/77 гг. до н. э., захват Мазак вполне может быть отнесен к походу 77 г. до н. э. [144, с. 52; 278, p. 313]. Хронологические расчеты базируются на дате основания Тигранакерта, то есть предполагается, что разгром столицы каппадокийского царства не мог быть совершен до основания Тигранакерта. Однако, как показывают исследования армянских ученых, далеко не все жители Каппадокии оказались в новой столице Тиграна II [144, с. 63]. Кроме того, согласно сообщениям Плутарха и Диона Кассия, каппадокийцы не составляли большинство населения Тигранакерта (Plut. Luc., 28; Dio Cass., XXXVI, 2, 3-4). Плутарх называет среди народов, населявших Тигранакерт, и адиабенцев, и кордуэнцев, не считая армянскую знать. Дион Кассий прямо утверждает, что большинство жителей Тигранакерта были киликийцами. Страбон говорит о жителях 12 греческих городов поселенных в армянской столице (Strabo, XI, 14, 15). Следовательно, утверждение Аппиана и Страбона, о том что все население Каппадокии было поселено в Тигранакерте, не соответствует действительности. В таком случае, сообщение Страбона можно

отнести не к 70-м гг. I в. до н. э., а к 90-м гг., когда Тигранакерт еще не существовал.

По нашему мнению, население Мазакі могло быть помещено в других частях Великой Армении и лишь впоследствии частично переселено в Тигранакерт. Факт выселения каппадокийцев в период похода 93 г. до н. э. подтверждается существованием армяно-понтійского договора о разделе военных трофеев, который упоминается выше. Таким образом, сообщение Аппиана об армянском походе в Каппадокию нельзя строго датировать 70-ми гг. I в. до н. э. на основании данных Страбона.

В то же время, настораживает отсутствие у Аппиана описания армянского похода в Каппадокию в 93 г. до н. э., при том, что Аппиан знает о восстановлении власти Ариобарзана Суллой (App. Mithr., 57). Отсутствует у Аппиана и упоминание об участии армянских войск в каппадокийском походе 91 г. до н. э., о чем говорилось выше. Кроме того, поход 77 г. до н. э. по условиям своего проведения находит соответствие в содержании армяно-понтійского договора 90-х гг. до н. э. На этом основании можно допустить, что в источнике произошел перенос событий 90-х гг. на 70-е гг. I в. до н. э., и Тигран II не участвовал в походе в Каппадокию в 77 г. до н. э. Аппиан ошибался в относительной хронологии событий, связанных с Арменией не только в этом случае. Так, в рассказе о походе Помпея в Закавказье он помещает поход римлян против иберов и албан до завоевания Армении, что противоречит действительности (App. Mithr., 103). С другой стороны, уровень наших источников не позволяет сделать окончательные выводы без учета раскопок Тигранакерта, который в настоящее время локализуют около г. Фаркин [22, с. 311; 98, с. 78-79; 144, с. 51; 225 с. 404-408].

События 77 г. до н. э., если согласиться с версией Аппиана, рисуют несколько в необычном свете и армянского царя Тиграна II, и армяно-понтійские отношения. Армяне не могли рассчитывать на присоединение каппадокийских земель, так как очевидно, что Каппадокия рассматривалась Митридатом VI как собственные владения. Единственным положительным последствием похода для Армении оказываются массы каппадокийцев, которые были переселены в

окрестности Тигранакерта. Но для заселения своей новой столицы Тигран II мог использовать и использовал население десятков других городов, в первую очередь, Киликии. Вторгнувшись же в Каппадокию, царь Армении невероятно обострял отношения с Римом, войска которого вели боевые действия в непосредственной близости от каппадокийских границ. Но если подобные рискованные действия были объяснимы в 93 г. и даже в 91 г. до н. э., когда недавно ставший царем Тигран II вынужден был считаться с целями Митридата VI, то продолжение пропонтийской политики армянским царем в 70-е гг. I в. до н. э. выглядит неоправданным.

Некоторые сообщения источников свидетельствуют о том, что армяно-понтийский союз, прекративший свое существование в конце 90-х гг., не был возобновлен в 70-х гг. I в. до н. э. Так, например, Цицерон утверждал, что Митридату удалось склонить Тиграна к союзу только после 71 г. до н. э. (Cic. Pro Mur., 33). В любом случае, римляне не отреагировали на очередное изгнание Ариобарзана I, но снова обвинили в этом Митридата VI (App. Mithr., 67). Армянский царь смог и в этот раз избежать прямого столкновения с Римом, оставшись в стороне от тлевшего римско-понтийского конфликта.

В 80-70-е гг. I в. до н. э. Тигран II открыто продемонстрировал нежелание участвовать в борьбе Митридата VI с Римом. По нашему мнению, армянский царь осознанно отказался от противостояния с римлянами, так как намеревался расширять пределы своего царства за счет восточных и южных соседей. В таких условиях конфронтация с римлянами могла сорвать планы Тиграна II по ослаблению влияния Парфии. Если в 90-е гг. до н. э. Тигран II был вынужден пойти на союз с Митридатом VI, то к 80-м гг. до н. э. у царя Великой Армении уже было достаточно сил и средств не только для самостоятельной борьбы с парфянами, но и для завоевания владений Селевкидов.

Вероятно, отказ Тиграна II помочь понтийскому царю в двух его войнах с римлянами ухудшил отношения между Великой Арменией и Понтийским царством, но это не могло остановить Тиграна II. Единственное упомянутое в источниках нарушение Тиграном II своей позиции в отношении Рима - вторжение

в Каппадокию около 77 г. до н. э., на наш взгляд, не может быть признано достаточно достоверным. Сообщение Аппиана об этих событиях не подтверждается другими источниками и содержит неточности, что позволяет отнести события, описанные Аппианом, не к 70-м, а к 90-м гг. I в. до н. э. Даже если сообщение Аппиана правдиво, то важно отметить, что римляне в захвате Каппадокии обвиняли не Тиграна, а Митридата VI. Несмотря на то, что косвенно Тигран II затрагивал римские интересы на Востоке, воюя с римскими союзниками Селевкидами, Рим не реагировал и на эти действия царя Великой Армении.

Таким образом, Тигран II, отказавший в помощи Митридату VI, мог надеяться на отсутствие у римлян претензий к его действиям. В 80-70 гг. до н. э. армянский царь ясно дал понять, что стремится избежать противостояния с Римской республикой, которая, в свою очередь, не демонстрировала враждебности по отношению к Великой Армении.

2.4. Тигран II и Рим в период Третьей Митридатовой и римско-армянской войны (73-64 гг. I в. до н. э.).

В 74 г. до н. э. умирает вифинский царь Никомед IV [127, с. 50], завещавший свое царство Риму (App. Mithr., 71). Это событие подтолкнуло Митридата VI вновь вступить в борьбу за Вифинию, что спровоцировало третью римско-понтийскую войну. Римляне нашли возможность направить против Митридата VI значительные силы, и в 71 г. до н. э. Луций Лукулл окончательно разбил понтийскую армию, а Митридат VI был вынужден бежать в Армению (App. Mithr., 82; Plut. Luc., 19; Memnon, 44; Liv. Epit., 97; Eutr., V, 8, 4).

В отличие от событий Первой Митридатовой войны, исследователи, анализируя ход третьей войны Рима с Митридатом VI, практически единодушны в том, что Тигран II не принимал участия в первом этапе этого конфликта [103, с. 80; 102, с. 128; 112, с. 87; 278, р. 347; 286, р. 174]. В работе Е. А. Молева [109, с. 63]

предполагается участие армян в борьбе с Луцием Лукуллом, однако упоминание у Мемнона (Memn., 43, 2) обещания, которое дал Тигран II Митридату VI, не означает, что армянский царь действительно помог своему союзнику. Несмотря на отчаянные просьбы понтийского царя о помощи и уговоры жены, дочери Митридата, Тигран II отказался оказать поддержку Понтийскому царству (App. Mithr., 78; Plut. Luc., 22; Memn., 43, 2). Политика армянского царя, предусматривающая отказ от прямого столкновения с римлянами, вызвала наибольшее количество обвинений в адрес Тиграна II в литературе [99, с. 79-81; 112, с. 78; 278, р. 347, 354]. Несмотря на традиционную несогласованность действий Армении и Понта в период войн с Римом, бездействие Тиграна II в 73-71 гг. до н. э. выглядит совершенно неоправданным и непродуманным [103, с. 102]. Действия римлян в ходе войны свидетельствовали об их стремлении раз и навсегда покончить с Митридатом, а это неизбежно вело к тому, что римские армии могли оказаться непосредственно у границ Великой Армении. Учитывая множество спорных вопросов, существовавших между Римом и Арменией, отказ Тиграна II от поддержки Митридата VI дает право охарактеризовать его как недальновидного правителя. Однако подобная оценка вряд ли применима к создателю одного из крупнейших государств Востока.

На указанное несоответствие обратил внимание Р.Л. Манасерян, который убедительно доказал, что в период 73-70 гг. до н. э. Тигран II был вынужден бороться за сохранение собственной державы [99, с. 80; 102, с. 126-127; 103, с. 103]. В 73 г. до н. э. начинается война Тиграна II в Южной Сирии с коалицией Селевкидов, Nabateйского царства и Иудеи. В указанный период вспыхивает восстание армянской знати во главе с сыном Тиграна II Зариадром (App. Mithr., 104; Val. Max., IX, 11, 3). Поэтому, по мнению Р.Л. Манасеряна, Тигран II, прекрасно осознававший римскую угрозу, не смог своевременно оказать помощь Митридату VI [102, с. 128; 103, с. 106]. Однако армянский царь активно готовился к вступлению в войну с Римом непосредственно после решения внутренних проблем [102, с. 127; 103, с. 106]. Если объяснение Р.Л. Манасеряном нейтралитета Тиграна II достаточно убедительно, то попытка ученого доказать стремление

Тиграна II к войне с Римом не находит подтверждения в источниках. Обладавший значительными материальными и людскими ресурсами царь Армении был в состоянии, учитывая ограниченный характер боевых действий в Южной Сирии, выделить часть своих войск в помощь Митридату VI, не принимая личного участия в войне. Конфликт на южных границах не мог, как и оказалось позднее, привлечь все силы армянского царя. Сирийская армия Тиграна не могла составлять 300 тысяч, как утверждает Иосиф Флавий (Jos. Flav., Ant., XIII, 16, 4), так как такую гигантскую армию армянский царь не смог собрать даже для битвы под Тигранакертом.

На наш взгляд, бездействие Тиграна II может быть объяснено тем, что армянский царь сохранял возможность предотвратить столкновение с Римом. В качестве союзника Митридата VI правитель Армении не представлял опасности для римлян, так как старательно избегал прямого столкновения с Римом в ходе предыдущих войн. К тому же, сохранение армяно-понтийского союза в период Третьей Митридатовой войны представляется маловероятным и по тем причинам, о которых говорилось выше, и на основании новых фактов, которые возникли в ходе войны.

Плутарх утверждает, что Митридат отправил к Тиграну II своего советника Метродора с просьбой о помощи в войне с Римом (Plut. Luc., 22). Армянский царь обратился к самому Метродору за советом, и приближенный Митридата VI предостерег Тиграна II от помощи правителю Понта. Посольство Метродора датируется не позднее 71 года до н. э. (Strabo, XIII, 1, 5), и, следовательно, существование союзных отношений в этот период можно подвергнуть сомнению.

Политика армянского царя в Сирии действительно должна была вызвать недовольство Рима, но в течение 80-70-х гг. римляне ни разу не продемонстрировали Тиграну II свое негативное отношение к его действиям. Римляне, очевидно, не воспользовались реальной возможностью вмешаться во внутренние дела Тиграна II даже тогда, когда к ним обратился Антиох XIII, один из последних Селевкидов. Неизвестно, просил ли Антиох помощи у римлян для борьбы с Тиграном II, так как официальной целью его поездки было признание

прав на египетский престол. Но его положение при дворе Верреса в Сицилии свидетельствует о том, что реальной поддержкой римлян в борьбе за Сирию Антиох XIII не обладал. В речи Цицерона прямо говорится о том, что никакой помощи Антиох от Рима не получил (*Cic. Verr.*, IV, 4, 27). Важно и то, что все источники, указывая причину нападения Лукулла на Армению, свидетельствуют только об отказе в выдаче Митридата, но не упоминают о захвате Тиграном II Сирии (*App. Mithr.*, 84).

Не меньшее влияние на позицию Тиграна II могло оказать и отсутствие у Лукулла полномочий на войну с Арменией [99, с. 91; 112, с. 86-87; 286, р. 175-176]. Так как широко известная практика римлян не позволяла полководцам самостоятельно начинать войны без согласования с сенатом, армянский царь мог надеяться, что война с Понтом не повлечет войны с Арменией. Речь Луция Лукулла, помещенная у Плутарха, показывает, что римляне не считали Тиграна II реальным союзником Митридата VI (*Plut. Luc.*, 14). События 90-70-х гг., особенно Дарданское соглашение, свидетельствовали о том, что римляне были готовы к мирному решению спорных вопросов, если противник не демонстрировал или прекращал демонстрировать агрессивность. Очередной отказ Тиграна II от помощи Митридату VI мог стать для римлян твердой гарантией миролюбивой позиции, занятой армянским царем (*App. Mithr.*, 78).

Следовательно, можно предположить, что Тигран II остался верен устоявшейся практике невмешательства в римско-понтийский конфликт. Царь Армении мог не видеть необходимости в нанесении превентивного удара по Риму и, тем более, не собирался вступать в захватническую войну на Западе в условиях конфликта в Южной Сирии и постоянной угрозы с Востока.

Однако ход военных действий изменил планы армянского царя. В 71 г. до н. э. Митридат VI проиграл Л. Лукуллу сражение под Кабирами и бежал через территорию Малой Армении в царство Тиграна II (*App. Mithr.*, 82; *Plut. Luc.*, 19). Бегство Митридата, на первый взгляд вынужденное, носило характер провокации, то есть попытки любыми средствами втянуть Тиграна II в войну с Римом. Далеко не все владения Митридата были захвачены римлянами, не все

ресурсы были исчерпаны. Еще продолжали сопротивление южнопонтийские полисы, поэтому Митридат мог найти помощь не только у армянского царя, но он предпочел оказать личное влияние на Тиграна II.

Царь Армении оказался в невероятно сложном положении: с одной стороны, он не мог отказать в убежище своему царственному родственнику, с другой, не желал ввязываться из-за Митридата в конфликт с римлянами. Однако Тиграну II удалось найти наиболее оптимальное решение возникшей проблемы. Митридат VI был принят с подобающими почестями, но к зятю допущен не был (App. Mithr., 82; Plut. Luc., 22; Memn., 46, 1) и оказался на правах скорее почетного пленника, чем гостя [278, р. 348]. Утверждение Р.Л. Манасеряна о том, что Тиграна II, обладавшего практически абсолютной властью, не могли остановить уговоры родственников не выдавать Митридата VI римлянам, нам представляется преувеличением [103, с. 105]. Даже если армяно-парфянский союз был разорван, выдача царя и родственника могла стать опасным прецедентом. Кроме того, Тигран II не отдал от себя Клеопатру, дочь Митридата VI, несмотря на заговор против него двух ее сыновей.

В сложившейся ситуации можно было предположить, что римляне будут требовать выдачи Митридата так же настойчиво, как ранее добивались ареста Ганнибала, но начало военных действий, учитывая положение Митридата в Армении и слабость римской армии, оставалось маловероятным. Жесткость, проявленная Тиграном по отношению к Митридату, открывала возможность для переговоров между Римом и Арменией. Ход событий во второй половине 71 г. до н. э. подтверждает отсутствие у римлян агрессивных планов по вторжению в Армению. Луций Лукулл приступил к осаде понтийских городов, а Тигран II еще в конце 71 г. до н. э. находился в Финикии (Plut. Luc., 21), осаждая приморские города [102, с. 127; 103, с. 105].

Для решения вопроса о Митридате VI Луций Лукулл направил в армянское государство своего родственника Аппия Клавдия (App. Mithr., 84; Plut. Luc., 21; Memn., 46, 2), вероятно, в конце 71 г. до н. э. [99, с. 82; 252, р. 339-340; ср. 286, р. 173]. Римский посол вынужден был проделать долгий путь по владениям

Тиграна II, прежде чем оказался в Антиохии на Оронте (Plut. Luc., 21). Но и в столице державы Тиграна II ему пришлось ожидать царя. Предположение Я.А Манандяна о необъективности Плутарха, обвинявшего в задержке Аппия Клавдия армян, не нашло поддержки в литературе [99, с. 84]. Вероятнее всего, армянский царь пытался оттянуть переговоры с представителем Луция Лукулла до окончания военных действий в Финикии. Царь принял Аппия Клавдия с восточной пышностью и всеми силами демонстрировал расположенность к римлянину (Plut. Luc., 21). Но посол был настроен очень решительно [252, р. 339]. Аппий Клавдий в жесткой форме потребовал выдачи Митридата, пригрозив в случае отказа объявлением войны. В литературе неоднократно обращалось внимание на тот факт, что бескомпромиссность позиции римлян на переговорах объясняется неприятием Аппием Клавдием восточной роскоши, его вспыльчивым характером [286, р. 174]. Однако источники свидетельствуют о том, что поведение Аппия Клавдия было продиктовано отношением к переговорам главнокомандующего - Луция Лукулла. В своем письме к Тиграну Лукулл отказался упомянуть титул армянского правителя “царь царей”, что выглядело продуманным оскорблением (Plut. Luc., 21; Memn., 46, 3). Кроме того, еще до встречи с Тиграном II, Аппий Клавдий пытался склонить на свою сторону некоторых зависимых от армянского царя монархов (Plut. Luc., 21). Следовательно, римляне предполагали возможность будущей войны с Арменией и пытались спровоцировать Тиграна II на ответные действия [252, р. 340; ср. 286, р. 174-175].

Очевидно, что такой была позиция Луция Лукулла, но не сената, не отдававшего распоряжений начинать подготовку к войне с Арменией. Поэтому римский полководец вынужден был действовать без помощи из Рима и откровенно подталкивать армянского царя на отрытый конфликт. Царь Армении ответил отказом на требование римлянина, но постарался избежать окончательного разрыва. Тигран II попытался объяснить свою позицию, утверждая, что он прекрасно знает вину Митридата, но не может выдать своего родственника (Memn., 46, 2). Его ответ сводился к тому, что в случае нападения Армения окажет сопротивление, но не будет готовиться к наступлению. Несмотря на то, что в

ответном письме Тигран также не назвал Луция Лукулла императором, он попытался смягчить позицию Аппия Клавдия богатыми дарами, которыми тот пренебрег (Plut. Luc., 21; Memn., 46, 3).

Поведение Тиграна II никак не согласуется с образом заносчивого и спесивого азиатского монарха, каким его изображает Плутарх (Plut. Luc., 21) и вслед за ним некоторые исследователи [22, с. 314; 278, р. 346]. Неудача переговоров не означала окончательного разрыва, и Тигран II продолжал надеяться на мирное решение конфликта, не предпринимая шагов, направленных на борьбу с Римом, что, в первую очередь, подтверждается продолжением почетного пленения Митридата VI [252, р. 342].

Армянский царь действительно мог не ожидать активных действий с римской стороны. За многие годы присутствия римлян на Востоке цари научились разбираться в тонкостях принятия решений в Риме. По крайней мере, у Тиграна были советники-греки, которые должны были знать принципы государственного устройства Республики. Для объявления войны Лукуллу требовалось разрешение сената, которого у него в 71 г. до н. э. не было [99, с. 91]. Поэтому царь мог воспринять жесткое требование Аппия Клавдия как попытку оказать давление во время переговоров, а не действенную угрозу. К тому же, в литературе высказывалось заслуживающее внимания предположение [99, с. 83], что сообщение Плутарха о посольстве римлян в Антиохию (Plut. Luc., 21) менее достоверно, чем описание переговоров у Мемнона, в котором отсутствует угроза объявления войны (Memn., 46, 3). Аргументы, приводимые ученым, позволяют предположить, что угроза объявления войны, если и существовала, то не была так ярко выражена, как это представлено у Плутарха. Косвенно это предположение подтверждается и действиями Л. Лукулла в 70 г. до н. э. Римский полководец продолжил покорение понтийских городов и даже нашел возможность удалиться в провинцию Азия для улаживания дел (App. Mithr., 83).

В течение 70 г. до н. э. Тигран не предпринимал попыток напасть на римлян. Он, вероятно, вел военные действия в Финикии и был вынужден бороться с возмущением в сирийских городах и изменой правителя Гордиены Зариатром.

Однако и в начале 69 г. до н. э. Тигран II не был готов к войне [8, с. 76; 278, р. 342], в то время, как Ариобарзан I уже готовил средства для переправы войск Луция Лукулла через Евфрат (Memn., 56, 1). Я.А. Манандян датирует наступление Л. Лукулла весной 69 г. до н. э. [99, с. 102]. Л. Лукулл застал Евфрат еще разлившимся от зимних дождей (Plut. Luc., 24), следовательно, переправа могла состояться не позднее весны 69 г. до н. э. Значительный промежуток времени, отделяющий начало армянской кампании римлян от битвы под Тигранакертом (октябрь 69 г. до н. э.), может быть объяснен отрывочностью повествования источников. Только сбор войск, проводимый армянским царем, требовал нескольких месяцев, так как в армии Тиграна II присутствовали племена с берегов Амударьи [101, с. 155]. Лукулл, который не спеша расправился с остатками враждебных сил в Малой Азии, начал подготовку к походу против Армении. Пассивность Тиграна II, вероятно, внушила римскому полководцу надежду на успех внезапного нападения на противника [92, с. 45; 99, с. 93]. Утверждение Плутарха о том, что Лукулл вынужден был упредить наступление Тиграна II и Митридата VI в начале 69 г. до н. э. через Киликию и Ликаонию в Азию (Plut. Luc., 23), представляется не более чем слабой попыткой оправдать неспровоцированное нападение римлян на Великую Армению [99, с. 110-111; ср. 102, с. 139].

Во-первых, наступление против римских войск через Киликию менее эффективно, чем прямое вторжение в Понт, где Митридат все еще сохранял влияние. Важно отметить, что по версии Мемнона, впоследствии Тигран предоставил Митридату 10 000 солдат для вторжения именно в Понт (Memn., 55, 1). Во-вторых, после вынужденного отступления Лукулла из Армении армии понтийского и армянского царей вторглись в Понт и Каппадокию соответственно, но не в Киликию и Азию (Plut. Luc., 34-35; Dio Cass., XXXVI, 9, 1). В-третьих, наступление Луция Лукулла застало Тиграна II не в равнинной Киликии, откуда было логично вести наступление против римской провинции [112, с. 88], а в Тигранакерте (Plut. Luc., 25). Иосиф Флавий утверждал, что известие о нападении Л. Лукулла застало армянского царя около Птолемаиды. Но жесткая хронологическая привязка начала римского вторжения к взятию этого

города только на основании сообщения Иосифа Флавия [8, с. 71] не представляется возможной, так как события в Сирии в источнике изложены крайне отрывочно и противоречиво (Jos. Flav., Ant., XIII, 16, 4; Jos. Flav., Bell. Jud., I, 5, 4). Наиболее значимым возражением против версии Плутарха можно считать отсутствие у Тиграна II армии, подготовленной для вторжения, так как известие о наступлении римлян заставило армянского царя направиться вглубь страны для сбора сил (Memn., 56, 3; Plut. Luc., 25; App. Mithr., 83). Действия Тиграна II, таким образом, не могли служить поводом для вторжения Луция Лукулла [103, с. 107; 252, р. 342].

Косвенным доказательством агрессивных намерений Тиграна II может послужить упоминание Мемноном о переговорах, которые вели Тигран II и Митридат VI (Memn., 40, 1) о борьбе с Римом [278, р. 348]. Кроме того, привлекаются данные Плутарха (Plut. Luc., 22) о немедленной встрече двух царей после посольства Аппия Клавдия [103, с. 107]. Однако возражения против этих предположений Я.А. Манандяна представляются достаточно обоснованными [99, с. 107-108, прим. 108]. У Мемнона сказано, что Тигран принял у себя Митридата через один год и восемь месяцев после бегства последнего в Армению (Memn., 40, 1). Как указывает Я.А. Манандян, Митридат прибыл в Армению летом или осенью 71 г. до н. э., следовательно, встреча армянского царя с понтийским царем могла произойти уже после наступления войск Луция Лукулла [99, с. 107]. Датировка перехода Митридатом VI армянской границы второй половиной 71 г. до н. э. подтверждается многими исследователями [286, р. 172]. Существующая другая датировка перехода [22, с. 313; 109, с. 63] не подтверждается источниками. Г. Бенгстон сам же опровергает свое утверждение, ниже говоря о том, что Митридат перешел в Армению осенью 71 г. до н. э. Следовательно, если принять версию Плутарха о раннем начале наступления Лукулла (Plut. Luc., 24), то встреча правителя Великой Армении с царем Понта происходила уже в ходе римско-армянской войны.

Это не согласуется с упоминанием о переговорах у того же Плутарха, но это место в источнике представляется сомнительным, так как полностью противоречит сообщению Мемнона о почти двухлетнем содержании Митридата VI вдали от

Тиграна II (Метн., 50, 1). Подтверждает предположение о поздней встрече двух царей и прямое указание Аппиана (App. Mithr., 85).

Отсутствие подготовительных мероприятий для войны с Римом, пусть и оборонительной, выглядит непростительной ошибкой Тиграна, ведь именно неподготовленность царской армии к войне с римскими войсками привела к тяжелейшему поражению под Тигранакертом. Однако армянский царь не был неспособным восточным деспотом, как его рисуют западные ученые, но и не был жертвой обмана Луция Лукулла, которому удалось усыпить бдительность Тиграна II [99, с. 89; 278, р. 346-347].

В действиях правителя Армении присутствовало, на наш взгляд, рациональное зерно. Как опытный политик, создавший одну из крупнейших держав Азии, Тигран II должен был разобраться в провокационной цели миссии Аппия Клавдия и откровенном стремлении Луция Лукулла вызвать конфликт с Арменией. В подобной ситуации отсутствие мер по обороне страны - непростительный просчет в политике армянского царя, но Тигран II и его советники должны были понимать и то, что любые широкомасштабные военные приготовления армян могли быть использованы Луцием Лукуллом для давления на сенат и, следовательно, могли стать поводом к войне. Согласно Аппиану (App. Mithr., 57), Сулла на переговорах с Митридатом VI обвинил его в подготовке к войне на основании усиления понтийской армии. Стремясь избежать столкновения с римлянами, но зная об агрессивных планах Луция Лукулла, Тигран II старался не дать повода к войне римскому полководцу.

Просчет армянского царя заключался в том, что он не мог предугадать стремительное развитие политической ситуации в самом Риме и Италии. Римские военачальники чувствовали себя в меньшей зависимости от решений сената и могли, как это и сделал Луций Лукулл, нарушать общепринятую практику объявления войны [112, с. 87]. Безусловно, с точки зрения римского полководца, Тигран II был соперником Рима в борьбе за контроль на Востоке, и столкновение с ним раньше или позже было достаточно вероятно [112, с. 87; 278, р. 347]. Луций Лукулл в 69 г. до н. э. счел возможным напасть на царство Тиграна без санкции

сената [8, с. 76] и вопреки ожиданиям армянского царя. Поэтому на наиболее вероятном для римского вторжения участке границы - в Софене, практически не было армянских войск, а против наступающей армии Луция Лукулла Тигран II смог выставить только небольшой отряд под командованием Митробарзана (App. Mithr., 84; Plut. Luc., 25). В сравнении с мобилизационными возможностями державы Тиграна II, этот отряд не может считаться действительно значительной военной силой.

Интересен и тот факт, что Плутарх, враждебно настроенный по отношению к Тиграну, фактически признает, что армянский царь не ожидал и даже не предполагал возможности римского нападения. Античный автор красочно описывает момент получения Тиграном известия о римском вторжении и нежелание армянского царя признать факт наступления римских легионов (Plut. Luc., 25). И если это описание поведения царя можно отнести к литературному приему, то более сжатое и менее эмоциональное повествование Аппиана нельзя подвергнуть сомнению (App. Mithr., 84).

Ход военных действий в период римско-армянской войны неоднократно освещался в литературе [8; 48, с. 351; 99, с. 91-139; 112, с. 89-94; 226; 253, р. 1217, п. 48; 280, р. 409 ff.] и в данной работе можно ограничиться его кратким изложением. Поражение авангарда армянской армии открыло римлянам дорогу на одну из столиц Великой Армении - Тигранакерт (App. Mithr., 84; Plut. Luc., 25). Тигран II, оценив ситуацию, отказался от сражения и пошел в собственно армянские земли для сбора армии. Вероятно, именно в это время армянский царь вызвал к себе Митридата [99, с. 107], и они выработали план совместных действий (App. Mithr., 85). В то же время римляне осадили Тигранакерт, который защищал гарнизон под командованием Манкея (App. Mithr., 84). Тигран II смог собрать значительную армию, состоящую в большей степени из контингентов покоренных народов, и к осени 69 г. до н. э. вновь оказался в окрестностях Тигранакерта [101, с. 152].

6 октября 69 г. до н. э. состоялась битва между армиями Луция Лукулла и Тиграна II (Plut. Luc., 27). Неорганизованная, плохо поддающаяся управлению

армия армянского царя была разгромлена значительно уступающим ей в численности войском римлян. Численность армии Тиграна II варьируется в различных источниках. Наиболее реальную цифру дают Мемнон и Флегонт - 80 тыс (Memn., 57, 2; Phleg., 12). Учитывая незначительные силы армии Лукулла, численное преимущество армянского войска было подавляющим. Тигран II с остатками войск вынужден был бежать вглубь страны. Преследование отступающего монарха было невозможно из-за приближающейся зимы, и Луций Лукулл принял решение перезимовать в южных пределах армянского государства [286, р. 179]. Царь Зарбиен, правитель зависимой от Тиграна II области Кордуэна, вступил в тайный сговор с римлянами во время пребывания в Антиохии Аппия Клавдия (Plut. Luc., 21). Однако заговор был раскрыт [252, р. 342], и Тигран II приказал казнить не только самого царя Кордуэны, но и его семью (Plut. Luc., 29). Именно в Кордуэну пришел Луций Лукулл на зимние квартиры, получив доступ к громадным продовольственным запасам этого княжества [64, с. 335, прим. 10], предварительно устроив пышные похороны несостоявшемуся союзнику (Plut. Luc., 29).

Действия Луция Лукулла в отношении зависимых от Тиграна II правителей подтверждают приверженность полководца традиционной римской внешней политике в отношении азиатских царей. Луций Лукулл демонстрировал восточным монархам преимущества признания верховенства Римской республики, в отличие от подчинения сильным царям. Очевидно, что целью римского полководца было не завоевание новых территорий, а восстановление римской гегемонии в Азии в том виде, в котором она существовала до усиления Митридата VI и Тиграна II. Поэтому, Луций Лукулл охотно признавал “друзьями и союзниками римского народа” тех царей, которые или были зависимы от Тиграна II, или пострадали от армянского царя. С посольствами к Луцию Лукуллу обратились царь Коммагены Антиох, арабские вожди и многие другие (Dio Cass., XXXVI, 2, 5). Приверженность римского полководца традиционной политике сената в отношении зависимых царей была столь велика, что он вернул Сирийское царство

Антиоху, который с трудом мог справиться со своими обязанностями (App. Syr., 49).

После поражения под Тигранакертом царь Армении, убедившись в намерениях Луция Лукулла разрушить его царство, передает командование войсками более опытному и закаленному в боях с римлянами Митридату VI (Dio Cass., XXXVI, 1, 1). Понтийский царь не только приступил к реорганизации армянской армии по римскому образцу, но и заставил Тиграна II активизировать внешнеполитическую деятельность. Наиболее важным потенциальным союзником для царей Понта и Армении был, безусловно, парфянский царь. Однако привлечь его к антиримскому союзу было далеко не просто, принимая во внимание чрезвычайно напряженные армяно-парфянские отношения.

Источники сохранили несколько вариантов предложений, с которыми обратились цари к Фраату III (Dio Cass., XXXVI, 1, 1-2; App. Mithr., 84; Plut. Luc., Memn., 58, 2; Sallust. Hist., 4 fr. 69). Наиболее полно это обращение представлено у Саллюстия Криспа, но в исторической литературе принято считать составителем письма самого римского историка [46, с. 157]. В то же время, необходимо признать, что Саллюстий, создавая текст письма, должен был придерживаться исторической действительности [55, с. 206]. Поэтому весьма интересен тот факт, что письмо составлено не от имени Тиграна II, а от имени Митридата VI [286, p. 181]. Может быть, римский историк пытался подчеркнуть, что инициатива переговоров с Парфией исходила не от Тиграна, а от Митридата. В целом, предложения царей парфянам сводились к следующему: за помощь в борьбе с Римом Тигран II предлагал вернуть Парфии ранее захваченные земли Северной Месопотамии и, вероятно, “семьдесят долин”. Возможно, что упомянутые у Мемнона Великие Долины соответствуют «семидесяти долинам» других источников (Memn., 58, 2). [Ср.: 286, p. 221].

Условия соглашения были лишь немногим выгоднее для Армении, чем капитуляция перед Луцием Лукуллом, так как потеря Месопотамии автоматически влекла за собой и потерю сирийских провинций Тиграна II. Вероятно, столь тяжелые условия вынудил принять Тиграна II Митридат VI [151, с. 327, прим. 45],

которому, в отличие от царя Армении, на мир с римлянами надеяться не приходилось. Однако даже такие уступки армянского царя не смогли втянуть Фраата III в конфликт с римлянами [55, с. 207]. Царь Парфии отлично понимал, что в его интересах ослабление всех участников конфликта на Западе (Dio Cass., XXXVI, 3, 3) и поэтому вел переговоры не только с царями, но и с римлянами.

Когда Луцию Лукуллу стало известно об армяно-парфянских переговорах, он со своей стороны, направил посольство к царю Парфии, с предложением “дружественного союза” (Memn., 58, 2; Dio Cass., XXXVI, 3, 1; App. Mithr., 87). Утверждение Плутарха об инициативе парфян в переговорах с Римом (Plut. Luc., 30) не подтверждается большинством исследователей [151, с. 327, прим. 46].

Парфянский царь первоначально согласился на союз с Римом, но впоследствии проявил осторожность и не оказал помощи ни одной из сторон (Dio Cass., XXXVI, 3, 3). По словам Плутарха, римский военачальник, узнав о тайных переговорах парфян и армян, начал готовить поход против Парфии и был вынужден отказаться от этого предприятия только из-за сопротивления собственных солдат (Plut. Luc., 30). Однако действия Лукулла были, вероятно, неверно истолкованы античным историком. Нападение Луция Лукулла на Армению без позволения сената не означало, что опытный полководец мог быть втянут в еще одну заведомо бесперспективную и чрезвычайно опасную авантюру. Исследователи считали утверждение Плутарха вымыслом антилукулловской пропаганды [112, с. 93; 301, s. 27].

Гипотеза А. Шервин-Уайта, объясняющая попытку Лукулла продвинуться на восток, более логично вписывается в общую картину 60-х гг. I в. до н. э. [286, р. 181-182], чем традиционная трактовка сообщения Плутарха. Он предложил отнести поход Луция Лукулла на восток не на начало 68 г. до н. э., а на его окончание, как об этом сообщается в рассказе Евтропия (Eutrop., 6, 9). И целью похода было предложено считать не Парфию, а южные провинции армянского царства, так как к концу 68 г. до н. э. римляне поняли, что прорваться собственно в Армению с запада не удастся. Следовательно, обвинение Луция Лукулла в

попытке спровоцировать конфликт с Парфией до полного поражения Тиграна II не имеют под собой достаточных оснований [99, с. 139].

В начале 68 г. до н. э. Луций Лукулл приступает к подготовке вторжения в центральные области державы Тиграна II. Начав войну по собственной инициативе, римский полководец нуждался в окончательной победе над противниками, что могло оправдать его поступок в глазах римлян. Но поход вглубь армянского царства был сопряжен с многими трудностями [99, с. 154]. Территория Армении, ее население и, особенно, погодные условия были незнакомы римлянам, а командование армянской армией Митридатом VI сулило новые неприятности.

Поражение Тиграна от армии Лукулла под Тигранакертом не означало полного разгрома Армянского царства. Ресурсы царства были еще достаточно велики, но самое главное то, что территория собственно Великой Армении оставалась в руках царя. Поэтому, Тигран II и Митридат VI не только не сложили оружие, но и приступили к активной подготовке обороны первой столицы государства – Арташата. Очевидно, что римский полководец не представлял все сложности и опасности похода по враждебно настроенной стране. После блестящего боя под Тигранакертом римские солдаты оказались не готовы к постоянным стычкам с мобильными конными отрядами Тиграна. Луцию Лукуллу удалось выиграть практически все открытые сражения, но в навязанной Митридатом VI партизанской войне такие бои не решали исхода кампании. Справедливо замечает Я.А. Манандян, что сопротивление армян сыграло большую роль в неудаче похода Луция Лукулла [99, с. 154]. Но не стоит отвергать и мнение античных авторов, некоторые из которых говорят о волнениях в римском войске (Plut. Luc., 32). Римские солдаты были морально не подготовлены к столь ожесточенному сопротивлению и, тем более, к непривычным погодным условиям (Dio Cass., XXXVI, 5, 1-2).

В этой ситуации Лукулл принял единственно верное решение – отступить из Великой Армении, отказавшись от завоевания Арташата. Но он не мог отказаться от продолжения войны до полной победы. Перевалив через горы, римляне

устремились в область Мигдонию, где в городе Нисибисе удерживал власть брат Тиграна II Гур (Dio Cass., XXXVI, 6-7; Plut. Luc., 32). Несмотря на усилия защитников, город удалось взять, так как царь Армении не смог или не захотел помочь осажденным (Dio Cass., XXXVI, 8, 1; Plut. Luc., 32). Как уже говорилось выше, именно после взятия Нисибиса Луций Лукулл предпринял попытку вторгнуться в Адиабену, но планы римского полководца были сорваны его же солдатами, которые отказались повиноваться приказу (Plut. Luc., 32; Liv. Epit., 98). Луций Лукулл был вынужден отказаться от дальнейшего завоевания Армении, что, фактически, означало неудачу всей войны с Тиграном II [112, с. 94]. Армянскому и понтийскому царям удалось не только выдержать натиск римлян, но и приступить к освобождению захваченных Луцием Лукуллом земель (Dio Cass., XXXVI, 8, 2).

Уже в конце 68 г. до н. э. Митридат VI смог вступить в пределы своего царства, а в 67 г. до н. э. он освободил Понт от римлян. Тигран II, признававший необходимость продолжения борьбы с Луцием Лукуллом, двинулся на помощь Митридату через Каппадокию, а авангард армянской армии - атропатенская конница под командованием царя Мидии-Атропатены Митридата, уже участвовала в боях с римлянами (Dio Cass., XXXVI, 14, 2; Plut. Luc., 35).

Неудача Луция Лукулла в войне во многом объясняется отсутствием поддержки его походов в Риме. Но нельзя отрицать и того, что Армянское царство оказалось достаточно сильным государством, чтобы, несмотря на поражения, выстоять в борьбе с римлянами. Однако силы Тиграна были существенно ослаблены и значительное наступление армян оказалось невозможным.

Действия в Армении Луция Лукулла, особенно после провала похода во внутренние области Великой Армении, вызвали негативную реакцию в Риме (Plut. Luc., 33). Кроме того, усилившиеся в Риме противники Лукулла не желали видеть его во главе армии, которая вела войну не только с Митридатом VI, но теперь и с Тиграном II (Plut. Luc., 33). Римляне уже не могли помешать Митридату овладеть Понтийским царством (Cic. De imp. Pomp., 26; Dio Cass., XXXVI, 2, 2; 14, 4; 17, 1).

В 67 г. до н. э. командование римскими силами на Востоке было поручено Гнею Помпею, полномочия которого были значительно более широкими, чем у его предшественника [112, с. 92; 286, р. 186]. Не считая вооруженных сил, Помпей получил право на ведение войны с Понтом и Арменией, право заключать союзы с другими странами, обустривать жизнь в провинциях (Dio Cass., XXXVI, 42, 4; Plut. Pomp., 30; App. Mithr., 97). Новый командующий прибыл в Азию в начале 66 г. до н. э. и приступил к подготовке похода против Митридата VI. Одним из первых мероприятий Помпея было возобновление дипломатических отношений с Парфией (Dio Cass., XXXVI, 45, 3; Liv., Epit., 100). В отличие от Луция Лукулла, новому римскому военачальнику удалось склонить Фраата III к союзу и к более активным действиям против Тиграна [286, р. 190].

Большое значение в изменении позиции парфянского царя сыграла внутрисполитическая нестабильность в Армении. Тигран Младший, третий сын Тиграна II от дочери Митридата VI, выступил против своего отца в начале 66 г. до н. э., однако победы достичь не смог и с отрядом сторонников бежал к своему тестю Фраату III (Dio Cass., XXXVI, 51, 1). Тигран Младший активно интриговал при дворе в Ктесифоне и, в конце концов, склонил сомневающегося парфянского царя к нападению на Армению (Dio Cass., XXXVI, 51, 1). Опасения Фраата III были обоснованны, так как Тигран II все еще сохранял значительные силы, но обещанная Тиграном Младшим поддержка, а также договор с римлянами побудили Фраата III вторгнуться в армянские земли.

Нападение парфян не позволило Тиграну II прийти на помощь Митридату в его борьбе с Помпеем [286, р. 191]. Хотя некоторые источники связывают измену Тиграна Младшего с интригами его деда Митридата VI, которого не устраивал нерешительный Тигран II (Dio Cass., XXXVI, 50, 1), парфянская интервенция не могла входить в планы понтийского царя, так как при любом исходе Понт лишался необходимой армянской помощи. Иного мнения придерживается лишь Я.А. Манандян [99, с. 174], считавший, что Митридат VI мог интриговать против своего союзника. Несмотря на тяжелейшее положение, в котором оказалось его царство, Тиграну II удалось оказать парфянам достойный отпор. Штурм Арташата

закончился неудачей, и Фраат III вынужден был покинуть Армению, оставив для осады только Тиграна Младшего с небольшим отрядом (Dio Cass., XXXVI, 51, 2). Тигран II смог собрать силы и нанести поражение сыну, пытавшемуся после этого бежать к деду – Митридату VI. Но, узнав, что последний проиграл сражение с римлянами, Тигран Младший перешел на сторону Помпея (Dio Cass., XXXVI, 51, 3).

Появление Тиграна Младшего не могло значительно повлиять на планы римского полководца. Поход против царства Тиграна II был необходим при любых обстоятельствах [286, р. 193], так как этого требовали полученные Помпеем инструкции (Dio Cass., XXXVI, 42, 4; Plut. Pomp., 30). Объяснение армянского похода Помпея происками Митридата VI [299, с. 20, 26] не может быть признано убедительным и было подвергнуто критике в литературе [53, с. 22]. Кроме того, существует достаточно обоснованное предположение, что Тигран Младший прибыл к Помпею уже после вступления последнего на территорию Армении, и его действия не могли стать причиной римской интервенции [99, с. 188].

В отличие от Луция Лукулла, который был вынужден наступать в Армению через Каппадокию к Тигранакерту, Помпей двинулся непосредственно на первую столицу царства - Арташат (Dio Cass., XXXVI, 52, 1-2; Plut. Pomp., 33). Это могло произойти не раньше осени 66 г. до н. э., если учесть длительность борьбы Помпея с Митридатом VI [51, с. 154; 286, р. 193]. По нашему мнению, столь позднее начало новой кампании свидетельствовало об уверенности Помпея в том, что в Армении он не встретит серьезного сопротивления и успеет завоевать страну до наступления зимы, которая помешала Луцию Лукуллу покорить армянского царя в 68 г. до н. э. События, разворачивавшиеся в Армении, подтвердили правильность действий римского полководца.

Тигран II, ослабленный войной с Парфией и внутренними неурядицами, не мог надеяться на успешную борьбу с новой римской армией. В то же время, на наш взгляд, возникло еще два фактора, которые подталкивали армянского царя к мирному подчинению Помпею. Во-первых, Помпей пользовался известностью на Востоке как мягкий и уравновешенный политик, и Тигран II мог рассчитывать на

выгодные для себя переговоры, которые оказались невозможны со стремительно наступавшим Луцием Лукуллом (Plut. Pomp., 33; App. Mithr., 104). Помпей же демонстрировал пренебрежение не только к личности Лукулла, но и к его распоряжениям (Plut. Luc., 36), что позволяло армянскому царю надеяться и на отказ римлян от жесткого курса в отношении Армении. Во-вторых, у Тиграна II появилась возможность загладить свою вину перед римлянами, расторгнув договор с Митридатом VI на совершенно оправданных основаниях.

Именно попытка Тиграна Младшего спастись от преследования отца у Митридата VI стала прекрасным поводом для разрыва армяно-понтийского союза. Маловероятно, что находившийся в затруднительном положении понтийский правитель мог открыто подбивать своего внука на государственный переворот. Скорее всего, Тигран II использовал слухи о возможном участии Митридата VI в мятеже Тиграна Младшего для отказа от выполнения союзных обязательств в отношении тяготившего его Митридата VI [Ср.: 99, с. 173]. Попытка Митридата вторично найти убежище в Армении после поражения в борьбе с римлянами была отвергнута царем Армении именно на основании сговора царя Понта с Тиграном Младшим (Dio Cass., XXXVI, 50, 1). Обвинение Тиграна II в трусости кажется совершенно необоснованным, если учесть, что армянский царь смог в этом же году отразить парфянское нападение [22, р. 317]. Теперь Тигран II мог не опасаться упреков в предательстве родственных связей, как это могло быть в 71 г. до н. э., когда сам царь открыто признал в присутствии римского посла возможность таких обвинений (Memn., 44, 2). Послы Митридата VI, прибывшие с просьбой об убежище, были захвачены, а за голову бывшего союзника армянский царь назначил награду в 100 талантов (Dio Cass., XXXVI, 50, 1; Plut. Pomp., 32).

Получив известие о начале наступления Помпея, Тигран II немедленно выслал римскому полководцу послов Митридата VI (Dio Cass., XXXVI, 52, 1). Очевидно, что представители Тиграна II одновременно вступили в переговоры с Помпеем, но к окончательному соглашению прийти не удалось, не столько из-за противодействия Тиграна Младшего, как это утверждает Дион Кассий, сколько из-

за стремления Помпея окончательно закрепить влияние Рима в регионе. Авторитет мятежного сына армянского царя, если судить по последующим событиям, был не настолько высок, чтобы он мог навязывать свое мнение Помпею.

Римляне, не встречая сопротивления, подошли к Арташату, и Тигран II впустил в город римский гарнизон (Dio Cass., XXXVI, 52, 2; Plut. Pomp., 33). Сам царь подверг себя унижительному визиту в лагерь римлян, где снял перед Помпеем диадему, символ царской власти, то есть вверил себя и свою страну власти римского полководца (Dio Cass., XXXVI, 52, 4; Plut. Pomp., 33; App. Mithr., 104). Тигран II, таким образом, создал прецедент во взаимоотношениях Рима с азиатскими монархами. Никогда еще противник римлян такого уровня как Тигран II не демонстрировал столь явно признание гегемонии Рима. Ни Антиох III, ни Митридат VI не склонялись перед римским могуществом и не подвергали себя подобному унижению. Пруссий Вифинский в первой половине II в. до н. э. целовал порог в сенате и называл себя вольноотпущенником римлян [206, р. 23], но его царство не могло сравниться по силе и влиянию с Арменией Тиграна II.

Помпей приветливо встретил Тиграна II, немедленно сообщив, что римляне признают права армянского царя на престол (Dio Cass., XXXVI, 52, 4). Однако владения армянского царя ограничивалась землями, которые находились под его управлением в 95 г. до н. э. (Dio Cass., XXXVI, 53, 2; Plut. Pomp., 33), вероятно, за исключением “семидесяти долин” [286, р. 195]. Софена передавалась Тиграну Младшему. Утверждение Аппиана, что кроме Софены Тигран Младший получил и Кордуэну (App. Mithr., 105), не только не подтверждается другими источниками, но и географически сложно осуществимо (Dio Cass., XXXVI, 53, 2; Plut. Pomp., 33; Eutrop., VI, 13; Liv. Epit., 101). Кроме того, царь Армении должен был выплатить 6 тысяч талантов (App. Mithr., 105; Eutrop., VI, 13), что в два раза превышало сумму, которую заплатил Митридат VI по Дарданскому миру. Евтропий объяснял выплату 6 тыс. талантов тем, что Тигран безосновательно объявил войну римлянам, однако этот пассаж не может быть признан достоверным, так как в этом же параграфе античный автор утверждает, что Помпей сам объявил войну Тиграну.

По нашему мнению, несмотря на недавнюю войну Тиграна II с Римом и достаточно тяжелые условия соглашения, Помпей продемонстрировал стремление сохранить армянское царство, что соответствовало традициям римской политики на Востоке [286, р. 220]. Тигран II был признан “другом и союзником римского народа” (Dio Cass., XXXVI, 53, 6; Cic. Pro Ses., 59), следовательно, с ним был заключен неравноправный союзный договор - *foedera iniquia* [252, р. 357]. Армянское государство, даже лишенное большей части своих земель, призвано было играть роль защитника римских интересов на Востоке. Тигран II ценой значительных уступок сумел сохранить свое царство.

Однако не следует забывать, что Помпей мог воспользоваться правом победителя и ликвидировать царство, как он поступил с Понтом и Сирией [243, р. 14]. Кроме превращения в римскую провинцию понтийских владений Митридата VI, римский полководец изгнал из Сирийского царства Антиоха XIII (App. Syr., 49), чьи права на престол были признаны не только римским сенатом, но и Луцием Лукуллом [206, р. 24]. Сохранение в сложившихся условиях армянского государства свидетельствует о том, что Помпей рассматривал царство Тиграна II как дружественное государство. Отказавшись от прямого контроля над землями кавказского региона, римляне могли поддерживать свое влияние только с помощью союзного государства, как это происходило в Малой Азии после победы над Антиохом III Мегасом [286, р. 194, 227]. Очевидно, что эту роль Помпей отводил именно царству Тиграна II, который столь убедительно доказал свою покорность [27, с. 40; 212, s. 72].

Первая попытка усилить своего нового союзника, только что лишенного большей части владений, была предпринята непосредственно при выработке условий мирного договора. Тигран Младший продемонстрировал недовольство решением Помпея, так как вместо всего царства отца он получил только Софену (Dio Cass., XXXVI, 53, 3). Кроме того, контрибуция, которую Тигран II должен был выплатить римлянам, состояла из средств, находящихся в софенских замках (Dio Cass., XXXVI, 53, 3). Учитывая оправданное замечание некоторых исследователей о том, что Софена могла быть ранее передана Тиграну Младшему

самим армянским царем, можно сделать вывод о провале надежд, которые Тигран Младший возлагал на Помпея [99, с. 194; 147, с. 118]. Версию о правлении Тиграна Младшего в Софене подтверждает поведение охраны царских замков в Софене. В ответ на требование римлян от имени Тиграна II выдать деньги, находящиеся в крепостях, стража потребовала разрешения от Тиграна Младшего. Это выглядело странно, так как, согласно источникам, сын армянского царя еще не успел вступить во владение своим уделом (Dio Cass., XXXVI, 53, 3).

Во вновь возникшем конфликте Помпей целиком стал на сторону отца, а его бывший проводник оказался схвачен и закован в цепи (Plut. Pomp., 33; Dio Cass., XXXVI, 53, 4; App. Mithr., 105). Тигран Младший зять царя Парфии, не устраивал римского полководца. Когда же за Тиграна Младшего вступился его тесть и союзник римского народа парфянский царь Фраат III, Помпей продолжал твердо отстаивать свою позицию (Plut. Pomp., 33), чем, безусловно, ухудшил римско-парфянские отношения [99, с. 198; 212, р. 72]. Анализ источников не позволяет согласиться с утверждением А.Г. Бокщанина о том, что арест Тиграна Младшего состоялся в 65 г. до н. э. [27, с.40]. Очевидно, что все указанные события в Армении происходили в один год – 66 г. до н. э., как о них сообщает Дион Кассий (Dio Cass., XXXVI, 53, 4-5). Приведенные выше факты подтверждают предположение о важной роли Армении в новом устройстве Азии, возникшем в ходе деятельности Помпея [99, с. 198-199; 278, р. 392].

В случае подчинения Тиграна II Риму необходимо обратить внимание на особенности действий самого армянского царя. Капитуляция Тиграна II перед римским полководцем могла быть вызвана не только слабостью армянской армии. Нельзя забывать, что в том же 66 г. до н. э. Тигран II вел активную борьбу с парфянами и отстоял свой престол. Почему Тигран II не подчинился парфянам так же, как он позднее подчинился Помпею? С точки зрения царя Армении, против него действовали силы римско-парфянской коалиции, и Тигран II должен был понимать, что за неудачным походом Фраата III последует вторжение римлян. Следовательно, борьба с Парфией не могла предотвратить захват Армении.

Присутствие Тиграна Младшего в свите Фраата III не может объяснить позиции армянского царя, так как его сын впоследствии сопровождал и Помпея.

В сочинении Веллея Патеркула сохранилось высказывание Тиграна II, утверждающего, что римляне являются единственным народом, которому он желает подчиниться (Vell. Pat., II, 37, 4). Безусловно, сообщение римского историка нельзя понимать буквально, но, вероятно, в речи армянского царя содержались слова, которые можно трактовать как стремление Тиграна II подчиниться именно Риму.

По нашему мнению, у царя Армении существовали веские основания, чтобы вести борьбу с парфянами, но сдаться римскому полководцу. Два государства - Рим и Парфия, были враждебны армянскому государству и равно стремились к его подчинению, но подчинение римлянам и подчинение парфянам было далеко не равнозначно. Парфия, несмотря на некоторые особенности государственного устройства, продолжала политику Селевкидов, стараясь поглотить владения слабых соперников [68, с. 101, 197]. Современные исследования не дают ответа на вопрос о выплате дани армянскими царями Парфии, но совершенно точно установлен факт выплаты дани армянскими правителями Селевкидам (Polib., 8, 25), и нет оснований предполагать, что парфяне изменили этой практике. Парфяне рассматривали земли Армении как продолжение своих владений [282, р. 21-23]. Следовательно, учитывая территориальные претензии Парфии к Армении, вероятность сохранения Тиграном II своей власти была достаточно незначительна.

В отличие от парфян, римляне за долгие годы присутствия на Востоке продемонстрировали готовность сохранить престол за своим противником, если он признавал господство Рима [286, р. 194]. Поэтому для Армении римская гегемония выглядела более предпочтительно, чем парфянская. Религиозная и культурная близость парфян и армян, о которой говорят не только современные историки, но и некоторые античные авторы (Тас. Ann., 2, 62), не могла оказывать влияние на позицию армянского царя, когда решалась судьба его царства. Кроме того, в культурном отношении парфяне были носителями восточно-иранской культуры [76 с. 18].

Тигран II, на наш взгляд, стремился как раз подчеркнуть отличие Армении от Парфии и в культурной сфере. На монетах Тиграна II изображение царя повернуто вправо, в то время как на парфянских монетах - влево [31, с. 111]. В период античности этнические и религиозные факторы оказывали значительно меньшее влияние на межгосударственные отношения, чем это иногда представляется. Недаром у греческих и римских историков вызывала удивление религиозная и национальная обособленность древних евреев. В 66 г. до н. э. Тигран II вынужден был четко обозначить внешнеполитические приоритеты армянского государства. Сохранение завоеваний для царя Армении оказалось менее значимым, чем защита страны от парфян. Не имея возможности вести борьбу с Парфией самостоятельно, Тигран II вынужден был опереться на помощь римлян.

Дальнейшее развитие событий показало, что и римский полководец рассматривал возникший римско-армянский союз как один из важнейших факторов римского влияния в регионе. Ни кавказский поход Помпея, необходимый для утверждения римского влияния в Иберии и Албании, ни события в Сирии не отвлекли внимания римлян от Армении [53, с. 22]. М. Дреер утверждает, что вопрос о походе Помпея в Армению до конца не выяснен. Но представляется правомерным предположить, что Армения занимала важное место во внешнеполитических планах Помпея и поход был направлен на подчинение именно Армении.

По мере того, как отношения с Парфией ухудшались из-за ставшего очевидным желания Помпея утвердить римскую гегемонию не только в Анатолии, но и во всей Передней Азии, значение царства Тиграна II для Рима возрастало. Открыто недружественная акция по отношению к Фраату III - наступление отряда Афрания в 65 г. до н. э. из Армении в Месопотамию и вытеснение парфянских войск из Кордуэны (Dio Cass., XXXVII, 5, 6), еще раз продемонстрировала стремление Помпея усилить Тиграна II [286, р. 224]. Не менее важным было и то, что Помпей не только не лишил Тиграна II титула "царь

царей”, но и отказал в праве носить этот титул Фраату III (Plut. Pomp., 38; Dio Cass., XXXVII, 6, 2).

Ответная реакция парфян, выразившаяся в очередном нападении на Армению в 64 г. до н. э., показала правильность выбора Тиграна II (Dio Cass., XXXVII, 6, 5). В отличие от событий 66 г. до н. э., Тиграну II не удалось полностью отразить нападение парфян и он обратился за помощью к Помпею на правах "друга и союзника римского народа" (Dio Cass., XXXVII, 6, 4-5). Помпей в очередной раз вступился за своего нового союзника, но, не желая и не имея права начинать новую войну, направил к царям третейских судей, которым удалось примирить двух враждующих монархов (Dio Cass., XXXVII, 7, 3; Plut. Pomp., 39). Парфянский царь вынужден был признать за Тиграном II не только Кордуэну, но и большую часть Месопотамии.

Комментарий Диона Кассия о причинах согласия Фраата III и Тиграна II принять решение римских представителей вызывает сомнения. Следуя Диону, можно предположить, что Фраат III надеялся на то, что ему удастся привлечь Тиграна II к антиримскому союзу (Dio Cass., XXXVII, 7, 4). Однако дальнейшее развитие событий на Востоке полностью опровергает предположение античного автора, так как Тигран II не предпринимал попыток разорвать союзный договор с Римом до окончания своего правления.

Политика Помпея в отношении Армении соответствовала так называемому новому устройству Азии, созданному римским полководцем после того, как старая организация римской власти в этом регионе, возникшая во II в. до н. э., была разрушена в ходе войн с Митридатом VI [286, р. 226-233]. В этом устройстве правители Армении не только должны были стать проводниками римских интересов на Востоке, но и поддерживать римлян в возможной борьбе с Парфией. То, что столкновение с парфянами было неизбежно, прекрасно понимал сам римский полководец. Не решившись на немедленную войну с Фраатом III, Помпей создал все условия для будущих сражений с парфянами. В первую очередь, речь идет о провинции Сирия. Многолетняя дискуссия о причинах, побудивших Помпея основать новую провинцию в землях, которые, вопреки традициям, не были

окружены союзными царствами, позволяет сделать вывод о том, что целью Помпея было создание плацдарма для борьбы с Парфией [187, с. 49; 261, р. 142]. Так как война предполагалась в скором времени, то оборонительный потенциал провинции не играл большого значения. В этих условиях помощь армян, даже значительно ослабленных, была очень важна, так как Тигран II неоднократно демонстрировал способность бороться с Парфией.

Значительные изменения во внешнюю политику римлян на Востоке внесла усилившаяся борьба за власть в самом Риме, которая на десятилетие отвлекла внимание римских полководцев от событий в Азии. Источники умалчивают о событиях в Армении в указанный период, но нет оснований сомневаться в том, что Тигран II продолжал сохранять союз с Римом вплоть до своей смерти в 56/55 гг. до н. э. [99, с. 212], о чем ясно говорит Цицерон (*Cic. Pro Ses.*, 59). Сложившиеся римско-армянские отношения на этом этапе были выгодны Римской республике, которая могла опереться на помощь еще одного союзника. Со стороны Армянского царства союз с Римом был, вероятно, наиболее приемлемым выходом из неудачного развития событий 60-х годов I в. до н. э.

Взаимоотношения между Римом и Великой Арменией в течение первой половины I в. до н. э. прошли несколько этапов - от вооруженного противостояния и открытого военного конфликта до заключения союзного договора.

Первые контакты между Великой Арменией и Римом строились на основе взаимовыгодного сотрудничества и привели к заключению дружественных отношений. Однако географическая удаленность не позволила сохранить эти отношения в течение II в. до н. э. Возобновление римско-армянских отношений в I в. до н. э. происходило на иной основе. Взошедший на престол в 95 г. до н. э. Тигран II стремился освободить свое царство от парфянского влияния и искал пути усиления Великой Армении. Он был вынужден заключить договор с понтийским царем о совместных действиях против Каппадокии. Договор с Митридатом VI был направлен, как нам удалось доказать, исключительно на совместные действия в Каппадокии и не предусматривал антиримских действий. Когда же оказалось, что действия армянских войск в Каппадокии вызвали ответную реакцию римлян,

Тигран II попытался предотвратить ухудшение отношений с Римом. По нашему мнению, поход в Каппадокию в 91 г. до н. э. проходил без армянских отрядов, или, по крайней мере, армянский царь смог скрыть свое участие в этой операции.

Тигран II продемонстрировал желание избежать продолжения конфронтации с Римом в период первой и второй войн Митридата VI с римлянами, что привело, на наш взгляд, к охлаждению армяно-понтийских связей. Единственное упоминание в античных источниках об антиримских действиях Тиграна II в 70-е гг. до н. э. не может быть признано полностью достоверным. Очевидно, царь Великой Армении осознавал, что угрозу его царству представляет именно Парфия, и конфликт с Римом был ему невыгоден. Действия армянского царя не вызвали негативной реакции в Риме, что позволяло Тиграну II надеяться на установление мирных отношений с римлянами.

Нежеланием сталкиваться с римлянами объясняется, как нам кажется, и отказ Тиграна II от участия в третьей войне Понтийского царства с Римом. Тигран II не только не помог своему тестю Митридату VI, но фактически подверг его аресту. Даже открытые угрозы Луция Лукулла не заставили армянского царя готовиться к войне. Тигран II, зная, что у Лукулла нет полномочий на ведение войны с ним, опасался дать повод римскому полководцу напасть на Великую Армению.

Царь Армении ошибся в своих расчетах, так как недооценил стремительные изменения, прошедшие в Римской республике в первой половине I в. до н. э. Зависимость римских полководцев от решений сената значительно уменьшилась, и Луций Лукулл напал на царство Тиграна II без одобрения своих действий в Риме. Римско-армянская война, несмотря на провал арташатского похода римской армии, подорвала военный потенциал Великой Армении. Тигран II уже не мог противостоять новым римским войскам. Однако он приложил все усилия, чтобы подчиниться именно Риму, а не Парфии, сотрудничество с которой было для армянского царя невозможно. Гней Помпей, в свою очередь, не ликвидировал царство Тиграна II, но предоставил армянскому царю титул "друга и союзника римского народа".

Попытка Тиграна II превратить свое царство в одну из сильнейших держав Азии закончилась неудачей именно благодаря действиям Рима. Но правителю Великой Армении и римскому полководцу Гнею Помпею удалось создать условия для дальнейшего мирного сосуществования двух государств. Помпей сохранил царство Тиграна II, следуя традиционной римской практике создания системы союзных государств на границах собственных владений. Тигран II предпочел договор с Помпеем подчинению Парфянскому царству, несмотря на неравноправный характер римско-армянского союза. В 66-64 гг. до н. э. были заложены основы новых добрососедских отношений между Римом и Великой Арменией, которые позволили Тиграну II противостоять Парфии и привели к появлению у римлян достаточно сильного и влиятельного союзника на Востоке.

ГЛАВА 3

РИМСКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 50-30-Е ГГ. I В. ДО Н. Э.

В 50-30-х гг. I в. до н. э. Римская республика переживает период нестабильности и гражданских войн, которые в конечном итоге привели к установлению единоличной власти принцепса. Внешняя политика Римского государства стала более агрессивной. Захваты территорий и ожесточенная борьба за власть в Риме способствовали росту влияния полководцев, которые дважды организовывали широкомасштабные восточные походы. В то же время, потрясения в собственном государстве ослабили мощь и влияние римлян на Востоке, что позволило Парфии перейти в наступление на римские владения в Сирии и Малой Азии.

Обострение римско-парфянских отношений поставило Армянское царство в сложное положение выбора союзников, каждый из которых претендовал на контроль в царстве Арташесидов и стремился использовать его потенциал в собственных интересах. Правивший с 55 по 34 гг. до н. э. армянский царь Артавазд II, пытаясь сохранить свою власть и свое царство, вынужден был опираться на одного из могущественных соседей, что оказывало негативное влияние на развитие Армении и привело к открытому вмешательству римлян и парфян во внутренние дела царства.

3.1 Армения и Рим в 50-е гг. I в. до н. э.

Окончание похода Гнея Помпея на Восток не означало прекращения римско-армянских отношений. Обоюдные союзнические обязательства должны были действовать неограниченный срок [21, с. 135; 286, р. 64]. У римлян и армян сохранялась взаимная заинтересованность в борьбе с Парфией. Помпей, выполняя

союзные обязательства в отношении Тиграна II, содержал под арестом в Риме Тиграна Младшего, сына армянского царя и его противника (Cic. Dom., 66; Att., III, 8, 3; Dio Cass., XXXVIII, 30, 1).

Косвенно о соблюдении союзного договора римлянами свидетельствует и парфянская политика Рима. В середине 50-х гг. до н. э., опираясь на помощь Рима, парфянский царь Митридат III повторно захватил престол (Dio Cass., XXXIX, 56, 2; App. Rom. Hist., XI, 8, 51.). Но даже в период побед Митридат III не чеканил монет с легендой "царь царей" [75, с. 58; 221, р. 216]. Римляне, предоставившие право носить этот титул Тиграну II, строго соблюдали интересы дружественного царя, который обладал этой привилегией до окончания своего правления [71, с. 577; 196, р. 214]. Очевидно, что даже парфянская проблема, во многом обусловленная римско-армянским союзом и занимавшая важное место в восточной политике римлян, не могла повлиять на союз Рима с Арменией.

Однако именно в рассматриваемый период происходит изменение в принципах принятия внешнеполитических решений в Риме. Растущее влияние римских полководцев Гнея Помпея и Юлия Цезаря ослабило внимание сената к событиям на восточных границах. Отдельные представители римской элиты в центре и местная римская администрация получили возможность более широко использовать находящуюся в ее руках власть. В данном случае, на наш взгляд, показательна судьба Тиграна Младшего. В 58 г. до н. э. Публий Клодий фактически выкрал Тиграна, освободив его из-под ареста (Dio Cass., XXXVIII, 30, 1). Возвращение непокорного сына Тиграна II в Армению угрожало интересам римского союзника, но это не остановило Клодия [206, р. 169]. Подобные происшествия наносили урон римскому влиянию в азиатских монархиях, но, несмотря на это, Армения сохраняла союзные отношения с Римом.

После заключения с Помпеем договора о дружбе и союзе Тигран II не нарушал условий соглашения и правил как "друг и союзник римского народа" вплоть до 55/54 гг. до н. э. - предположительного года смерти царя. В речи в защиту Публия Сестия, произнесенной Цицероном в марте 56 г. до н. э., Тигран II

фигурирует как римский союзник: "[Тигран]...правит в настоящее время и имя дружбы и союзника, которое осквернил оружием, мольбами добился", - перевод наш (...regnat hodie et amicitiae nomen ac societatis, quod armis violarat, id precibus est consecutus...) (Cic., Pro Ses., 59). Смена правителя в Армении в 55/54 гг. до н. э. прошла спокойно, и царем стал сын Тиграна II – Арташес (Артакий) II [27, с. 42; 260, р. 110].

Единственное свидетельство о внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Великая Армения в это время, сохранилось у Юстина, который сообщает, что парфянский царь Митридат III (58/57-57/56) за недолгое свое царствование вел войну с армянским царем (Just., XLII, 4, 1). Указание Юстина считают ошибочным, так как он действительно смешал в своем сообщении правление двух царей - Митридата II и Митридата III [75, с. 57-58; 280, р. 159; 286, р. 279]. Лишь некоторые исследователи соглашались с версией Юстина, не приводя пояснений [42, с. 72; 112, с. 311]. В то же время, анализ территориальных изменений в Месопотамии не позволяет отказаться от свидетельства античного автора.

По нашему мнению, по условиям соглашения с Помпеем, Тигран II сохранил за собой не только земли собственно Великой Армении, но и часть территории Месопотамии (Strabo, XVI, 1, 24). Принято считать, что под Месопотамией Страбон подразумевал только Кордуэну, а не Мигдонию, Осроену и Адиабену [286, р. 224, п. 102]. Лишь М.-Л. Шомон и А.Г. Бокщанин полагали, что Тиграну II передали почти всю Месопотамию [27, с. 42; 212, р. 72]. Но ни один источник, в том числе и нумизматический, не опровергает утверждение Страбона о владении армянами большей части Месопотамии к концу правления Тиграна II [286, р. 224, п. 102]. Незначительное количество монет Тиграна II в Нисибисе не может быть аргументом в пользу отсутствия Мигдонии в составе царства Тиграна II после 66 г. до н. э., так как этот город был в составе Армении все 70-е гг., но это не привело к росту числа армянских монет. Напротив, показательное отсутствие монет Артавазда II в кладе из Нисибиса [117, с. 138; 284, р. 86-99].

Кроме того, Диодор, описывая посвятельную надпись Помпея, сообщал,

что Помпей: "... защитил ...Армению, ...Месопотамию, Софену и Гордиену", - перевод наш (Øperasp...saj... 'Armen...an,... Mesopotam...an, Swfhn»n, Gorduhn»n) (Diod., XL, 4). Очевидно, что упоминание у Диодора Месопотамии и Гордиены (Кордуэны) в одном предложении свидетельствует о четком различии, которое проводили античные авторы между двумя территориями. Интересен и тот факт, что Диодор говорит о защите Армении, Месопотамии и Гордиены, что позволяет нам предположить передачу Месопотамии именно Армении, а не враждебной Парфии.

Однако к началу 50-х гг. до н. э. вся Месопотамия вплоть до Евфрата уже принадлежала парфянам, в чем мог убедиться не только Красс, но и Габиний (Jos. Flav., Ant., XIV, 6, 2). Следовательно, вероятность столкновения Армении и Парфии из-за северо-западной Месопотамии около 57 г. до н. э. достаточно высока и замечание Юстина нельзя отвергать полностью. Косвенным подтверждением сложной ситуации в Армении может служить активизация деятельности Тиграна Младшего в Риме именно в 58 г. до н. э., то есть перед началом парфянского вторжения в Армению.

Конфликт между армянами и парфянами не вызвал прямой реакции римских властей [27, с. 42]. Хотя в 55 г. до н. э. проконсул Сирии Авл Габиний попытался вмешаться во внутренние события в Парфии, ни в одном источнике действия римского проконсула не связываются с помощью Армении. Парфянский царь Митридат III был свергнут родным братом Ородом и обратился за помощью к римлянам (App. Syr., 51; Dio Cass., XXIX, 56, 2; Jos. Flav., Ant., XIV, 6, 4). Габиний, вопреки собственным полномочиям, начал готовить поход против Орода, но был вынужден отказаться от предприятия и вторгнуться в Египет (Jos. Flav., Ant., XIV, 6, 2). Важно то, что в источниках, в отличие от работ некоторых исследователей, действия Габиния не оправдываются существованием армяно-парфянских противоречий [27, с. 42; 112, с. 311]. Хотя защита интересов союзников в прошлом была достаточным основанием для действий римских полководцев. Отсутствие упоминания Армении в деле Габиния свидетельствует не столько о том, что Армения не рассматривалась как союзник, сколько об уменьшении влияния

государственных интересов на поведение римской провинциальной администрации.

Установление первого триумvirата оказало значительное влияние на восточную политику римлян. Согласно договору, заключенному между триумвирами, Марк Лициний Красс получил возможность совершить поход против Парфии (Plut. Crass, 17; App. Bell. Civ., 2, 18; Dio Cass., 40, 12, 1; Jos. Flav., Ant., XIV, 7, 1; Eutr., VI, 18, 1). Неизбежность и необходимость борьбы с Парфией признавалась еще Помпеем, создавшим провинцию Сирия. Возможно, Красс имел формальные основания напасть на Парфию [43, с. 9; 55, с. 211]. Однако большинство источников содержат прямые упоминания о целях похода римлян, которые были далеки от защиты интересов государства. Борьба с Парфией, не представлявшей непосредственной угрозы римлянам, больше соответствовала личным интересам триумвира и вызвала недовольство народных трибунов (App. Bell. Civ., 2, 18; Eutr., VI, 18, 1; Flor, I, 46, 3). Плутарх открыто указывает на грабительский характер предприятия Марка Лициния Красса (Plut. Crass, 17).

Движимый жаждой наживы и славы Красс не провел должной подготовки к походу, не имел точной информации ни о ситуации в Месопотамии, ни о боевых возможностях и тактических приемах парфянской армии [27, с. 44-45]. Римские легионы должны были действовать в непривычных условиях, в удалении от продовольственных и ресурсных баз. Уверенность в непобедимости римских армий, которая могла возникнуть после успешных походов Луция Лукулла и Гнея Помпея, позволила Крассу если не отказаться, то пренебречь услугами союзников, полагаясь на собственные силы. Отказ Красса от планомерной подготовки к парфянскому походу уменьшил роль Великой Армении в римско-парфянской войне.

В 54 г. до н. э. Красс, без объявления войны, перешел Евфрат и захватил города в западной Месопотамии (Plut. Crass, 17; Dio Cass., XL, 13). Однако дальнейшее наступление было приостановлено, и римляне, оставив гарнизоны в захваченных городах, вернулись в Сирию (Dio Cass., XL, 13).

Только весной 53 г. до н. э. Красс смог возобновить поход против Парфии.

Именно в это время к римлянам впервые прибыл царь Артавазд II с шестью тысячами конной гвардии (Plut. Crass, 19).

Армянский царь продемонстрировал заинтересованность в успешной войне против Парфии и посоветовал римскому полководцу избегать столкновения с парфянской конницей [42, с. 77]. Артавазд II, в отличие от римлян хорошо разбиравшийся в ситуации, предложил Крассу изменить маршрут похода (Plut. Crass, 19). Единственной возможностью предотвратить удар тяжелой парфянской кавалерии был, по мнению Артавазда II, маршрут через Армению, то есть через горные районы [246, s. 73].

Естественно, что предлагая армянский маршрут, Артавазд II преследовал и собственные цели, но его совет было действительно оправдан. Римляне, в отличие от армян, никогда не сталкивались с конницей аналогичной парфянской на полупустынных землях, где слабое кавалерийское прикрытие легионов не могло сдержать натиск тяжеловооруженных всадников и конных лучников. Для обеспечения безопасности римских легионов и усиления конницы Артавазд II обещал предоставить 16 тысяч армянской конницы, способной противостоять парфянам (Plut. Crass, 19). Красс отказался принять помощь армянского царя и сохранил намерение двигаться через Северную Месопотамию (Plut. Crass, 19). Артавазд II вернулся в собственное царство, что было без возражений принято римским полководцем.

Нет ни малейших оснований обвинять армянского царя в том, что он бросил римлян на произвол судьбы [286, p. 286], так как Армении угрожала реальная опасность оккупации парфянами (Plut. Crass, 21; Dio Cass., XL, 16, 2). Очевидно Красс не подозревал армянского царя в измене и в дальнейшем, так как начиная поход, он предполагал вернуться именно через Армению (Dio Cass., XL, 19, 2).

Пренебрежительное отношение римского военачальника к предложению Артавазда II не может быть объяснено невозможностью оставить без поддержки гарнизоны в Месопотамии [27, с. 49; 286, p. 286]. Эти гарнизоны можно было бы вывести из захваченных земель. Если войска пришлось бы оставить, они могли достаточно успешно противостоять парфянам, которые не умели брать

укрепленные города. Исследователи оправдывают отказ Красса продолжить поход в 54 г. до н. э. отсутствием в войске достаточного количества конницы, которую должен был пополнить Публий Красс [27, с. 47, прим. 31; 286, р. 284]. Согласно сообщению Плутарха, младший Красс привел к отцу только 1 тысячу галльских всадников (Plut. Crass, 17). В то же время, римский полководец пренебрег 16 тысячами кавалеристов, предложенных армянами. Вероятно, отказ Красса от армянской поддержки был обусловлен тем, что триумвир не считал парфян достойными противниками и не собирался отказываться от наиболее короткого маршрута к парфянским городам.

Непродуманный отказ Красса принять во внимание мнение Артавазда II поставил под угрозу не только римские войска, но и Великую Армению. Парфяне разделили собственные силы, и пехота под командованием царя Орода вторглась во владения армян, в то время как полководец парфянского царя - Сурена - с легкой и тяжелой конницей выступил против римлян (Plut., Crass, 21; 22; Dio Cass., XL, 16, 2). Уже во время похода Артавазд II направил к римлянам гонца с предложением объединить свои силы на территории Армении (Plut., Crass, 22). Реакция Красса была совершенно непредсказуема и необъяснима. Римский полководец обвинил царя в измене и пообещал расправиться с ним после победы над Парфией (Plut., Crass, 22). Очевидно, что ни малейших оснований упрекать Артавазда II в предательстве не существовало. Правитель Армении, на которого обрушилась вся парфянская пехота, более эффективная в гористой местности, чем конница, вынужден был отражать атаки превосходящих сил и не мог послать помощь римлянам. Призыв к Крассу повернуть войска в Армению и совет избегать столкновений с парфянской конницей свидетельствуют о том, что армянский царь сохранял союз с Римом [286, р. 286].

Поражение римских легионов в битве при Каррах решило и судьбу армянского царства. Соппротивление парфянам без римской помощи было невозможно, и Артавазд II вынужден был пойти на мирные переговоры с Ородом II. Ему пришлось заключить мир и согласиться на брак своей дочери с парфянским царевичем Пакором (Plut., Crass, 33; Cic., Fam., XV, 3, 1). Дата этого

вынужденного союза со старым противником до конца не установлена [27, с. 59-60; 42, с. 80; 55, с. 212; 66, с. 52; 212, р. 72-73]. Однако имеющиеся сообщения источников позволяют восстановить относительную хронологию событий. Достоверно известно, что к прибытию послов Сурены в Армению, союз был заключен (Plut., Crass, 33). Но косвенные данные свидетельствуют о том, что договора еще не было до поражения Красса.

Во-первых, посольство армянского царя прибыло к Крассу в день битвы при Каррах (Plut., Crass, 22). Если бы армяне уже заключили союз с парфянами, не было бы смысла обращаться за помощью к римлянам.

Во-вторых, Дион Кассий сообщает, что после разгрома под Каррами и бегства из города, римский полководец намеревался найти спасение в Армении (Dio Cass., XL, 25, 5). Вероятно, намек на эти события содержится и у Плутарха: "Осажденные досадовали на то, что поддались обману, и, советуя Крассу отбросить отдаленные и напрасные надежды на армян, держались того мнения, что нужно бежать, но так, чтобы никто из жителей Карр не узнал о том до времени", - перевод В. Петуховой (of d' ½cqonto m□n °pathmšnoi, makr|j d□ ka^ ken|j t|j ϕp' 'Armen...wn ™lp...daj katabēllein tū Krēssō frēsantej, e†conto drasmoà. ka^ toàt' ædei mhdšna prō kairoà Karrhnîn puqšsqai·) (Plut., Crass, 29). Эти события происходили уже после поражения римлян в битве. Следовательно, римляне оставались уверены в том, что Артавазд II продолжает борьбу с парфянами. Обвинение в измене, которое предъявил Красс Артавазду II ранее (Plut., Crass, 22), таким образом, можно признать совершенно необоснованным.

В-третьих, гонцы Сурены прибыли как раз на пир, посвященный браку дочери армянского царя и парфянского царевича Пакора, что может быть подтверждением недавнего заключения договора (Plut., Crass, 33). Между битвой при Каррах и смертью Красса прошло три дня. По Плутарху римляне отступили в Карры в ночь после битвы (Plut., Crass, 27). На следующий день после битвы Сурена выяснял, где находится римский командующий (Plut., Crass, 28). На второй день Сурена подвел войска к Каррам, и ночью римляне ушли из города (Plut.,

Crass, 29; Dio Cass., XL, 25, 3-4). Погиб Красс на третий день (Plut. Crass, 31). За это время Артавазд II мог заключить мир с парфянами, и уже могли начаться торжества в честь брака его дочери.

Следовательно, именно известие о поражении римлян заставило армянского царя примириться с парфянами, так как дальнейшая борьба была бесперспективна. Артавазд II еще до битвы при Каррах с большим трудом отражал нападение парфян (Plut., Crass, 22).

Существуют различные оценки значения армяно-парфянского союза. Но, на наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением, что Артавазд II пошел на установление союза с Парфией без принуждения [27, с. 59; 212, р. 72; 286, р. 286]. Учитывая многолетнюю борьбу армянских царей с господством парфян, события 53 г. до н. э. не могли отвечать интересам Армении. Наиболее вероятно, что армяно-парфянский договор предполагал признание Артаваздом II верховенства парфян. Брак между царскими детьми не может считаться подтверждением равноправных отношений, так как был традиционным дополнением любого важного соглашения между азиатскими царями.

Поражение римлян при Каррах впервые с 90-х гг. I в. до н. э. восстановило влияние Парфии в Армении и, фактически, решило исход армяно-парфянского соперничества, длившегося всю первую половину I в. до н. э. Теперь армянские правители уже не могли на равных противостоять парфянам.

3. 2. Армения и Рим в период разрыва союзных отношений (конец 50-х – 40-е гг. I в. до н. э.).

Неудачный поход Красса заставил Артавазда II не только признать превосходство Орода II, но и разорвать союзнические отношения с римлянами. Из-за продолжения войны Рима и Парфии армянский царь должен был выступить против своего бывшего союзника. Помощь "царю царей" военными силами была

одной из важнейших обязанностей зависимых от парфян правителей, и армяне не могли избежать участия в военных операциях парфян [27, с. 18]. Однако позиция, занятая Артаваздом II, не была однозначно пропарфянской, как это представляется в существующей научной литературе [40, с. 114; 66, с. 52; 67, с. 393, прим. 11; 98, с. 84; 144, с. 54-60; 212, р. 72].

Наиболее полные сведения о событиях конца 50-х гг. на римском Востоке содержатся в письмах Марка Туллия Цицерона периода его проконсульства в провинции Киликия (51-50 гг. до н. э.). Прибыв в Азию, Цицерон обнаружил, что римским провинциям угрожает вторжение парфян (Cic., Fam., XV, 1, 1; XV, 4, 3). Не меньшую опасность видел Цицерон в действиях Артавазда II Армянского, который должен был, по слухам, вторгнуться в Каппадокию (Cic., Fam., XV, 3, 1). Угроза наступления была так велика, что Цицерон был вынужден двинуться с войском через Каппадокию, чтобы упредить действия армян (Cic., Fam., XV, 2, 2; XV, 4, 4). Однако ни в 51, ни в 50 гг. до н. э. войска Артавазда II Евфрат не переходили. Очевидно, армянский царь сумел избежать прямого участия в операциях парфян под командованием Пакора [212, р. 72].

Рассматривая данный эпизод, необходимо указать на то, что сообщение о событиях, в которых мог принимать участие Артавазд II, содержатся только в письмах Марка Туллия Цицерона. В трудах других античных авторов упоминания об армянском царе отсутствуют. Автор писем подробно и эмоционально описывает сложившуюся ситуацию, часто ссылаясь на собственные предположения и опасения. Кроме того, особенности источника позволяют подробно проследить в хронологическом порядке изменение ситуации в Азии в течение длительного периода. Следовательно, анализ писем Марка Туллия Цицерона дает возможность не только выяснить реальность вторжения армянских войск в Каппадокию, но и показать отношение представителя римской администрации к Армении.

Необходимо уточнить, что оборонительные мероприятия, проведенные Цицероном, были недостаточны для предотвращения наступления с востока. Заняв пограничную территорию между Киликией и Каппадокией, Цицерон не имел

необходимых сил для отражения двойного армяно-парфянского удара. Сам римский проконсул критически оценивал и состояние римских войск (Cic., Fam., XV, 1, 4,5; Cic., Att., V, 18, 1), и их численность. А. Г. Бокщанин оценивает численность войск Цицерона в 27, 5 тысяч [27, с. 65]. Сходную цифру дает и М.Г. Абрамзон - 27 тыс. [3, с. 305-306]. Римские союзники, кроме царя Дейотара, были или ненадежны, или деморализованы (Cic. Att., V, 20, 3; Fam., XV, 1, 3,6). Численность войск Дейотара составляла 12 тысяч пехоты и 2 тысячи кавалерии [259, р. 34]. Боеспособность отрядов самого Дейотара, единственного значительного союзника римлян (Cic., Fam., XV, 1, 6; 2, 2), оказалась невысокой, так как они не смогли противостоять армии Фарнака II несколько позднее (Caes., Bell. Alex., 40). Следовательно, отказ Артавазда II от вторжения в Каппадокию не мог быть вызван опасениями встретить достойный отпор римлян. На наш взгляд, намерение Артавазда II напасть на римлян было только одним из слухов, которыми обрастала парфянская угроза после битвы при Каррах.

Сообщения Цицерона о действиях Артавазда II, содержащиеся в письмах, свидетельствуют о том, что он был не уверен в реальности армянской угрозы. Цицерон говорил: "... чтобы Артавазд, армянский царь, в каком бы душевном состоянии не был...", -перевод наш (ut Art<a>vasdes, rex Armenius, quocumque animo esset...) (Cic., Fam., XV, 2, 2). Тем самым Цицерон подчеркивал, что информация об агрессивности армянского царя нуждается в проверке.

Уже осенью 51 г. до н. э. Цицерон не опасался армянского вторжения, так как перебросил войска в Киликию (Cic., Fam., III, 8, 10). Ошибочность слухов об агрессивных намерениях Артавазда II можно подтвердить тем, что Цицерон не ссылается на Дейотара - надежнейший источник информации о действиях армянского царя. Единственный случай, когда Цицерон, ссылаясь на сообщение Дейотара, упоминает Артавазда II, касается не армянского, а парфянского вторжения (Cic. Att., V, 21, 2). Вероятно, сообщение о недружественных действиях Артавазда II могли появиться у Цицерона от Антиоха Коммагенского, который занимал двойственную позицию и преувеличивал угрозу, пытаясь оправдать свои собственные поступки (Cic., Fam., XV, 1). Цицерон вынужден был проверить

слухи, но, убедившись в их недостоверности, отказался от защиты Каппадокии.

Анализ писем Цицерона позволяет прийти к следующему выводу. Ни брак дочери армянского царя с парфянским царевичем, ни договор Армении с Парфией не считались основанием для того, чтобы рассматривать Артавазда как безусловного противника Рима. Верный союзник римлян Дейотар нашел возможным просватать своего сына за дочь армянского царя (Cic. Att., V, 21, 2) и не опасался негативной реакции римлян [259, р. 36]. Цицерон, описывая ситуацию в Каппадокии, утверждал, что это государство окружено дружественными Риму царствами, которые, в то же время, опасаются быть врагами парфян (Cic., Fam., XV, 4, 4). Так как Каппадокия из значительных государств граничила только с владениями царя Дейотара, Коммагеной и Великой Арменией, то это высказывание можно с уверенностью отнести и к царству Артавазда II (Caes., Bell. Alex., 67). Изучение эпистолярного наследия Цицерона позволяет сделать вывод о том, что антиримская позиция армянского царя не имеет окончательного подтверждения.

Следовательно, несмотря на союз с Парфией, Артавазд нашел возможность избежать прямого конфликта с римлянами и окончательного разрыва дружественных отношений.

Вспыхнувшая в Риме гражданская война между сторонниками Цезаря и Помпея впервые позволила азиатским государствам вмешаться во внутренние дела римлян. Не только союзные, но и некогда враждебные республике царства направили свои войска в армию Помпея (Eutr., VI, 20, 4; App. Bell. Civ., 2, 49). Интересен тот факт, что парфяне отказались оказать поддержку Помпею и арестовали римского посла Гирра (Dio Cass., XLI, 11, 55; XLII, 2; Caes. Bell. Civ., 3, 82). Но в списке союзников Помпея в битве при Фарсале, содержащемся у Аппиана, присутствуют два армянских контингента с двух берегов Евфрата: "Армян с этой стороны Евфрата привел стратег Таксил, с той стороны Евфрата - Мегабат, наместник царя Артапата", - перевод наш ('Armen...ouj d□ Āge toÝj ™ntÕj EÛfr̥tou strathgÕj Tax...lhj ka^ 'Armen...ouj toÝj Øp□r EÛfr̥thn Megab̥thj, Ūparcoj 'Artap̥tou basilšwj) (App. Bell. Civ.,

2, 71).

Армяне с "этой" (tmntōj) стороны Евфрата могли быть жителями Малой Армении, которая не подчинялась Артавазду II [259, р. 41]. Но Мегабат (Megabathj), наместник царя Артапата, был, по нашему мнению, подданным армянского царя. Имя Артапат ('Artapathj) у Аппиана, скорее всего, искаженное имя царя Великой Армении [286, р. 299, п. 3]. Другим правителем, носившим сходное по звучанию имя, мог быть царь Мидии-Атропатены. Определенное сходство имя царя, упомянутое Аппианом, имеет с именем основателя этого государства - Атропата ('Atropathj). Но для данного периода не зафиксированы правители этой страны не только с именем Артапат, но и Атропат, что было бы более логично [11, с. 36-37]. Также необъяснимо, каким образом у мидийского полководца могли оказаться в подчинении только армяне.

Еще одним свидетельством в пользу предположения об участии армянских войск в римской гражданской войне на стороне Помпея можно считать пассаж Цицерона в письме от 49 г. до н. э.: "Мне... полчища гетов, и армян, и колхов привести к нему [Риму]?" – перевод наш (me... Getarum et Armeniorum et Colchorum copias ad eam adducere?) (Cic. Att. 9,10.3). Вероятно, Цицерон, оправдывая свою пассивность в период гражданской войны нежеланием вести против римлян иноземные армии, упомянул именно те народы, которые уже входили в состав войск Помпея.

Участие войск Артавазда II в битве при Фарсале в то время, когда парфяне отказались помогать Помпею, может служить еще одним подтверждением достаточной самостоятельности армянского царя в своих действиях и его стремления сохранить дружественные контакты с римлянами.

Остался вне внимания исследователей римско-армянских отношений и интересный эпизод правления Юлия Цезаря. Источники не сообщают о том, что армянский вопрос поднимался во время кратковременного присутствия на Востоке Юлия Цезаря, несмотря на активные военные действия в Малой Азии. Нам ничего не известно о попытках Фарнака II привлечь к союзу Артавазда II, а также об участии армянских войск в операциях римлян и их союзников. Умалчивают

источники и о присутствии армянских войск в армии парфян, которая прибыла в Сирию на помощь восставшему против Цезаря Цецилию Бассу [27, с. 78, 83]. Однако в письмах Марка Туллия Цицерона имеется упоминание о решении сената в пользу Армении от 46 г. до н. э. (Cic. Fam., 9, 15, 4). Можно согласиться с высказанным предположением о попытке Цезаря привлечь на свою сторону армянского царя перед началом похода против парфян [254, s. 56]. Действия Цезаря представляются достаточно логичными, так как поход против Парфии планировался именно через территорию Армении (Suet. Caes., 44). Важно и то, что римляне предполагали возможность возобновления союзных отношений с Артаваздом II и не рассматривали Армению как враждебное государство [58, с. 134; 254, s. 56, ann. 196].

По нашему мнению, Цицерон упоминает не только о попытках Цезаря усилить римское влияние в Армении. В письме, написанном с явно саркастической интонацией, утверждается, что в ответ на решение сената, цари прислали письма, "в которых благодарят меня за то, что я в высказанном мною мнении назвал их царями, а я и не знал не только то, что они названы царями, но даже того, что они вообще родились", - перевод В.О. Горенштейна (*quibus mihi gratias agant quod se mea sententia reges appellaverim, quos ego non modo reges appellatos sed omnino natos nesciebam*) (Cic. Fam., 9, 15, 4). Следовательно, мы имеем полное право предположить, что сенатским решением некоторые цари, в том числе и Артавазд II, были признаны царями. Учитывая внешнеполитическую практику римлян, можно утверждать, что речь идет о восстановлении "дружественного союза", разорванного после поражения Красса. Вероятно активизация римско-армянских отношений была связана именно с восстанием Цецилия Басса в Сирии и предполагаемой парфянской помощью мятежнику. В этих условиях римляне нуждались в дружественной позиции Армении, а Артавазд II мог использовать сложившуюся ситуацию для урегулирования отношений с Римом.

Предполагаемое восстановление римско-армянского союза может объяснить и стремление Цезаря наступать против Парфии именно через Армению. В противном случае, речь должна была идти не о парфянском походе, а о походе

против Парфии и Армении. Таким образом, вплоть до 44 г. до н. э. римско-армянские отношения нельзя называть враждебными, дружественные отношения были, очевидно, восстановлены, и изменение ситуации зависело уже от стремительно меняющейся обстановки в Риме.

Очередная гражданская война в Риме, начавшаяся после смерти Цезаря, привела к более активному вмешательству азиатских монархов в события в восточных провинциях Рима. Парфяне решили активизировать свои действия и пришли на помощь сторонникам Республики. Наиболее спорным является вопрос об участии армянских отрядов в походе Квинта Лабиена и царевича Пакора в Сирию и Палестину в 40 г. до н. э. Античные источники не сообщают об армянских войсках во время парфянских походов 41-40 гг. до н. э. (Dio Cass., XLVIII, 24-26; Jos. Flav. Ant., XIV, 13, 3-9; Bell. Jud., I, 13, 1-8; Vell. Pat., II, 78; Plut. Ant., 28; Liv. Epit., 126; Strabo, XIV, 2, 24; Just., XLII, 4, 8-10; Flor., II, 19).

На основании косвенных сообщений армянских источников некоторые исследователи делают вывод о присутствии отрядов из Армении в составе армии Пакора [66, с. 52; 67, с. 393, прим. 11; 98, с. 84; 144, с. 54-60]. В "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци утверждается, что во время похода армий Тиграна II в Сирию и Палестину был пленен иудейский первосвященник Гиркан II (Moses. Chor., II, 19; 24). Но это противоречит сообщению Иосифа Флавия, который приписывал захват Гиркана парфянам и относил эти события к 40 г. до н. э., то есть через 15 лет после смерти Тиграна II (Jos. Flav. Ant., XIV, 13, 3-10; Bell. Jud., I, 13, 1-8). Так как доказано, что Мовсес Хоренаци был знаком с трудами Иосифа Флавия, он, вероятно, искажил истинный смысл событий, и его сообщение считается спорным [179, с. 65].

Однако и в труде Фавста Бузанда, другого армянского историка V в., говорится о захвате Гиркана Тиграном II (Faust, IV, 55). На этом основании Я.А. Манандян предположил, что армяне действительно захватили пленных в Иудее во время похода Пакора в 40-м г. до н. э., то есть при Артавазде II [98, с. 84]. К этому предположению присоединились некоторые исследователи, но в большинстве работ эта гипотеза не рассматривалась [66, с. 52; 67, с. 393, прим. 11;

144, 54-60; 241, р. 225]. Необходимо заметить, что участие войск Артавазда II в походе Пакора не может быть с полной уверенностью ни подтверждено, ни опровергнуто на основании имеющихся источников [40, с. 118, прим. 55]. Для нас важен другой аспект этой проблемы. Даже если Артавазд II участвовал в походе, это прошло незамеченным для римлян и не могло привести к осложнению отношений между государствами. Вполне вероятно, что армяне не участвовали в последующих операциях парфян в Сирии, в ходе которых погиб Пакор.

Как парфянский союзник, Артавазд II должен был поддерживать парфян в их конфронтации с Римом. Но проведенный анализ событий 50-40-х гг. до н. э. не позволяет согласиться с утверждением А.М. Акопяна о тесном союзе Армении и Парфии и о полном разрыве с римлянами [7, с. 85]. Артавазд II не мог выступить открыто против превосходящих его парфян, но и не стремился к обострению отношений с Римом. Невозможно отрицать, что в указанный период Армения оказалась более тесно связана с Парфией, но масштабы этих связей нельзя преувеличивать. Рост числа монет Орода II, в первую очередь медных, не может быть подтверждением более тесных отношений с парфянами [7, с. 85], так как монеты Фраата IV представлены в Закавказье значительно слабее, а с ним отношения у армян были более стабильными [39, с. 75]. Сохранялись между Арменией и Парфией и политические противоречия, нашедшие свое отражение в вопросе о титуле "царь царей". Кроме того, земли, на которые могли претендовать армяне, удерживались парфянами или их союзниками. Неясно, какие земли, как это утверждалось А.Г. Бокщаниным, мог получить Артавазд II от Орода II [27, с. 60]. И Мидия-Атропатена, и Месопотамия оставались в руках парфян во время похода Антония (Dio Cass., XLIX, 24, 1). Неизвестна даже судьба "семидесяти долин", которые были предметом спора Тиграна II и Митридата II, и могли находиться в составе Мидии-Атропатены [11, с. 81].

По нашему мнению, Артавазд II смог избежать открытого конфликта с римлянами, которые в 50-е гг. до н. э. не без оснований подозревали армянского царя в антиримских настроениях [212, р. 72]. Но впоследствии армянская угроза, очевидно, не рассматривалась в Риме как реально существующая. Позиция

армянского царя в период разрыва отношений с Римом действительно может быть охарактеризована как нейтралитет [41, с. 138; 47, с. 209; 180, с. 48]. Отказавшись от противостояния с римлянами, Артавазд II сохранил возможность восстановления с ними союза.

Изменение ситуации на Востоке к концу 50-х гг. до н. э. уже не позволяло армянам надеяться на равное сотрудничество с любой из сторон. Но признание римской гегемонии, не отягощенной выплатой дани, должно было быть для них более приемлемым [206, р. 65-66], чем власть Парфии. Кроме того, Артавазд II должен был поддерживать отношения с Римом по тем же причинам, что и Тигран II. Парфия представляла реальную угрозу для Армении, в то время как римляне после окончания войны с Тиграном II на армянские земли не претендовали. Союз с Римом позволил бы армянскому царю увеличить свои владения в Месопотамии, как показали события 60-х гг. до н. э. Союз же с Парфией не только не мог привести к возврату Армении сирийских владений, но и лишал Артавазда II надежды на присоединение территорий в Северной Месопотамии и Мидии-Атропатене.

3. 3. Армения в восточной политике Марка Антония.

Ситуация в Азии коренным образом изменилась с передачей Марку Антонию управления восточными провинциями Рима. Антоний намеревался выполнить план Цезаря и сокрушить Парфию [79, с. 81; 125, с. 111]. Задуманный Марком Антонием грандиозный поход требовал не только концентрации римских сил на Востоке, но и активного участия всех реальных и потенциальных римских союзников в Азии. Поражение римских легионов в борьбе с парфянской конницей на равнинах Месопотамии сделало более перспективным северный горный маршрут продвижения римских войск в пределы Парфянского царства [27, с. 109-110; 105, с. 267; 113, с. 273; 150, с. 115; 246, с. 73; 286, р. 307; 300, р. 42]. Именно

такой путь предлагал в свое время Марку Лицинию Крассу Артавазд II, и, вероятно, обдумывал Юлий Цезарь (Suet. Caes., 44, 3). Так как этот маршрут проходил большей частью по территории Армении, роль бывшего союзника в планах Марка Антония была исключительно важной [41, с. 138; 159, с. 114]. Естественно, что начиная войну с парфянами, Марк Антоний должен был обеспечить, по крайней мере, лояльность царя Артавазда II.

Поэтому еще в 37 году до н. э. полководец триумвира Публий Канидий Красс был направлен на Кавказ с 4 легионами (Plut. Ant., 34; Dio Cass, XLIX, 24, 1). Артавазд II Армянский не только восстановил союзные отношения с Римом, но стал главным советником Марка Антония в парфянской кампании (Plut. Ant., 35; Dio Cass., XLIX, 25,1; Strabo, XI, 14, 9). Окончив подготовительные мероприятия в 36 г. до н. э., римляне спешно выступили в поход, оставив медленно движущийся обоз под охраной двух легионов и войск союзников (Plut. Ant., 38; Dio Cass., XLIX, 25,2). Несмотря на большие надежды, которые Марк Антоний возлагал на армянскую кавалерию [300, р. 42], позади основных сил римлян оказалась и армия Артавазда II (Plut. Ant., 50).

Войска Марка Антония беспрепятственно проникли из Армении в пределы Мидии-Атропатены и приступили к продолжительной осаде атропатенской столицы Фрааспы (Dio Cass., XLIX, 25, 3). На этом успешное развитие похода было прервано. Неожиданно из Месопотамии вернулись парфянские войска, которые, однако, не спешили спасти осажденный город (Dio Cass., XLIX, 25, 3). Блестящий маневр Фраата IV привел к выходу парфянской конницы в тыл армии Марка Антония и разгрому римского обоза и двух легионов под командованием Оппия Статиана (Dio Cass., XLIX, 25, 3; Plut. Ant., 38). После этих событий армянский царь отказался от продолжения похода и вернулся в собственное царство вместе с армией. Римляне не смогли вынудить парфян вступить в крупное сражение, не смогли они и взять Фрааспу. Войска Антония вынуждены были отступить в Армению, отражая атаки парфянской конницы и неся значительные потери. Поход в Парфию лишил римлян почти половины армии (Flor, II, 32, 4, 12;

Vell. Pat., II, 82, 3) и стал одним из самых значительных поражений в истории Республики в I в. до н. э. [27, с. 115-116; 125, с. 112; 150, с. 118; 252, р. 437].

По мнению большинства античных авторов, одной из причин неудач Марка Антония стал отказ Артавазда II от участия в операции, который лишил римлян конницы (Dio Cass., XLIX, 25, 5; Plut. Ant., 38). В 34 г. до н. э. Марк Антоний предпринял новый поход, но уже в Армению для наказания Артавазда II. Квинт Деллий был послан в Арташат с просьбой выдать дочь Артавазда II за сына Марка Антония, чем, по-видимому, должен был усыпить бдительность царя (Dio Cass., XLIX, 39, 2). В начале весны 34 г. до н. э. Марк Антоний сам двинулся в Армению через Никополь и вынудил Артавазда II выйти из города (Dio Cass., XLIX, 39, 3-4). После чего царь Армении был арестован, а царство разграблено (Dio Cass., XLIX, 39, 5; Plut. Ant., 50; Liv. Epit., 131). Захватили римляне и царскую семью, кроме старшего сына Арташеса, который поднял восстание и после его поражения бежал в Парфию (Dio Cass., XLIX, 40, 1). Артавазда II провели по улицам Александрии в триумфе Марка Антония и впоследствии убили по приказу Клеопатры (Dio Cass., XLIX, 40, 3-4; Plut. Ant., 50). Армения была оккупирована римскими войсками, а царем Армении был объявлен сын Марка Антония (Dio Cass., XLIX, 41, 3; Plut. Ant., 54).

Таким образом, итогом возобновления римско-армянского союза явилась ликвидация Армянского царства. Большинство исследователей видят причины неудачи римско-армянского альянса или в действиях Артавазда II, или в непродуманной политике римского полководца [11, с. 94; 79, с. 83; 113, с. 227; 125, с. 119; 150, с. 119; 158, с. 247; 221, р. 126; 246, s. 85]. Однако выяснение причин конфликта между Антонием и Артаваздом II требует анализа всего спектра римско-армянских отношений в 37-34 г. до н. э.

В первую очередь, необходимо упомянуть об особенностях источников, описывающих интересующие нас события. Наиболее важная информация содержится в произведениях Плутарха, Диона Кассия и Страбона. Характерной чертой всех этих источников является негативное отношение к Артавазду II. Если Плутарх и Дион Кассий считают Артавазда одним из виновников катастрофы

Антония, то Страбона отличает резко отрицательная оценка армянского царя, которого он открыто обвиняет в измене [152, с. 264]. Вероятно, обвинения в адрес Артавазда II содержались в воспоминаниях легата Марка Антония Квинта Деллия, труд которого лег в основу многих источников [113, с. 276; 158, с. 228; 221, р. 358; 286, р. 309]. Соратник Антония, автор официального описания парфянского похода, очевидно, объяснял неудачу римлян изменой армянского царя. Подобный субъективный подход древних авторов не только сказался на позиции многих современных исследователей, но и значительно затруднил анализ взаимоотношений Артавазда II и Антония.

Процесс восстановления римско-армянского союза по-разному описывается в источниках. Согласно краткому замечанию Плутарха, Армения, Албания и Иберия были завоеваны римлянами (Plut. Ant., 34). Тем не менее, Дион Кассий, подробно описавший подчинение албанского и иберийского царей, умалчивает о сопротивлении Артавазда II. Так как упоминание о войне с Арменией, значительно более сильного государства, чем Албания и Иберия, должно было бы сохраниться у Диона Кассия, очевидно, что Публию Канидию не пришлось сражаться с армянами (Dio Cass, XLIX, 24, 1).

Большинство исследователей, соглашаясь с мирным характером подчинения армянского царя, утверждают, что Артавазд II был вынужден уступить силе римского оружия, осознав безнадежность сопротивления [14, с. 157; 27, с. 119; 55, с. 216; 105, с. 267; 150, с. 116; 158, с. 242; 159, с. 108; 171, с. 296; 180, с. 47; 221, р. 122; 286, р. 307; 295, р. 72]. Однако восстановление Артаваздом II союза с Римом нельзя трактовать только как вынужденный шаг царя. Четыре легиона, приведенные Публием Канидием, были не столь значительной силой для подчинения Армении, ведь уже в следующем году Артавазд II предоставил Марку Антонию минимум 6 тысяч тяжеловооруженных всадников (Plut. Ant. 37) и 7 тысяч пехоты [27, с. 109; 41, с. 137]. А некоторые специалисты полагают, что армянский контингент составлял 7 тысяч пехоты и 16 тысяч конницы [159, с. 122-124]. Новая политическая ситуация, сложившаяся в Передней Азии, не позволяет

проводить и прямые аналогии с действиями Тиграна II в 66 году до н. э., когда армянский царь без сопротивления подчинился Помпею [286, р. 307].

Во-первых, Помпей имел в своем распоряжении значительно больше сил, чем Публий Канидий. Во-вторых, положение Тиграна II в условиях парфянской угрозы и мятежа Тиграна Младшего было менее прочным, чем Артавазда II. Кроме того, Артавазд II мог надеяться на помощь союзной Парфии, а ореол непобедимости римских легионов померк после поражения Красса и парфянских рейдов вглубь азиатских владений Рима. Авторитет римского оружия не смог полностью восстановить и Публий Вентидий Басс, разбивший армии парфянского царевича Пакора и Лабиена в 39-38 гг. до н. э. Даже менее значительные, чем армянский царь, восточные монархи оказывали римлянам упорное сопротивление, как, например, Антиох Коммагенский, Фарасман Иберийский и Зовир Албанский (Dio Cass., XLIX, 22, 1; 24, 1; Plut. Ant., 34). Следует полагать, что угроза применения силы не могла оказать решающего влияния на подчинение Артавазда II римлянам.

В то же время, как уже говорилось выше, армяно-парфянский союз, возникший в 53 г. до н. э., не может считаться добровольным для Армении. На протяжении 16 лет армянский царь избегал, и достаточно успешно, открытых столкновений с римлянами, демонстрируя независимость во внешней политике. К тому же, избиевание новым парфянским царем Фраатом IV всех царских родственников, среди которых могли быть и представители армянского правящего дома, не добавило прочности армяно-парфянскому альянсу [105, 267; 180, с. 47]. Ситуация в Риме не позволяла римлянам надеяться на оккупацию Парфии, и логично было предположить, что часть земель парфян будет передана сторонникам Рима [150, с. 117]. Союз с Римом открывал перед Артаваздом II перспективу присоединения захваченных парфянами территорий, например, Мидии-Атропатены (Dio Cass., XLIX, 25, 1). Поход Антония позволил бы ослабить давнего и опасного соперника - Парфию [286, р. 312]. Поэтому Артавазд II должен был сознательно пойти на восстановление союза с Римом.

На добровольность действий армянского царя указывает и доверие, оказанное ему Марком Антонием (Strabo, XI, 13, 4). Артавазд II Армянский не только стал главным советником Марка Антония, но и предоставил в распоряжение римлян наибольшее количество союзных войск (Plut. Ant., 35; Dio Cass., XLIX, 25,1; Strabo, XI, 14, 9). Следовательно, римляне видели в Артавазде II не столько вынужденного перебежчика, сколько заинтересованного союзника. Поэтому еще более поразителен тот факт, что Артавазд II с войском оказался позади основных сил Антония, устремившихся в Мидию-Атропатену.

Анализируя сложившуюся ситуацию, необходимо отвергнуть предположение, что Марк Антоний отказался от использования армянской армии из-за недоверия к Артавазду II [295, р. 72]. Во-первых, у Марка Антония не было веских причин подозревать Артавазда II в неискренности. Во-вторых, было бы более логично удерживать ненадежного союзника подле себя, чем оставлять его в тылу. В-третьих, хотя источники действительно склонны возлагать немалую долю вины за общее поражение римлян именно на Артавазда II, ни один из них не упоминает о ненадежности армянских войск до разгрома римского обоза [158, с. 228].

По мнению А. Шервин-Уайта, армия Артавазда II играла меньшую роль в планах Антония, чем это утверждают источники и предполагают некоторые исследователи [286, р. 311-314; ср. 295, р. 72]. Следовательно, ее присутствие в составе основных сил могло быть необязательным. Однако армянская конница, даже тяжелая, была бы более эффективна в условиях стремительного наступления римских легионов, чем в охране обоза.

Отсутствие армянских войск в составе армии Марка Антония объясняют возвращением Артавазда II за подкреплениями в столицу Армении Арташат [159, с. 125; 246, с. 83-84]. По мнению Кромайера, чья версия остается общепризнанной, смотр войск Марка Антония проходил возле Карана (Каринское плоскогорье, Эрзерум). На встречу с римлянами Артавазд II прибыл без войска и вынужден был вернуться за ним в Арташат, в то время как Марк Антоний с основными силами двинулся в Мидию-Атропатену по короткой дороге, через современный Баязет,

минуя Араратскую долину [246, s. 84; ср. 95, с. 262]. С.Г. Тер-Исраэлян, в целом принимая гипотезу И. Кромайера, ссылаясь на Плутарха, убедительно доказывает, что Артавазд II не мог прибыть в Каран без армии [158, с. 211; 159, с. 125-127]. По утверждению исследователя, армянский царь был вынужден вернуться в столицу по требованию Марка Антония за дополнительнымидесятью тысячами конницы [159, с. 127].

Приведенные выше предположения, доминирующие в современной историографии, были частично опровергнуты в научной литературе [286, р. 311-312]. Однако решение проблемы, на наш взгляд, еще далеко от завершения. Гипотеза о возвращении армянского царя в столицу строится на допущении, что не только Артавазд II, но и римский обоз двигался по обходному пути через Арташат, так как короткая южная дорога была непроходима для громадных осадных орудий [98, с. 60]. Но в источниках нет ни единого упоминания о раздельном маршруте легионов Марка Антония и обоза [286, р. 312]. Кроме того, Страбон точно указывает длину пути, пройденного Антонием от Зевгмы до границ Мидии-Атропатены, - 8000 стадий (Strabo, XVI, 13, 4). По подсчетам Кромайера, расстояние от Зевгмы до границ Атропатены через Арташат составляет 8144 стадия, то есть расхождение с данными Страбона незначительное - 27 километров [246, s. 77-79].

Следовательно, источник ясно указывает на движение римской армии дорогой через Арташат. И если краткий путь был для обоза непреодолим, то вся римская армия должна была двигаться маршрутом: Каран - Арташат - Фрааспа, единственно проходимым для осадных орудий. В этом случае, и наиболее аргументированная версия С.Г. Тер-Исраэляна не объясняет отставания Артавазда II от Марка Антония. Даже возвращаясь за дополнительной конницей в Арташат, Артавазд следовал вместе с Антонием.

Кроме того, предлагаемое место смотра армий Марка Антония - Каринское плоскогорье - действительно допускающее движение в Мидию-Атропотену в обход Арташата, установлено только предположительно, поскольку в источниках нет точного указания на место сбора войск [286, р. 311]. У Плутарха указывается

только страна, в которой проходил сбор – Армения (Plut. Ant., 37). По мнению большинства исследователей, район Карана наиболее удобен для сбора и войск Марка Антония, и легионов Публия Канидия Красса, и малоазиатских царей-союзников римлян [27, с. 109; 158, с. 211; 246, s. 77-79; 280, p. 23]. Но как верно замечает А. Шервин-Уайт, для встречи с Публием Канидием Крассом и Артаваздом II не менее удобна местность около Арташата [286, p. 311]. Союзные монархи сопровождали обоз и, в любом случае, оказывались в Арташате.

Наиболее веским аргументом в пользу локализации места сбора войск в Каране является утверждение Плутарха, что Марк Антоний в своем движении в Мидию-Атропатену оставил Армению слева - $\phi\lambda\lambda' e\ddot{U}q\acute{Y}j \tilde{A}gen^{TM}n \phi rister' lab\ddot{e}n$ 'Armen...an (Plut. Ant., 38). Действительно, из Западной Армении существует путь в Мидию-Атропатену, минуя Арабатскую долину. Однако даже эта дорога не оставляет Армению слева ($^{TM}n \phi rister'$) в полном смысле этого слова. Легионы Марка Антония могли двигаться по маршруту: Харан - Баязет - Мидия - Атропатена, как предполагало большинство ученых [11, с. 92; 41, с. 141; 95, с. 262; 246, s. 84], или по дороге: Харан - Хой - Мидия - Атропатена, по версии армянских историков [158, с. 214-215]. В любом случае, римляне проходили по территории Армянского царства (Strabo, XI, 14, 1). Поэтому Кромайер и утверждает, что во время своего похода по короткой дороге, римляне оставили слева не собственно Армению, а ее наиболее заселенные земли - долину Аракса [246, s. 84]. Но если предположить, что Антоний отправился в Мидию-Атропатену из Арташата по маршруту - Арташат - Ордспу - Хой - Фрааспа, то и в этом случае густонаселенные районы Армении оказываются слева [280, p. 159-164; 286, p. 312].

По нашему мнению, высказывание Плутарха не стоит понимать буквально и, следовательно, использовать для определения места сбора. Но в этом случае Арташат, как показано выше, кажется более предпочтительным, чем Каран, местом смотра войска, и отставание Артавазда II не может быть объяснено возвращением в собственную столицу.

Если согласиться с тем, что Артавазд II и Марк Антоний двигались в Армению по одной дороге, то необходимо вновь выяснить причины отсутствия армянских войск в числе основных сил Марка Антония. Ведь даже приняв версию С.Г. Тер-Исраеляна, мы все же не сможем ответить на вопрос: почему Антоний отказался, пусть даже временно, от услуг ближайшего советника и проводника? Было ли необходимо личное присутствие царя в Арташате для набора дополнительных отрядов конницы?

По нашему мнению, причины отсутствия Артавазда II в армии Марка Антония могут иметь не столько объективный, сколько субъективный характер. Действия Марка Антония, а именно стремительный марш к Фрааспе, столице Мидии-Атропатены, отказ от осадных орудий свидетельствуют только о том, что римский полководец не собирался штурмовать город [11, с. 93; 158, с. 216; 246, с. 102; 286, р. 315]. В то же время, Марк Антоний не намеревался обойти укрепленную столицу царства, что подтверждается упорным и безрезультатным штурмом Фрааспы [41, с. 142; 286, р. 315]. Не мог рассчитывать Марк Антоний и на внезапность удара, ведь после смотра в Армении слух о походе разнесся по всей Азии (Plut. Ant., 38). Даже если последнее утверждение является вымыслом Плутарха, и смотр удалось сохранить в тайне, Марк Антоний не мог надеяться, что после его демонстративного похода к Зевгме, парфяне и мидийцы сомневались в целях его предприятия [158, с. 225]. Логично предположить, что Марк Антоний ожидал добровольной сдачи Фрааспы [48, с. 356].

Династическая борьба в Парфянском царстве могла стать основанием для подобных надежд, так как достаточно жесткая политика Фраата IV могла оттолкнуть от него не только часть парфянской знати, но и зависимых царей [150, с. 116]. Вероятно, изменилось отношение к Парфии и Артавазда Атропатенского. Наше предположение основывается на сообщении Диона Кассия (Dio Cass., LIX, 25, 1). Однако рассказ античного историка о походе не содержит, вопреки мнению некоторых исследователей [11, с. 91; 27, с. 108], прямого указания на союз Марка Антония и царя Мидии - Атропатены.

В источнике, в то же время, утверждается, что Артавазд II Армянский упорно настраивал Марка Антония против Артавазда Атропатенского, советуя напасть на царство последнего. Объяснима заинтересованность армянского царя в походе именно против Мидии-Атропатены [260, р. 110]. Однако, на наш взгляд, убеждать римского полководца в важности удара по Артавазду Атропатенскому не было необходимости. Для наступления на Парфию нападение на Мидию-Атропатену было неизбежно, и Антоний должен был сам это понимать [300, р. 42].

Не будет ли более вероятным предположение, что Артавазд II Армянский пытался опорочить своего конкурента именно потому, что Антоний надеялся на мирное подчинение Мидии - Атропатены? Возможный союз Мидии-Атропатены с Римом мог нарушить планы Артавазда II по восстановлению армянского влияния в соседнем царстве. В этом случае объяснимо отсутствие армянских войск в авангарде армии Марка Антония. В I в. до н. э. Мидия-Атропатена часто становилась объектом агрессии со стороны Армении [11, с. 82-83; 113, с. 273]. И в описываемый период армяно-атропатенские отношения оставались напряженными [11, с. 92], сохранялись претензии армян на атропатенские территории (Strabo, XI, 13, 2). Армянский историк Мовсес Хоренаци вообще считал, что во времена Марка Антония Атропатена была подвластна Армении (Moses. Chor., I, 22). Поэтому вступление армянских войск в Фрааспу могло быть воспринято в Атропатене негативно, что, по нашему мнению, и обусловило отсутствие армянской конницы в составе основных сил римлян. Марк Антоний мог, как нам кажется, приостановить движение армии Артавазда II на пути в Мидию-Атропатену для беспрепятственного заключения союза с Артаваздом Атропатенским.

В любом случае, отказ римлян от активного использования войск Артавазда II оказался на руку парфянам. Умело использовав разобщенность римских сил, они смогли сорвать планы Марка Антония. Большинство источников обвиняют в поражении Марка Антония именно армянского царя, так как Артавазд II после уничтожения парфянами римского обоза вернулся с войсками в Армению (Dio Cass., XLIX, 25, 5; Plut. Ant., 39; 50; Strabo, XI, 13, 4). Современные исследователи, отвергая, как правило, версию Страбона об измене царя, обычно

соглашаются с Плутархом, что Артавазд II разуверился в силе римлян и отказался участвовать в походе [41, с.143.; 47, с. 201; 95 с. 265; 150, с. 199; 246, s. 85; 286, s. 314; ср.: 11, с. 94; 27, с. 119; 48, с. 357; 79, с. 83; 171, с. 294; 221, p. 125-126].

Подробный анализ причин возвращения армянской конницы провел С.Г. Тер-Исраелян и пришел к выводу, что поступок Артавазда II был обусловлен достаточно вескими объективными причинами [158, с. 237-241]. По мнению исследователя, парфяне отрезали армию Артавазда II от римских сил, и армянскому царю ничего не оставалось делать, как вернуться в собственное царство. Но этот вывод можно дополнить. Артавазд II был участником событий 53 г. до н. э., когда парфянский царь Ород, вместо того, чтобы всеми силами противостоять легионам Марка Красса, оставил против римлян полководца Сурену, а сам оккупировал дружественную римлянам Армению, принудив царство к сдаче (Dio Cass., XLIX, 16, 2; Plut. Crass, 21, 5). Ничто не препятствовало парфянам повторить этот маневр, тем более в отсутствие основных сил армян. Итогом подобного развития событий стала бы катастрофа, еще более впечатляющая, чем тяжелое отступление легионов Марка Антония. Завоевав Армению, парфяне окружили бы все римские и армянские войска. Напомним, что зимнее отступление римской армии по союзной Армении привело к гибели нескольких тысяч солдат от холода и болезней (Dio Cass., XLIX, 31, 1; Plut. Ant., 51), и можно себе представить масштабы потерь римлян в случае движения по стране с боями. Следовательно, возвращаясь в свое царство, Артавазд II не только спасал свою армию, но и обеспечивал Марку Антонию путь для отступления. И действительно, худшие опасения римлян, что парфяне нанесут удар по легионам, переправляющимся через Аракс (армяно-атропатенскую границу), не оправдались, и в пределах Армении нападения парфян прекратились (Plut. Ant., 49).

Кроме того, Марк Антоний не воспользовался прекрасной возможностью свалить вину за провал операции на царя и компенсировать солдатам трудности перехода богатой добычей из Армении [55, с. 217]. Лишь Т. Моммзен считал, что Антоний обвинил Артавазда II еще в Армении [113, с. 276; 260, p. 110]. Римляне спешно покинули царство, неся большие потери при переходе через горы (Plut.

Ant., 51). Таким образом, на основании сообщений источников невозможно сделать вывод о том, что действия армянского царя должны были вызвать недовольство римлян.

Обвинение армян в провале кампании 36 г. до н. э. возникло, по мнению С.Г. Тер-Исраеляна, уже после завоевания Армении в 34 г. до н. э. [158, с. 246-247]. Этим обвинением римляне, по мнению исследователя, пытались оправдать свои варварские действия в союзном царстве. Однако, если до 34 г. до н. э. упреков в предательстве еще не было, то почему Артавазд II старательно избегал встречи с Марком Антонием в 35 г. до н. э.? На наш взгляд, Марк Антоний, объясняя большие потери, мог использовать версию об измене Артавазда II непосредственно после окончания парфянского похода 36 г. до н. э. Это подтверждается сообщением Аппиана о желании Секста Помпея бежать именно в Армению в это же время (App. Bell. Civ., 5, 133). Но если и существовали подобные обвинения, они должны были оставаться только декларацией. Марк Антоний не мог пойти на разрыв с важнейшим союзником в Азии в условиях подготовки нового похода в Парфию.

Определенную роль в ухудшении отношений между Антонием и Артаваздом II сыграл и Октавиан, который вступил в тайную переписку с армянским царем (Dio Cass., XLIX, 41, 5). Октавиан пытался настроить Артавазда II против Антония, и это негативно влияло на отношения между бывшими союзниками [180, с. 48; 221, р. 134]. Следовательно, версия об измене царя Армении должна была появиться до похода 34 г. до н. э. Воспользоваться обвинениями в адрес армянского царя Антоний смог только после изменения ситуации на Востоке.

В 35 г. до н. э. от имени царя Мидии - Атропатены к Марку Антонию прибыл царь Полемон, захваченный в плен при разгроме римского обоза. Артавазд Атропатенский разорвал союзные отношения с Фраатом IV и искал союза с римлянами (Dio Cass., XLIX, 33, 1; Plut. Ant., 52). С появлением нового союзника роль Армении в планах Марка Антония уменьшилась. Возникла возможность, захватив Армению, восстановить изрядно пошатнувшийся авторитет полководца

[27, с. 118]. Обвинение Артавазда II в провале парфянского похода стало формальной причиной оккупации Армении.

Большинство исследователей соглашались с тем, что арест армянского царя был продиктован не стремлением уничтожить потенциального предателя, а желанием оправдать собственные промахи [27, с. 119; 113, с. 227; 158, с. 247; 221, р. 321]. Даже это предположение не объясняет того, что случилось с царством. Дело в том, что разгром Армении в 34 г. до н. э. привел к ликвидации независимости армянского царства [79, с. 83]. Ярким подтверждением этому является прекращение чеканки монет в Армении [117, с. 140]. На территории Армении не была образована римская провинция, но часть земель была передана Артавазду Атропатенскому (Dio Cass., XLIX, 41; 44; Plut. Ant., 54), и новым царем Армении был объявлен сын Антония [11, с. 99].

Судьба Армении была беспрецедентна для восточной политики Рима. Ни одно царство, равное по силе Армении, не было ликвидировано в течение римской гегемонии на Востоке без достаточного основания. Даже Антиох Коммагенский, открыто боровшийся с Антонием, сохранил свои владения (Dio Cass., XLIX, 22; Plut. Ant., 38).

В то же время, действиям Антония можно найти рациональное объяснение. Очевидно, что обвинив в провале парфянского похода Артавазда II Армянского, Марк Антоний, хоть и запоздало, но восстанавливал свой авторитет полководца, а ограбив страну, значительно пополнил казну. В пропагандистских целях необходим был и триумф, для которого второй по значению монарх Азии казался подходящей фигурой. На этом этапе действия Марка Антония не выходили за рамки римской внешнеполитической практики конца Республики. Артавазд был далеко не первым союзным монархом, лишенным престола и даже казненным.

Но наказание непокорного царя не требовало ликвидации самого союзного царства. Римляне могли, сохраняя верность внешнеполитическим традициям, передать царство лояльному правителю. Напротив, уничтожение Армении создавало бы новые сложности и для самого Марка Антония, и для римского государства в целом. Невозможно согласиться с утверждением В.Н. Парфенова,

что присоединение Армении позволяло римлянам использовать армянскую конницу [125, с. 119]. В действительности Рим лишился помощи армян. Во-первых, римские легионы оказались бы во враждебном окружении. Во-вторых, Марк Антоний лишался возможности использовать союзные армянские войска. В-третьих, если парфяне до 34 г. до н. э. не делали попыток овладеть Арменией, то теперь они получили возможность вмешиваться в армянские дела. Даже если предположить, что захват Армении был спровоцирован сопротивлением армян, меры, предпринятые Антонием, выглядят неадекватно. К тому же, Дион Кассий сообщает, что с римлянами сражалось далеко не все население Армении (Dio Cass., XLIX, 40, 1). Не мог Марк Антоний, основываясь только на явно надуманном обвинении Артавазда II, поставить под удар всю восточную политику Рима. В.Н. Парфенов указывает, вслед за Кромайером, что действия Антония были продиктованы требованиями Клеопатры. Но это касается общей политики триумвира, а не непосредственно Армении [125, с. 117].

Единственное, на наш взгляд, логичное объяснение поступков Марка Антония заключается в том, что он пытался укрепить союз с Артаваздом Атропатенским. Именно Артавазд Атропатенский получил часть земель Армении (Dio Cass., XLIX, 44, 2). Учитывая давние противоречия между Арменией и Мидией - Атропатеной, Марк Антоний должен был сделать выбор в пользу царства, занимавшего более выгодное стратегическое положение [125, с. 119]. Косвенным подтверждением напряженных отношений между царями Армении и Атропатены может быть упоминание Дионом Кассием об отправке головы казнённого Артавазда II именно Артавазду Атропатенскому (Dio Cass., XLIX, 44).

Логично предположить, что между армянским и атропатенским царями существовали непреодолимые противоречия, которые могли быть разрешены только поражением одного из них. В этом случае союз с Мидией - Атропатеной в глазах Марка Антония был более важен, так как именно это царство, а не Армения, являлось наиболее удобным плацдармом для наступления на Парфию. Мидия-Атропатена прикрывала границы Армении и, следовательно, римские легионы не испытывали постоянной угрозы. Атропатенская конница, сходная с армянской

(Strabo., XI, 13, 1-3), становилась основой вспомогательных войск [125, с. 119; 171, с. 298]. Если принять предлагаемую версию, то шаги, предпринятые Марком Антонием, кажутся более оправданными. Ликвидация армянского царства, как уступка царю Мидии-Атропатены, была не слишком высокой ценой для полководца, политическая карьера которого зависела от успеха в новом парфянском походе.

Ошибка Марка Антония заключалась в том, что он не смог предвидеть стремительное развитие конфликта с Октавианом. Лишенная поддержки римских легионов, Мидия-Атропатена не могла противостоять объединенным армяно-парфянским силам. Не менее важным последствием политики Марка Антония на Востоке явилось усиление парфянского влияния в Армянском царстве.

Таким образом, развитие римско-армянских отношений в течение 50-30 гг. до н. э. привело к значительному ухудшению положения Армении. Вопреки стремлению армянского царя укрепить римско-армянский союз, римляне, в лице двух полководцев, нанесли значительный урон отношениям между двумя государствами. Артавазд II был одним из немногих союзников римлян, который имел объективные причины поддерживать Рим в период похода Красса. Но ошибочная стратегия триумвира привела к переходу Армении под парфянский контроль. Несмотря на это, армянский царь смог избежать открытого противостояния с бывшим союзником и поддержал Антония в его рискованном предприятии.

Действия Артавазда II ясно демонстрировали его стремление сохранить дружественные отношения с Римом, союз с которым был единственной гарантией противостояния парфянской агрессии. Но провал в 36 г. до н. э. похода Антония не позволил Армении сохранить проримскую ориентацию. Влияние Парфии значительно усилилось, и впервые существование армянской государственности оказалось связано с парфянской помощью. Именно после провала близорукой политики Антония начинается постепенное возвращение Армении в сферу парфянского влияния. Попытки Тиграна II и Артавазда II использовать могущество римлян для борьбы с Парфией оказались неудачными, и в дальнейшем

Армения становится "яблоком раздора" между Римом и парфянами. Следовательно, именно в рассматриваемый период начинает складываться новый статус Великой Армении, который в течение нескольких столетий оказывал негативное влияние на развитие армянского государства.

ГЛАВА 4

РИМСКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ АВГУСТЕ

(30 Г. I В. ДО Н.Э. – 14 Г. I В. Н.Э.)

В 31 г. до н. э. завершился период гражданских войн в Риме, и Октавиан Август приступил к восстановлению римского влияния в соседних странах. Именно при Августе завершился процесс формирования Римской мировой державы. По крайней мере, восточные границы Империи, установленные при Августе, в течение I в. н. э. практически не изменились. В первую очередь, Октавиан вынужден был исправлять ошибки, совершенные его предшественником - Марком Антонием. Непродуманные действия последнего не только привели к окончательному разрыву отношений с Парфией, но и лишили римлян гегемонии в Армении. Связанный многочисленными внутренними проблемами, Октавиан должен был найти способы восстановить римское влияние на Востоке, особенно в Армении, которая после разгрома 34 г. до н. э. вынуждена была пойти на союз с Парфией и потеряла возможность проводить самостоятельную политику.

4. 1. Восстановление римского влияния в Армении

(20-е гг. I в. до н. э.).

В начале своего правления Август столкнулся с антиримским союзом Армении и Парфии. Причиной возникновения этого союза была непродуманная политика предыдущих римских полководцев, в первую очередь Марка Антония [197, р. 88-92]. Его обвинение армянского царя Артавазда II в измене, арест правителя Армении и почти всей его семьи привели к разрыву римско-армянского союза [253, р. 437; 212, р. 73]. В Армении усилилось влияние противников

сближения с Римом, которых возглавил сын Артавазда II Арташес II (Dio Cass., XLIX, 39, 6). Арташес поднял антиримское восстание, но не смог сломить мощь римлян и бежал в Парфию (Jos. Flav., Ant., XV, 4, 3).

Был создан прецедент, когда армянский царь прибег к помощи Парфии для борьбы с Римом. Если призыв к парфянам о помощи, который направили Митридат VI и Тигран II к Фраату III, остался без ответа, то Фраат IV не мог отказаться от возможности ослабить римское влияние на Востоке. Безвыходное положение, в котором оказался Арташес II, не оставляло у молодого царя выбора и заставило его пойти на союз с давним врагом Армении, вопреки основам традиционно проримской политики своих предшественников. Необходимо отметить, что его отец, Артавазд II, ожидая конфликта с Марком Антонием с 35 г. до н. э., предпочел римский плен свободе под парфянским контролем. И только разгром Армении, учиненный солдатами Марка Антония, подтолкнул часть армянской знати к союзу с Фраатом IV.

Парфяне, однако, не могли использовать ситуацию в Армении в своих интересах непосредственно в 34-33 гг. до н. э., так как самой Парфии угрожало вторжение римлян (Dio Cass., XLIX, 44,). Ситуация на Востоке коренным образом изменилась из-за вновь вспыхнувшей в Риме гражданской войны. В 31 г. до н. э. Арташес II воспользовался тем, что Марк Антоний отозвал римские гарнизоны из Армении, и захватил армянский трон с помощью войск парфянского царя Фраата IV (Dio Cass., XLIX, 44, 4; Tac. Ann., II, 3).

Возвращение Арташеса II в Армению сопровождалось беспрецедентным избиением римлян, находившихся на территории царства (Dio Cass., LI, 16, 2). Так новый армянский царь показал свое отношение к бывшему союзнику и впервые в истории Армении пошел на окончательный разрыв с Римом [212, р. 74]. Вызывающую позицию царя Армении подтверждает и его требование вернуть на родину братьев, которые в качестве заложников содержались в Риме (Dio Cass., LI, 16, 2).

Тот факт, что действия Арташеса II были спровоцированы далекой от дружественной политикой Марка Антония, не мог оправдать жестокость

армянского царя в глазах римлян [212, р. 74]. Даже смещение проримского царя Артавазда Атропатенского было достаточным основанием для римлян начать войну с Арташесом II, не говоря уже об уничтожении римских граждан - преступлении, неслыханном со времен Митридата VI. Но, несмотря на то, что дерзкие поступки Арташеса II требовали немедленного возмездия, Август не предпринимал никаких шагов, направленных непосредственно против Арташеса II, если не считать отказа выдать царю его братьев, римских заложников (Dio Cass., LI, 16, 2). Монарх, виновный в смерти римских граждан, сохранил свой престол до 20 г. до н. э.

В исторической литературе неоднократно отмечалось стремление Октавиана Августа прекратить постоянные и не всегда успешные войны на Востоке [27, с. 151; 44, с. 124; 63, с. 21; 79, с. 160; 105, с. 521-526; 113, с. 278-279; 191, р. 255; 250, р. 9; 286, р. 323]. И отказ римлян от немедленного наказания армянского царя соответствовал новому принципу внешней политики. В то же время, бездействие Августа не означало, что Армения теряет свое значение для Рима [55, с. 221]. Отказавшись от смещения неугодного царя, Август сохранял возможность влиять на ситуацию в будущем [212, р. 74]. В Риме остались братья Арташеса II, Тигран и Артавазд, возможные претенденты на армянский престол. Изгнанный из Мидии-Атропатены и Армении Артавазд Мидийский получил в управление Малую Армению (Dio Cass., LIV, 9) в качестве постоянной угрозы Арташесу [252, р. 443; 286, р. 325].

Таким образом, Армения впервые с 90-х г. до н. э. оказалась в тесном союзе с Парфией, и армянский правитель на этот раз не мог вести независимую политику. Если Артавазд II, даже заключив союз с Парфией в 53 г. до н. э., нашел возможность сохранить шанс для восстановления дружественных отношений с римлянами, то его сын не мог рассчитывать на улучшение отношений с Римом после избиения римских граждан.

Высказанное Г.Х. Саркисяном предположение о независимости действий Арташеса II не встретило поддержки у ученых, так как противоречило и общеисторической ситуации на Востоке, и данным нумизматики [141, с. 629].

Влияние парфян на армянского царя не оспаривается большинством исследователей [11, с. 99; 27, с. 122; 44, с. 122; 180, с. 50; 212, р. 74; 286, р. 323]. Арташес II вынужден был отказаться от титула армянских правителей "царь царей", о чем ясно свидетельствуют царские монеты [180, с. 50]. В то же время, усиление парфянского влияния в Армении в указанный период не привело к значительному росту числа монет Фраата IV, найденных в Закавказье, что говорит о незначительном усилении экономического влияния нового армянского союзника [39, с. 75]. Но все же, царь Армении, окончательно порвав с Римом, не мог пойти на разрыв с парфянами, благодаря помощи которых не только завоевал, но и сохранял престол (Тас. Ann. II, 3).

Парфянское присутствие в Армении устраивало далеко не всех в царстве, о чем существуют ясные свидетельства в источниках (Dio, LIV, 9; Тас. Ann. II, 3). Именно к этому времени относят раскол армянской элиты на две группировки: проримскую и пропарфянскую, которые оказывали большое влияние на дальнейшую политику армянских царей [44, с. 125; 180, с. 95]. По нашему мнению, логично рассматривать вторую группировку не как пропарфянскую, а как антиримскую. Ориентация на Парфию большой группы армянской знати была вызвана не столько стремлением укрепить дружбу с восточным соседом, сколько необходимостью найти союзника для противостояния внезапно возникшей агрессии римлян при Марке Антонии. По крайней мере, существование в Армении пропарфянской партии не отмечено в более ранний период. Даже сын Тиграна II Тигран Младший не может считаться только парфянским ставленником. В 30-е годы до н. э. еще не сложились условия для возникновения в Армении мощной пропарфянской группировки знати.

Традиционное для литературы утверждение о тесных связях Армении и Парфии, о тяготении армян к близким по языку и культуре парфянам не подтверждается фактами из истории Армении I в. до н. э. [11, с. 140; 113, с. 267; 191, р. 259; 282, р. 21-22; 286, р. 329]. Источники II - III вв. н. э. действительно говорят об общих интересах армян и парфян (Dio, LV, 10; Тас. Ann., II, 56), но современник событий Страбон как раз подчеркивает существование противоречий

между Арменией и Парфией (Strabo, XVI, 1, 19). Ссылки на общность языка и, тем более, религии как на стабилизирующий отношения фактор совершенно неприменимы к времени античной истории. Культурное сходство не было помехой политическому противостоянию, как это происходило и в Армении. Сходство верований армян и парфян не может считаться окончательно доказанным [145, с. 14-15]. Кроме того, окончательное утверждение зороастризма в Армении относится ко второй половине I в. н. э. и связано с приходом к власти в царстве парфянина Тиридата [24, с. 104]. Великие армянские цари Тигран II и Артавазд II противостояли парфянскому давлению с помощью Рима. И антипарфянская политика этих монархов продолжала оказывать большое влияние на ситуацию в стране.

В Армении зрел заговор против царя [212, р. 74; 266, р. 21; 286, р. 323], который столь решительно выбрал сторону Парфии вопреки традиционно проримской политике армянских царей. Как будет показано ниже, заговорщики обладали достаточным влиянием и ожидали удобного повода для разрыва с парфянами и восстановления дружественного союза с Римом.

Ситуация в Армении изменилась в 20 г. до н. э., когда Август совершал поездку на Восток (Dio Cass., LIV, 7). Вероятнее всего, во время его пребывания на острове Самос было получено известие о заговоре против Арташеса II (Strabo, XVII, 1, 54; Tac. Ann. II, 3, 4). Заговорщики просили Августа прислать на армянский престол Тиграна, брата Арташеса, который находился в Риме в качестве заложника [266, р. 17-18]. Император немедленно вызвал из Рима Тиграна и Тиберия с войском и отправил их в Армению. Еще до прихода римских войск армяне сами убили Арташеса II, и Тиберий смог возвести Тиграна III на престол без сопротивления (Dio Cass., LIV, 9; Vel. Pat., II, 94, 4; Suet. Tib., 9; Tac. Ann. II, 3, 4).

Большинство ученых, комментируя эти события, представляют действия римлян как тонко спланированную операцию по устрашению и Армении, и Парфии [14, с. 167; 27, с. 201; 44, с. 124-125; 180, с. 57; 188, с. 121; 212, р. 74; 266, р. 17-18, 21]. Большое внимание уделяется деятельности Архелая

Каппадокийского, который был связан с правящим армянским домом и мог при активном участии своей армянской жены принять участие в заговоре родственников Арташеса II. М. Пани ссылается на упоминание в "Иудейских древностях" о помощи Архелая Тиберию (Jos. Flav., Ant., XV, 4, 3) и на утверждение Тацита о том, что заговор против Арташеса II был подготовлен его родственниками (*per dolum propinquorum*) (Tac. Ann. II, 3, 4). На этом основании делается вывод об активном участии каппадокийского царя в заговоре против Арташеса [266, р. 20-22]. Действительно, женой Архелая могла быть армянская принцесса [253, р. 1345, п. 50; 260, р. 116]. Но нельзя принять аргумент итальянского ученого о том, что именно жена Архелая была единственной родственницей Артавазда II, оставшейся в Азии [266, р. 21]. Маловероятно, что при традиционном для дома Арташесидов большом количестве детей, в Армении не осталось ни одного потомка Тиграна II. Марк Антоний не мог вывезти из Армении всех представителей правящего дома Армении. Тацит, говоря о родственниках-заговорщиках, употребляет множественное число родительного падежа (*propinquorum*, окончание множественного числа - *orum* - *gen. plur.*), что указывает на несколько близких армянского царя, участвовавших в убийстве.

Необходимо обратить внимание и на то, что римляне скорее подстраивались к возникшей ситуации в Армении, чем сами направляли события [286, р. 325]. Август прибыл в Азию без дополнительных войск, которые на Востоке появились только с походом Тиберия в Армению [286, р. 323]. Вряд ли Август готовился к нападению на Армению и, тем более, на Парфию, опираясь только на сирийские легионы. Фраат IV действительно не проявлял агрессивных намерений в отношении Армении, но и не изъявлял покорности Риму, что подтверждается требованиями парфянского посольства в 23 г. до. н. э. (Dio Cass., LIII, 33).

По нашему мнению, нельзя согласиться и с утверждением, высказанным, в частности, в работах И.Д. Головки, М.-Л. Шомон, М. Пани, что заговор и убийство Арташеса II, а также захват Армении были спланированы римлянами заранее [44, с. 125; 212, р. 74; 266, р. 21]. Во-первых, источники ничего не сообщают об участии римлян и их союзников в заговоре. Во-вторых, трудно объяснить, почему

Август прибыл в Азию без армии и нового претендента на престол, если он знал о свержении Арташеса заранее. Более вероятно, что мятеж армянской знати зрел давно, а известие о поездке Августа на Восток лишь подтолкнуло выступление заговорщиков. Информацию о заговоре в Армении в Рим мог принести Архелай Каппадокийский, который мог быть об этом осведомлен [266, р. 22-23]. Следовательно, принцепс только использовал выгодную возможность для возвращения контроля над Арменией, и Тигран III - "друг и союзник римского народа" - правил Арменией в течение 14 лет, царство же было возвращено в сферу римского влияния [212, р. 74].

Реакция римлян на успешную операцию Тиберия по восстановлению римского влияния в Армении подчеркивает не только важность этой страны для Рима, но и то, что в Риме не забыли о преступлении Арташеса II. Недаром восхваления своей успешной восточной политики Август начинал именно с Армении, с коронации Тиграна III (RGA, 27, 2). В честь удачной экспедиции Тиберия в Риме были выпущены монеты с надписями "Armenia capta" с очень выразительным изображением стоящего на коленях армянина с протянутыми руками [2, с. 167-168; 4, с. 62; 212, р. 75]. Так Август ответил на одно из самых тяжелых оскорблений, нанесенных римскому престижу на Востоке [250, р. 9].

Что же могло помешать Августу активно бороться за восстановление власти римлян в Армении в 20-е г. до н. э.? Ведь постоянные попытки сохранить контроль над царством в конце I в. до н. э. только подчеркивали его важность для Рима [45, с. 98; 180, с. 51; 250, р. 20; 286, р. 335]. Обычно приводятся такие аргументы, как общая истощенность Рима гражданскими войнами и боязнь столкновения с Парфией [27, с. 125; 44, с. 123; 105, с. 527; 191, р. 255; 212, р. 74]. Но, во-первых, слабость римлян часто преувеличивают. Август был в состоянии вести широкомасштабные войны на Западе, обладая колоссальной армией в 25 легионов [286, р. 332]. Во-вторых, римляне не имели веских оснований опасаться Парфии - парфяне смогли отразить все римские нападения. Но и римляне успешно громили парфян на территории провинции Сирия. Во времена Августа Парфия не рассматривалась римлянами как равный соперник. Официальная пропаганда и

римские поэты подчеркивали подчиненное положение парфян, признание Фраатом IV верховенства Рима (Ног. Carm., 342, 345). И хотя зависимость Парфии от Рима была явным преувеличением, парфянские войска были не в состоянии успешно действовать в римских провинциях [286, р. 330]. Отсутствие реальной парфянской опасности подчеркивается и малочисленностью римских войск на восточных границах [286, р. 337].

Кроме того, именно в 20-е гг. до н. э. Август вмешивается во внутренние дела самой Парфии, поддерживая одного из соперников Фраата IV - Тиридата (Just., XLII, 5, 4). Поддержка Тиридата римлянами тем более очевидна, что новый претендент на парфянский престол чеканил монеты с легендой *FILORWMAIO* [75, с. 59; 221, р. 137]. Эти действия Рима могли бы повлечь большее раздражение парфян, чем активные действия римлян в Армении. Тем более, что римское вторжение в Армению совсем необязательно вызывало противодействие Парфии.

В 20-е гг. до н. э. Армения еще не входила в парфянскую сферу влияния, по крайней мере, в глазах римлян. Очевидно, что армяно-парфянские противоречия, обусловившие противостояние между двумя странами в I в. до н. э., не могли быть устранены в столь короткий срок. С другой стороны, Армения оставалась достаточно сильным государством, имеющим значительные вооруженные силы, особенно тяжелую конницу (Strabo, XI, 14, 9-10). На наш взгляд Август опасался войны не столько с Парфией, сколько с Арташесом II, который, понимая свою вину перед Римом, должен был отчаянно сопротивляться.

Подтверждением признания римлянами военного потенциала Армении, не связанного с помощью парфян, можно считать процесс передачи армянского царства Тиграну III. Согласно сообщениям источников (Тас. Ann., 2, 3; RGA, 29, 2; Dio Cass., LIV, 9, 5; Vell. Pat., II, 92; 94; Suet. Tib., 9), Фраат IV в 20 г. до н. э. восстановил мирные отношения с Римом и передал римлянам знаки легионов и легионеров, которые попали в руки парфян после неудачных походов Марка Лициния Красса и Марка Антония. Опираясь на Светония, некоторые исследователи считают, что переговоры с парфянами, которые вел Тиберий, состоялись уже после интронизации Тиграна III [191, р. 262; 221, р. 141; 266, р. 18-

19]. Следовательно, был сделан вывод о том, что уступка парфян была вызвана решительными действиями римлян в Армении. По мнению большинства ученых, переговоры Тиберия с Фраатом IV были только продолжением процесса восстановления мирных отношений, который начался еще до похода Тиберия [180, с. 62; 191, р. 262; 221, р. 141; 266, р. 18-19]. Не только Дион Кассий, но и Веллей Патеркул, известный своим почтительным отношением к Тиберию, указывает на то, что Фраат IV выдал значки римских легионов до начала кампании римлян в Армении (Vell. Pat., II, 92; 94). Если же отношения между римлянами и парфянами наладились бы, то Август мог бы рассчитывать на невмешательство Парфии в ход римской операции в Армении. Несмотря на это, Тиберий прибыл из Рима с войском и, кроме того, привлек к походу Архелая Каппадокийского (Jos. Flav., Ant., XV, 4, 3). Римляне, вероятно, ожидали серьезного сопротивления армян, даже лишенных парфянской поддержки. Однако армяне не собирались бороться с римскими войсками.

В 20 г. до н. э. Август восстановил в Армении римское влияние, используя заговор против Арташеса II. Император в очередной раз уклонился от вооруженного конфликта, выполнив требования заговорщиков и поставив на престол нового царя. При этом Август отказался от иного варианта развития событий, на который сам указал впоследствии - превращения Армении в провинцию: "Армению великую... хотя мог сделать провинцией..." – перевод наш (Armeniam maiorem... c[u]m possem facere provinciam...) (RGA, 27, 2).

Это высказывание не должно казаться обычным самовосхвалением Августа, так как в истории Рима действительно можно найти примеры ликвидации царств [37, с. 171]. Помпей превратил осколок царства Селевкидов в провинцию Сирия в 64 г. до н. э., в первую очередь, из-за внутренней нестабильности царства [197, р. 75; 286, р. 213]. Вскоре провинция подверглась прямому парфянскому вторжению, так как её границы не защищались зависимыми дружественными государствами. Несмотря на это, Сирия постепенно становится важнейшим фактором римского присутствия на Востоке. Следовательно, логично было бы предположить превращение в провинцию не менее важной для Рима Армении, о чем прямо

говорится в “Деяниях божественного Августа”, как о наказании за непокорность (RGA, 21, 1). Это полностью применимо к Армении, учитывая “измену” Артавазда II и избиение римлян Арташесом II.

В случае превращения Армении в провинцию отрицательная реакция парфян не должна была внушать опасения, так как Парфия сама признала превосходство Рима в 20 г. до н. э., когда Фраат IV добровольно выдал римских пленных и знамена, ранее захваченные у Красса, Сакса и Марка Антония [221, р. 141; 266, р. 18-19]. Но если бы парфяне предъявили какие-либо права на армянский престол, что маловероятно, это не остановило бы римлян, ведь Сирия была когда-то частью государства Селевкидов, но, в конце концов, была признана парфянами римским владением. Даже поверхностная эллинизация Армении не являлась препятствием для превращения царства в провинцию. Примером этому служат Киликия, Египет, Иудея, европейские владения Рима [286, р. 329]. Кроме того, масштабы проникновения эллинистической культуры в Армению были достаточно велики [146, с. 53-56; 163, с.46; 164, с. 18-19].

Таким образом, ситуация с превращением Армении в провинцию была даже более благоприятна, нежели в случае с Сирийским царством. Что же могло остановить Августа? И утверждения о миролюбии Августа, и гипотезы о нежелании принцепса расширить пределы империи опровергаются образованием провинций Иудея и Египет [105, с. 527; 191, р. 260]. Отказ же Августа от непосредственной оккупации Армении имел и отрицательное последствие для римлян. В глазах парфян Армения, не находившаяся под прямым контролем Рима, могла стать объектом дальнейшей экспансии на Запад.

По нашему мнению, превращению Армении в провинцию помешал тот же военный потенциал царства, который не позволил сместить Арташеса II в течение 10 лет. Решительное неприятие армянами попытки Марка Антония ликвидировать армянское государство убедило Августа в неизбежности сохранения Арменией формальной независимости, ради которой армянская элита пошла на союз с парфянами.

Невозможность оккупации Армении, с одной стороны, и нежелание Августа терять контроль над ней, с другой, поставили перед ним задачу использовать иные способы влияния на непокорное царство. Скорее всего, этим и объясняется возвращение Августа к старой политике Рима во взаимоотношениях с восточными монархиями. Её приемы позволяли контролировать зависимые государства с помощью неравноправных союзных договоров, а также с помощью римских ставленников на престоле. Применяя эти методы, римскому сенату удалось подчинить многие царства Востока, иногда даже враждебные, не прибегая к вооруженным действиям. Именно с помощью неравноправного союзного договора Помпей смог превратить Армению Тиграна II из враждебного царства в дружественное.

Именно признание не только важности географического значения, но и военного потенциала Армянского царства, заставило Августа сохранить самостоятельность Армении и восстановить для Тиграна III статус "друга и союзника римского народа". Вновь обретенный союзник должен был выполнять те же функции, что и Армения Тиграна II после 66 г. до н. э. - защищать римские владения и не допускать дальнейшего продвижение Парфии на запад. При этом царю предоставлялась достаточно широкая свобода действий.

4. 2. Римско-армянские отношения в период правления Тиграна III и Тиграна IV (20 г. I в. до н. э. - 1 г. I в. н. э.).

Уверенность Августа в действенности испытанных методов контроля за союзным царством подтверждаются обстоятельствами царствования Тиграна III. Зависимость царя от Рима была не более чем формальна. Тигран III даже не выдал заложников, этот обязательный атрибут «дружбы», который позволял воспитывать будущих наследников престола в проримском духе [206, р. 15-17]. Дети же

Тиграна III - Тигран IV и Эрато, воспитывавшиеся на родине, - оказываются настроены против Рима.

Практически полное невнимание античных авторов к царству в период правления Тиграна III можно объяснить отсутствием тесных контактов Армении с Римом в это время. Поэтому большинство предположений о политической ориентации армянского царя, предлагаемых в научной литературе, основываются на данных нумизматики. Тиграну III приписывают несколько групп монет со сходными легендами: 1) BASILEWS MEGALOU TIGRANOU FILELNH (так в оригинале) NO; 2) BASILEWS MEGALOU TIGRANOU FILOPATOROS; 3) BASILEWS MEGALOU TIGRANOU FILOPATOROS KAI FILELLHNOS; 4) BASILEWS MEGALOU TIGRANOU QEOU [145, с. 16; 180, с. 66; 196, р. 216; 200, р. 118; 212, р. 75; 221, р. 141-142; 253, р. 1339; 262, р. 13; 266, р. 23-25]. Необходимо отметить, что в некоторых работах первая легенда приписывается или Тиграну II, или Тиграну IV [212, р. 75]. Наибольшее внимание исследователей привлекло упоминание на монетах Тиграна III третьей по счету титулатуры, сходной по форме и содержанию с титулатурой Аршакидов ("квадратная легенда") [180, с. 66]. На этом основании было сделано предположение, что подобная форма титулатуры свидетельствует о переходе Тиграна III под парфянский контроль [221, р. 142; 262, р. 13]. Н. Дибивойс и А.Э. Хачикян указывают на то, что этот переход мог произойти в конце правления Тиграна III [180, с. 66; 221, р. 142]. М. Пани замечает, что Тигран III мог попасть под парфянское влияние еще раньше [266, р. 23-25]. Уже неоднократно указывалось на то, что необходимо осторожно подходить к определению взаимоотношений Армении с соседями только на основании данных нумизматики [266, р. 24]. Использование данных монет еще более затруднено, так как не существует точной датировки армянских монет, особенно конца I в. до н. э.

Утверждение о смене Тиграном III политических ориентиров не находит подтверждения в письменных источниках. Сообщение в труде Диона Кассия (Dio Cass., LV, 9), на которое ссылается М. Пани, доказывая возможность пропарфянской ориентации этого царя [266, р. 24], в действительности не

содержит упоминания о переходе Тиграна III на сторону Парфии: "...Армения демонстрировала враждебность после смерти Тиграна," – перевод наш (...t³an 'Armen...an ɸllotrioumšnhn met! tōn toà Tigr̄nou q̄fnaton prosštaxe.). Очевидно, Дион Кассий подчеркивал, что Армения отпала от Рима уже после (met!) смерти Тиграна III.

В то же время, отказ Тиграна III от союза с Римом должен был найти отражение в трудах античных авторов, указавших на изменение политики Армении при наследниках армянского царя. Дион Кассий не отрицал антиримской политики Тиграна IV (Dio Cass., LV, 9). Поэтому, признавая, что данные нумизматики могут свидетельствовать об изменениях во внутренней политике царства, нельзя согласиться с утверждением о восстановлении Тиграном III дружественных отношений с Парфией [180, с. 66; 212, р. 75]. Утверждение И.Д. Головки о переходе Тиграна III на сторону Парфии [44, с. 127-128] вызвано тем, что историк смешал правление Тиграна III и Тиграна IV. Август не оставил бы без ответа такие изменения, и это нашло бы отражение в источниках, в которых не скрывались даже неудачи римлян по восстановлению своего влияния в Армении.

Точную дату смерти армянского царя на основании сообщений античных источников установить невозможно. Однако большинство современных исследователей склоняются к датировке смерти Тиграна III между 9 и 6 гг. до н. э [120, с. 3; 141, с. 631-633; 145, с. 16; 180, с. 68; 191, р. 273; 212, р. 76; 221, р. 146; 253, р. 1344, п. 43; 266, р. 35, 40; 286, р. 326]. Противоречивые данные источников затрудняют дальнейшее восстановление последовательности политических изменений в Армении, о чем в научной литературе до сегодняшнего дня ведутся дискуссии [180, с. 68; 212, р. 76; 266, р. 40-41].

Наибольшие сложности вызывает проблема наследования армянского престола после смерти Тиграна III. В "Римской истории" Диона Кассия наследник Тиграна III прямо не указывается (Dio Cass., LV, 10). Однако, учитывая отрывочный характер сохранившегося до наших дней текста его 55 книги, можно предположить, что историк сообщил о престолонаследии в несохранившихся частях своего труда. Следующий после Тиграна армянский царь, упомянутый у

Диона, - Тигран IV, который выступил против римлян, опираясь на поддержку парфян (Dio Cass., LV, 10).

Тацит в "Анналах" сообщает, что после смерти Тиграна III престол перешел к его детям, вероятно, к Тиграну IV и Эрато, но не говорит об их антиримской политике (Тас. Ann, II, 3). В "Деяниях божественного Августа" вопрос о наследниках Тиграна III не поднимается, но указывается, что армяне выступили против власти Рима (RGA, 27, 2). Веллей Патеркул упоминает только восстановление армяно-парфянского союза (Vel. Pat., II, 100, 1). Вероятно, армянский престол перешел к Тиграну IV и его сестре Эрато, которые проводили антиримскую политику.

Однако отрывочные сообщения источников не позволяют принять это предположение без детального анализа. Дион Кассий в одном предложении впервые упоминает Тиграна IV и тут же говорит о некоем Артавазде, сопернике Тиграна (Dio Cass., LV, 10). Тацит помещает Артавазда на армянский престол уже после Тиграна IV (Тас. Ann, II, 3).

Учитывая антиримскую позицию Тиграна IV, исследователи предполагают, что Артавазд был римским ставленником на армянском троне [145, с. 16; 180, с. 67; 191, р. 273; 212, р. 76; 221, р. 146; 237, р. 251; 252, р. 483; 260, р. 113; 266, р. 36]. Римляне, как полагают, не только направили Артавазда в Армению, но и предоставили ему в качестве эскорта войска, находившиеся под командованием наместника Сирии [44, с. 128; 180, с. 68; 266, р. 38-39]. А.Э. Хачикян, Х.А. Мушегян, Г.Х. Саркисян признают, что Артавазд III с помощью римлян разбил Тиграна IV и захватил армянский престол, который удерживал около 3-х лет [120, с. 3; 141, с. 631-633; 145, с. 16; 180, с. 67]. Затем Тигран IV, вероятно, с парфянскими войсками смог изгнать римского протеже [95, с. 292; 191, р. 273; 212, р. 76-77; 221, р. 147; 252, р. 483; 266, р. 43]. Т. Моммзен и М. Пани отрицают захват Артаваздом III армянского престола и считают, что ему и римским войскам не удалось сломить сопротивление Тиграна IV [44, с. 128; 113, с. 281; 260, р. 113; 266, р. 39].

На наш взгляд, обе гипотезы содержат противоречия. Против длительного

правления Артавазда III можно привести следующие возражения. Артавазд не упомянут у Августа (RGA, 27), который, как верно замечает М. Пани, не упускал возможности продемонстрировать все успехи в союзных царствах [212, р. 75; 266, р. 39]. Если предположить, что Артавазд правил около трех лет, необъяснимо, почему практически отсутствуют его монеты, в то время как известны несколько серий монет Тиграна IV, правившего ненамного больше [145, с. 17; 180, с. 71-73; 201, р. 32-35; 266, р. 37].

Во всех античных источниках, кроме Тацита, Артавазд не рассматривается как царь Армении. Тацит, в свою очередь, очевидно нарушил хронологию, поместив правление Артавазда после царствования Тиграна IV. Вероятно, источники Тацита были недостоверны. Следовательно, Артавазд III официально царем римлянами признан не был, что может быть объяснено недолгим правлением Артавазда III или даже тем, что он не контролировал всю территорию страны.

Вторая гипотеза, предложенная итальянским исследователем М. Пани, также неполностью согласуется с данными источников [266, р. 39]. Несмотря на отрывочность сведений античных авторов, можно прийти к выводу, что борьба между Тиграном IV и Артаваздом III продолжалась долгое время. М. Пани достаточно убедительно доказал, что миссия Артавазда III началась непосредственно после смерти Тиграна III [266, р. 41-43]. По мнению исследователя, смена наместника Сирии около 7 г. до н. э. и упоминание Тацитом об ущербе, нанесенном римлянам смещением Артавазда III (Тас. Ann., II, 3), находились в тесной связи. Тиберий, переживавший период опалы, в 6 г. до н. э. отказался выполнить требование Августа помочь Артавазду III. Эти события происходили уже после неудачной попытки передать Армению Артавазду III. Но предположение историка о том, что попытка римского ставленника захватить престол не удалась, и что он жил в Сирии под защитой римлян, основывается на неверной оценке данных нумизматики [266, р. 41-42].

Серебряная монета, которую М. Пани [266, р. 41-42] вслед за П. Гарднером [235, р. 9-15] приписывал Артавазду III, и которая, по мнению ученого, могла

чеканиться за пределами Армении, в действительности принадлежала Артавазду IV [4, с. 110; 11, с. 103; 180, с. 87; 196, р. 216; 200, р. 64; 212, р. 82; 253, р. 1345, п. 49]. Это стало очевидным после находки в Армении бронзовой монеты с аналогичным изображением и легендой: $\text{QEOU KAISAROS EUERGETOU; BASILEWS MEGALOU ARTAUAZDOU}$ [140, с. 9]. Артавазду III принадлежит монета с привычным для армянской нумизматики изображением царя в тиаре, то есть монета, которая скорее чеканилась в Армении, чем в Сирии [180, с. 87]. Таким образом, нарушается система доказательств, построенная Пани во многом на основе эллинистических мотивов изображения на монете, - диадема вместо тиары [266, р. 41-42].

Кроме того, монеты Тиграна IV представлены несколькими сериями, последовательность которых точно еще не определена. Но все ученые разделяют группы монет на два хронологических этапа, то есть признают разрыв в царствовании Тиграна IV [116, с. 75; 121, с. 697; 145, с. 17; 180, с. 71-73; 266, р. 32-37]. Следовательно, полностью отрицать присутствие Артавазда III в Армении нет никаких оснований.

Наиболее вероятной представляется следующая реконструкция событий. Артавазд III начал борьбу с Тиграном IV непосредственно после вступления последнего на престол [266, р. 40-41]. Но ни одна из противоборствующих сторон успеха не добилась. Отказ Тиберия помочь ставленнику Августа лишил Артавазда III значительной поддержки, однако претендент продолжил борьбу. Сообщение Диона Кассия о том, что Тигран IV вступил в переговоры с римлянами во время похода Гая Цезаря на Восток уже после смерти Артавазда III (Dio Cass., LV, 10), можно трактовать, как свидетельство о поздней смерти Артавазда III и продолжительной борьбе [191, р. 273]. Тот факт, что Артавазд III чеканил монеты, подтверждает предположение А.Э. Хачикяна о контроле римским союзником части армянских земель. Отсутствие упоминания об Артавазде в "Деяниях божественного Августа" можно объяснить тем, что ему не удалось взять столицу и провести официальную коронацию, или же тем, что Артавазд III никогда не контролировал царство полностью [180, с. 70]. Наиболее вероятно, что борьба

между Тиграном IV и Артаваздом III продолжалась до 3 г. до н. э., когда на помощь Тиграну IV пришли парфяне [180, с. 71].

Продолжительная борьба Тиграна IV и Артавазда III сделала очевидным потерю римлянами влияния в Армении после смерти Тиграна III. Тигран IV, занял решительно антиримскую позицию. Как уже говорилось выше, этот эпизод в истории Армении очень скупо отражён в источниках, которые называют различные причины восстания Тиграна IV. Тацит в «Анналах» вообще не упоминает о восстании армян против Рима при Тигране IV (Тас. Ann, II, 3). Август в «Деяниях...» говорит о восстании армян против власти Рима, но не называет причин (RGA, 27, 2). Более конкретен Дион Кассий, ясно указавший, что на отпадение Армении повлияла Парфия (Dio Cass., LV;10). Веллей Патеркул сообщает, что "парфянин...протянул руку Армении", - перевод А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой (Parthus... adiecit Armeniae manum) (Vell. Pat., II, 100, 1). На этом основании М. Пани, А.Г. Бокщанин, Н. Дибивойс и другие утверждают, что разрыв с Римом был вызван сближением Армении и Парфии [27, с. 163; 191, р. 273; 212, р. 77; ,221 р. 147; 266, р. 25, 33]. Однако нам представляется, что столь однозначное объяснение действий Тиграна IV не отвечает действительности.

Дион Кассий применительно к периоду Августа постоянно подчёркивает агрессивность парфян и умалчивает о миролюбивых и дружественных жестах Фраата IV. Так, Дион Кассий не упоминает выдачу заложников парфянским царем, о которой говорят другие авторы (Just., XLII, 5; Strabo, XI, 4,2; Тас. Ann., II, 1; RGA, 32, 2). Кроме того, Дион Кассий жил в III в. н. э., когда Армения давно уже утратила былую силу и влияние. Поэтому историк склонен объяснять все антиримские поступки армян не их самостоятельными действиями, а парфянским влиянием. Тацит, напротив, описывая правление детей Тиграна III и царствование Артавазда III, парфян вообще не называет (Тас. Ann., II, 3).

Высказывание Веллея Патеркула относится к событиям после 6 г. до н. э., так как в предыдущем предложении говорится, что "весь мир ощутил устранение Нерона от охраны Города [Рима]", – перевод наш (Sensit terrarum orbis digressum a custodia Neronem Urbis) (Vell. Pat., II, 100, 1), а отказ Тиберия отправиться на

Восток относится именно к 6 г. до н. э. [180, с. 68; 212, р. 76; 266, р. 38]. Но к этому времени Тигран III уже умер, и царем стал Тигран IV [180, с. 68; 212, р. 76; 221, р. 146; 253, р. 1344, п. 43]. Очевидно, что комментарий римского историка относится к событиям, случившимся уже после первого столкновения Тиграна IV с Артаваздом III.

Правивший до 2 г. до н. э. Фраат IV, выдавший Риму заложников не далее как в 10 г. до н. э., вряд ли пошёл бы на обострение отношений с Августом [27, с. 164]. Парфянам, чтобы вмешаться в армянские дела, пришлось свергнуть Фраата IV [27, с. 165; 44, с. 127]. Проримская политика парфянского царя, с большим трудом удерживавшего престол, не могла измениться за столь короткий срок. Его преемник, Фраат V (Фраатак), обострил отношения с римлянами, чтобы упрочить свое положение среди парфянской знати [27, с. 165; 44, с. 128].

О самостоятельности действий армянского царя свидетельствуют и данные нумизматики. Из трех распространенных на сегодняшний день гипотез [116, с. 75-76; 145, с. 17; 180, с. 73; 201, р. 32-37] о монетах Тиграна IV наиболее аргументированной можно считать схему, которая приписывает Тиграну три типа монет в следующем хронологическом порядке: 1) BASILEUS BASILEWN TIGRANHS : ERATO BASILEWS TIGRANOU ADELPH; 2) BASILEUS MEGAS NEOS TIGRANHS : ERATO BASILEWS TIGRANOU ADELPH; 3) BASILEUS MEGAS NEOS TIGRANHS : KAISAR QEOS QEOU YIOS SEBASTOS [180, с. 73]. Первый тип монет, содержащий титулатуру "царь царей", мог быть выпущен только в период независимости Армении, так как этот титул был предметом давнего спора между армянскими и парфянскими правителями [180, с. 73].

В то же время, может показаться, что Тигран IV был не в состоянии противостоять Артавазду III и римским войскам без парфянской помощи [266, р. 25]. Однако армянский царь столкнулся не со всей мощью римлян, а только с частью сирийского контингента, который не превышал 4-х легионов [27, с. 151; 286, р. 338]. Тигран IV мог сопротивляться этим войскам собственными силами. Кроме того, нет необходимости утверждать, что ему удалось полностью отразить

нападение Артавазда III. Борьба была длительной и ее исход оказался связан с парфянской помощью.

Следовательно, не стоит рассматривать действия Тиграна IV как спровоцированные парфянами. Но не только причины римско-армянского конфликта объясняются внутренними противоречиями между двумя странами. Тигран IV и Эрато продолжительное время вели борьбу с Артаваздом III, опираясь на собственные силы, не прибегал к помощи Фраата IV, который оставался "другом и союзником римского народа" [180, с. 69]. Парфяне смогли вмешаться во внутреннюю политику Армении позднее, после смерти Фраата IV.

Что же заставило Тиграна IV выступить против власти Рима? Можно предположить, что Тигран IV неверно истолковал невмешательство римлян во внутренние дела царства при Тигране III как слабость или потерю интереса к Армении и занял отцовский престол без согласия Августа [81, с. 22; 180, с. 66; 212, р. 76], тем самым нарушив давнюю традицию "признания" союзного царя Римом [206, р. 32]. То, что Тигран не считался в Риме царём, подтверждается перепиской Тиграна IV и Августа. В своем письме Тигран опускает титул «царь». Он понимал, что не имеет права называться «царём», обращаясь к римлянам (Dio Cass., LV, 10).

Однако более вероятно иное объяснение. Рим не собирался терять контроль над Арменией, отдавая власть в стране царю, который не получил римского воспитания. Римляне могли отдать предпочтение романизированному заложнику, воспитанному в местных традициях принцу, так как в таком важном регионе, как Армения, правитель должен быть полностью надёжен. В этом случае объяснимо и восстание Тиграна IV, и отсутствие у него титула «царь». Тигран IV, прекрасно осведомленный о том, что в Риме содержится его дядя, имел достаточные основания опасаться, что именно Артавазду III отдаст предпочтение Август. Поэтому сын Тиграна III мог пойти на нарушение традиционной для союзников Рима процедуры "признания" царя и занять престол без согласия римлян [252, р. 483]. Однако Август не согласился с самопровозглашением Тиграна IV и направил в Армению Артавазда III.

Естественное стремление римлян обеспечить полный контроль в Армянском царстве с помощью проверенного претендента привело к обострению отношений между Римом и Арменией. Однако Тигран IV не мог воспользоваться поддержкой парфян на первом этапе противостояния. Этим и объясняется продолжительная борьба за армянский трон. Внутренние неурядицы в Римской империи не позволили и Августу активно поддержать своего претендента [266, р. 39]. Но это не означает, что Армения потеряла свое значение для Рима и Парфии. При первой же возможности и парфяне, и римляне вмешались во внутренние дела Армянского царства.

4. 3. Вооруженная интервенция римлян и воцарение в Армении атропатенской династии.

Положение в Армении в корне меняется во 2 г. до н. э., когда в Парфии в ходе дворцового переворота к власти приходит сын Фраата IV Фраатак (Jos. Flav., Ant., XVIII, 2, 4). Для укрепления престижа он оказывает помощь Тиграну IV, и армяно-парфянские силы изгоняют римского ставленника Артавазда III [27, с. 165; 44, с. 127]. Тигран IV и Эрато вынуждены были признать парфянскую гегемонию, что нашло отражение в нумизматике. Именно к этому периоду относятся монеты Тиграна IV, в легендах которых отсутствует титул "царь царей" [180, с. 73].

Изменение ситуации в Армении привело к очень жесткой реакции римлян. Август, достаточно спокойно взиравший на династическую борьбу в царстве, пока она шла без парфянского участия, решительно отказался смириться с восстановлением парфянского контроля над Арменией [212, р. 77], чем еще раз подтвердил важность царства для римской восточной политики.

На Восток в 1 г. до н. э. был отправлен Гай Цезарь с приказом наказать Парфию и усмирить Армению (Dio Cass., LV, 10; Vell. Pat., 101, 1). Известие о прибытии Гая Цезаря заставило царей-союзников определить свое отношение к

Риму. Фраатак пытался показать отсутствие страха перед Римом и вел переписку с Августом в достаточно жестких выражениях (Dio Cass., LV, 10).

Совершенно иначе повел себя Тигран IV. По словам Диона Кассия, Артавазд III, противник Тиграна в борьбе за престол Армении, заболел и умер (Dio Cass., LV, 10). По мнению Тацита, он был убит (Tас, Ann., II, 4). Тигран решил воспользоваться моментом и отправил в Рим письмо с просьбой о признании его царём [180, с. 76]. Несмотря на то, что Тигран IV около 6 лет боролся с римским ставленником, Август согласился на примирение с царем и предложил ему явиться к Гаю Цезарю в Сирию (Dio Cass., LV, 10). Важен и тот факт, что Тигран IV действовал независимо от Парфии [266, р. 46]. Армянский царь, следуя примеру своих предшественников, предпочел союз с Римом союзу с Парфией. Тигран IV, отказавшись от царского титула, признал гегемонию Рима [212, р. 77]. Август, со своей стороны, показал, что для него важен контроль за царством, но он готов отказаться от конфронтации, если монарх признает власть Рима. Таким образом, римско-армянское противостояние можно было считать исчерпанным.

Фраатак же, согласно Диону Кассию, по прибытии Гая Цезаря в Сирию, признал свои ошибки, заключил договор с Римом и отказался от Армении. (Dio Cass., LV, 10 A). Здесь мы можем позволить себе усомниться. Имел ли Фраатак какие-либо права на Армению? Да, парфяне помогли Тиграну IV в борьбе с Артаваздом III. Но эту борьбу начал Тигран самостоятельно, к тому же он продемонстрировал свою независимость, пойдя на сепаратные переговоры с Августом.

Устроив дела с Парфией, Гай Цезарь сталкивается с новыми осложнениями в Армении. Тигран IV гибнет в войне с северными варварами, а его жена Эрато отрекается от престола (Dio Cass., LV, 10 A). На освободившийся армянский престол римляне назначают Ариобарзана Мидийского, однако в Армении вновь вспыхивает восстание (RGA, 27, 2; Dio Cass., LV, 10 A; Tас. Ann., II, 4).

Передача власти над Арменией царю Мидии - Атропатены, царство которого всегда находилось в состоянии борьбы с северным соседом, - решительный шаг Августа [266, р. 53]. Армения фактически лишалась самостоятельности. Нет

никаких свидетельств об образовании армяно-атропатенской унии, как это утверждается некоторыми исследователями [11, с. 100-101; 180, с. 85-86]. Об отсутствии поддержки атропатенских царей в Армении говорят источники, сообщающие о восстаниях армян (RGA, 27, 2; Тас. Ann., II, 4). Данные нумизматики также не могут быть использованы для подтверждения дружественных отношений между армянами и атропатенской династией. Монеты царя Артавазда IV, сына Ариобарзана Мидийского, не имеют характерных для армянской нумизматики черт. Царь изображен не в традиционной армянской тиаре, а в диадеме [140, с. 9].

Очевидно были веские причины, побудившие римлян нарушить традиционные отношения с союзным царством. Традиционные, конечно, для II в. до н. э., но не для I в. до н. э., ведь точно так же Марк Антоний, от политики которого Август отказался, передал часть Армении Артавазду Мидийскому.

На наш взгляд, решающим фактором, повлиявшим на изменение политики Августа, было внезапное падение Эрато. Существует гипотеза об антиримском восстании в Армении, вспыхнувшем еще при Тигране IV [266, р. 50-52]. Но это предположение не находит подтверждения в источниках. Тигран IV действительно мог погибнуть в борьбе с варварами [212, р. 81]. В то же время, отречение Эрато означало, что признанная римлянами правительница Армении не смогла удержать власть. Как метко заметил М. Пани, Эрато, еще раз вернувшаяся на армянский престол, не отказалась бы от власти добровольно [266, р. 50]. Свержение Эрато должно было убедить Гая Цезаря в том, что Армения продолжает демонстрировать непокорность, и для сохранения римского влияния необходимо принимать жесткие меры.

Попытки Августа усмирить непокорное царство привычными для римской внешней политики методами оказались неудачными. Август поставил царём Армении Тиграна III по просьбе самих армян и более 10 лет не вмешивался в политику страны. Он был готов признать или признал царём непокорного Тиграна IV, однако всё оказалось безрезультатным. Цель политики Августа -

привести Армению к полной покорности - не была достигнута [191, р. 279; 252, р. 485]. Более того, контроль над Арменией мог быть потерян, и римляне поставили царём Ариобарзана, союз которого с армянским народом вряд ли был возможен [266, р. 53].

Дион Кассий не скрыл причин восстания армян (Dio Cass., LV, 10 A). Армянских нахараров возмутило, что на престол был предложен не только не Арташесид, но и представитель соседней и враждебной Мидии – Атропатены [266, р. 53]. Восстание было, безусловно, армянским, так как Фраатак уже не мог поддерживать Армению [266, р. 49]. М. Пани убедительно опроверг утверждение Т. Моммзена [260, р. 114] и Й. Андерсона [191, р. 276] о вмешательстве Фраата V в армянские дела.

Лишённые парфянской поддержки, армяне отчаянно сопротивлялись легионам Гая Цезаря, которые во 2 г. н. э. вторглись в Армению. Мнение А.Г. Бокщанина и И. Алиева о двух походах Гая Цезаря в Армению источниками не подтверждается [11, с. 102; 27, с. 166-167]. Во время штурма крепости Артагеры, которая находилась на Араксе [212, р. 81], комендант крепости - армянский нахарар Аддон (Адор, Аддуй) - ранил самого Гая Цезаря (Vel. Pat., II, 102, 2; Dio Cass., LV, 10 A; Strabo, XI, 14, 6; Fest., 19, 3).

Ссылаясь на Флора и Феста, Н. Дибивойз, а за ним и И. Алиев утверждают, что Аддон был полководцем парфянского царя и делают вывод о существовании парфянской помощи армянам [11, с. 102; 221, р. 149]. Но, как показал М. Пани, собравший все комментарии к текстам источников, Аддон был в действительности представителем армянской знати [266, р. 53-55]. Эта точка зрения разделяется и другими исследователями [180, с. 83; 212, р. 81].

Несмотря на ранение военачальника, восстание армян было подавлено, и Ариобарзан восстановлен на армянском престоле в 3 г. н. э. [180, с. 87]. Необходимо отметить, что впервые Армения подверглась разгрому такого масштаба, от которого царство уже не оправилось. Некоторые источники отмечают только легкость, с которой римляне усмирили армян (Dio Cass., LV, 10 A; Vel. Pat., II, 102, 2). Но у Страбона ясно говорится о тяжелом штурме и разрушении

Артагер (Strabo., XI, 14, 6). Операция римлян имела целью не только восстановление на престоле Ариобарзана, но и полное подавление антиримских элементов в стране. Об этом свидетельствует штурм города Артагеры, который не был столицей Армении. Можно предположить, что и другие центры антиримской оппозиции были приведены к повиновению.

Новый царь должен был, по мнению римлян, гарантировать лояльность Армении. Он или его наследники уже не могли, опираясь на помощь населения страны, выступить против власти Рима, как это сделал Тигран IV. Очевидно, что непокорность Тиграна IV спровоцировала Августа на передачу власти в стране представителю новой династии, не только чуждой населению Армении, но и враждебной парфянам. Гай Цезарь не смог разобраться в причинах армянского восстания против Ариобарзана и, ошибочно считая армян слабым соперником, силой навязал царству нового правителя. Несмотря на успех этого предприятия, власть нового армянского царя уже не могла основываться на доверии населения страны и оставалась достаточно непрочной.

В литературе продолжают споры о длительности царствования Ариобарзана. Но сообщения источников свидетельствуют о недолгом правлении монарха (Dio Cass., LV, 10 A; Tac. Ann., II, 4). Наиболее убедительными представляются аргументы тех исследователей, которые склонны датировать правление Ариобарзана 2/3-4 гг. н. э. [140, с. 9; 180, с. 87; 191, р. 277; 266, р. 60]. Устаревшая датировка правления атропатенской династии в Армении (2-10 гг. н. э.) [212, р. 82-83; 253, р. 1345, п. 50; 260, р. 117]. представляется маловероятной, так как не оставляет места для правления Тиграна V, который был известен создателям "Деяний божественного Августа". Но необходимо отметить, что хронологические рамки устанавливаются лишь на основании косвенных данных, и точная датировка представляется невозможной.

Недолгое правление Ариобарзана не изменило намерение Августа сохранять контроль над Арменией с помощью атропатенской династии. На армянский престол был поставлен сын Ариобарзана - Артавазд IV (RGA, 27, 2; Dio Cass., LV, 10 A). С Артаваздом IV связывают двуязычную эпитафию, обнаруженную в

Италии. Надпись гласит:

[Gɛij 'IoÚ]lioʝ Ga...u Fab(...a)
 ['Artabɛsdh]j 'Artabɛsdou
 [... u]fòs, basilšwj
 ['Ariobarzɛn]ou ufwnòj,
 [Öj æzhs]en TMniaut(oýs) lq/
 [C.Iul. C. f. Fab.] Artabasdes
 [Artabasdis fili]us, regis Ariobarzanis
 [nepos, qui vixi]t annos XXXVIII (OGIS, 380).
 Перевод: "Гай Юлий Артабазд,
 сын Гая Фаба Артабазда, царя Ариобарзана
 внук, который жил 39 лет".

Надпись состоит из двух частей - 1-4 и 5-8 строки. Первоначально была опубликована только нижняя часть надписи, впоследствии переизданная Т. Моммзеном [260, p. 111]. Отсутствие в надписи царского титула перед именем Артавазда, сына царя Ариобарзана, и отсутствие царского титула перед именем Артавазда в "Деяниях божественного Августа" (RGA, 27, 2), позволило В. Диттенбергеру предположить, что Артавазд либо не правил, либо не был коронован, либо был лишен царского титула [224, p. 588-589; 266, p. 58]. Однако монеты Артавазда IV, чеканенные в Армении [140, с. 9], и свидетельства письменных источников (RGA, 27, 2; Тас. Ann., II, 4; Dio Cass., LV, 10 A) не могут быть отброшены. Лишение Артавазда царского титула маловероятно, так как он погиб на престоле и не мог успеть пойти на разрыв с Римом. Кроме того, допустимо добавление М. Пани, который предложил в третьей строке читать - [basilšwj u]iòj (IGUR, II, 602) [242, II, 602]. Следовательно, возможно, что Артавазд IV признавался царем и после своего царствования. В то же время, правление Артавазда IV было недолгим [266, p. 57].

Новый правитель Армении старательно демонстрировал преданность римлянам, чеканя монеты с изображением Августа и надписью: QEOU KAISAROS EUERGETOU; bASILEWS MEGALOU ARTAUAZDOU [140, с. 8-9]. Важно то, что

Артавазд IV изображен не в традиционном армянском, а в эллинистическом стиле - без тиары [140, с. 8-9]. Это, в определенной степени, свидетельствует об отказе царя от сохранения традиций Арташесидов, что должно было вызвать недовольство армянской знати. Новому царю действительно не удалось удержать Армению в повиновении и его недолгое царствование закончилось очередным восстанием армян и убийством царя (RGA, 27, 2; Тас. Ann., II, 4).

Гибель Артавазда означала неудачу попытки Августа обеспечить контроль над Арменией с помощью атропатенских ставленников. Разгромленная Гаем Цезарем Армения не смирилась с новой династией и не приняла правителей соседней страны. Август вынужден был признать ошибочность своей политики и новым царем Армении назначить представителя дома Арташесидов. Фактически, Август открыто изменил свою армянскую политику, подчеркивая принадлежность нового царя к традиционной для Армении правящей династии: "... Тиграна, который из царского рода армянского происходил, в это царство я послал", - перевод наш (...[Tigra]ne[m], qui erat ex regio genere Armeniorum oriundus, in id re[gnum] misi.) (RGA, 27, 2).

Важно то, что Август, несмотря на имевшуюся возможность, не захотел продолжить правление атропатенской династии в Армении. Упомянутая выше надпись посвящена именно Артавазду, сыну Артавазда IV, который умер в 39 лет, но царем Армении уже не был. Следовательно, имея под рукой внука верного союзника Ариобарзана, римляне все же решили восстановить в стране старую династию.

Нежелание армян подчиниться атропатенцам не означало, что армянская элита была заражена ксенофобией. Неприятие династии Ариобарзана объяснимо давними политическими противоречиями между двумя царствами, особенно обострившимися в конце 30-х гг. до н. э. Впоследствии армяне достаточно благожелательно относились к царям-иностранцам, которые соблюдали традиции страны (Тас. Ann., II, 56).

Соппротивление армян не осталось незамеченным и показало, что Август недооценил сохранившиеся военные силы царства. Однако римляне смогли

признать, что потенциал страны был не до конца подорван экспедицией Гая Цезаря, и в будущем старались выбирать таких ставленников на престол, которые признавались населением Армении. Особенно важно замечание Тацита о процессе назначения на армянский престол Зенона, сына понтийского царя Полемона. Тацит подчеркивает, что причиной воцарения было именно то, что к нему склонялось благоволение народа, и что царь соблюдал обычаи Армении (Тас. Ann., II, 56).

4. 4. Восстановление Арташесидов на армянском престоле.

Новый выбор Августа пал на Тиграна V, который приходился внуком Ироду Иудейскому и Архелаю Каппадокийскому (RGA, 27, 2; Jos. Flav. Ant., XVIII, 5, 4). Сын царя Иудеи, Александр, был женат на дочери Архелая Каппадокийского Глафире (Jos. Flav., Ant., XVI, 1, 2). Матерью Глафиры могла быть неизвестная армянская царевна из дома Арташесидов [212, p. 83; 253, p. 1345, n. 50; 260, p. 116]. Поэтому Тигран V имел все формальные основания претендовать на Армянское царство.

Обычно связывают назначение нового царя с интригами его деда, Архелая Каппадокийского, повлиявшего на выбор Октавиана Августа [266, p. 58]. Однако это предположение не объясняет всей сложности политической обстановки в Армении в конце I в. до н. э. - начале I в. н. э. Учитывая важность Армянского царства в противостоянии Рима и Парфии, трудно согласиться с тем, что Август руководствовался в деле назначения Тиграна V только просьбами малоазийского правителя. Кроме того, воспитанный в Иудее и Каппадокии Тигран был далеко не единственной кандидатурой на трон Армении.

В то же время, выбирая нового армянского царя, римляне должны были принять во внимание необходимость поддержки монарха частью населения в самой Армении. Только в этом случае Тигран V действительно имел шансы на успешное управление царством.

Внук Ирода имел непосредственное отношение к армянской царской династии. Тигран V действительно мог рассчитывать на поддержку определенной части жителей Армении. Как уже говорилось в третьей главе, из сообщений раннесредневековых армянских авторов известно, что в Армении значительную часть населения некоторых городов составляли иудеи (Moses. Chor., II, 19; 24; Faust, IV, 55). По мнению современных исследователей, массовое переселение жителей Иудеи в Армению могло произойти в период правления Тиграна II Великого и Артавазда II, то есть еще в I в. до н. э. [98, с. 84; 144, с. 54-60]. Следовательно, можно предположить, что римляне, обеспокоенные неудачами своих ставленников в Армянском царстве, могли рассчитывать на то, что новый царь Армении Тигран V сможет опереться на часть городского населения страны. Кроме того, принадлежность к семье Ирода, вероятно, воспринималась в Риме как определенная гарантия лояльности, так как через некоторое время после недолгого правления Тиграна V, римляне предприняли еще одну попытку предоставить армянский престол потомку Ирода Великого (Jos. Flav., Ant., XVIII, 5, 4). Характерно и то, что Тигран V вернулся к типичной для Арташесидов чеканке монет. Хотя ученые приписывают этому царю различные монетные серии, все они значительно более традиционны, чем монеты Артавазда IV [180, с. 78].

Хронологические рамки правления Тиграна V устанавливаются лишь приблизительно. Можно с большой долей уверенности присоединиться к мнению тех исследователей, которые ограничивают правление царя 6-8 гг. н. э. [120, с. 8; 145, с. 17; 180, с. 90; 191, р. 277; 266, р. 61]. Действительно, воцарение внука Архелая Каппадокийского в Армении могло произойти только после свержения в 4/5 г. н. э. Фраата V, который был давним противником царя Каппадокии [266, р. 61]. В то же время, отношения между Архелаем и Августом должны были ухудшиться из-за смещения последним в 6 г. н. э. этнарха Архелая Иудейского (Jos. Flav., Ant., XVII, 13, 2), зятя Архелая Каппадокийского. После этих событий воцарение Тиграна V представляется маловероятным [266, р. 61]. В "Деяниях божественного Августа" Тигран представлен еще действующим правителем (RGA,

27, 2), и нет необходимости ограничивать его правление одним 6 г. н. э., как это делают некоторые авторы [120, с. 8; 180, с. 90; 191, р. 277].

Недолгое правление Тиграна V объяснимо отсутствием поддержки со стороны армянской знати, очевидно, не принявшей нового римского протече [27, с. 167]. Тигран V по неясным причинам оказывается в Риме, где впоследствии был осуждён и казнён (Тас. *Ann.*, VI, 40). В смещении Тиграна V нельзя, тем не менее, искать парфянский след. Парфией в этот период управлял римский ставленник Вонон, который не мог выступить против интересов своего союзника [27, с. 168; 44, с. 129].

Дальнейшее развитие событий в Армянском царстве практически не отражено в источниках. Лишь Тацит указывает, что в Армении некоторое время царствовала Эрато (Тас. *Ann.*, II, 4), бывшая соправительницей своего брата Тиграна IV. Но Тацит сам внес значительную путаницу в вопрос о последовательности наследования армянского престола. Он поместил правление Эрато непосредственно после атропатенской династии, опустив правление Тиграна V. Еще более усложняет анализ ситуации то, что римскому историку Тигран V был известен, так как именно Тацит сообщает о казни царя в Риме (Тас. *Ann.*, VI, 40).

Сообщение Тацита стало причиной возникновения нескольких гипотез о порядке наследования в Армении. А. Шервин-Уайт помещает коронацию Эрато до Тиграна V [286, р. 326, п. 8]. Г.Х. Саркисян, А.Г. Бокщанин, М. Пани, М.-Л. Шомон считают, что правление Тиграна V предшествовало царствованию Эрато [27, с. 167; 145, с. 17; 212, р. 83; 266, р. 61]. Существует и предположение о совместном правлении Эрато и Тиграна V [120, с. 8; 201, р. 38-39].

Прежде чем коснуться анализа существующих гипотез, необходимо уточнить особенности "Анналов" Тацита как источника по истории Армении конца I в. до н. э. - начала I в. н. э. Как уже отмечалось выше, 3-4 главы 2-й книги "Анналов" не всегда содержат целиком достоверные и упорядоченные сведения. Это очевидно и в случае правления Артавазда III, и в случае с Тиграном V. Подобные неточности, нехарактерные для Тацита, можно объяснить следующим.

Описание армянских событий у Тацита представляет собой не более чем исторический экскурс, цель которого не передача полной информации, а создание у читателя общего представления о событиях на Востоке. Кроме того, на качество источника могла оказать влияние и незавершенность "Анналов" [74, с. 169]. Следовательно, необходимо осторожно подходить к реконструкции событий, если они основываются только на сообщениях Тацита.

Наиболее аргументированной представляется версия о правлении Тиграна V до Эрато, несмотря на то, что она противоречит Тациту. Отсутствие упоминания Эрато в "Деяниях божественного Августа" можно объяснить именно тем, что царица еще не правила к моменту создания документа [266, р. 61]. Гипотеза же о раннем правлении Эрато не подтверждается источниками и не оставляет места правлению Тиграна V, который не мог быть поставлен царем после 6 г. н. э. Предположение о совместном правлении Тиграна V и Эрато прямо противоречит сообщениям источников (Тас. Ann., II, 4).

К сожалению, практически полное отсутствие информации не позволяет определить ни политическую ориентацию Эрато, ни точную дату ее правления. Можно допустить, что Эрато продолжала сохранять проримскую ориентацию, как это было и в первый период ее царствования. Наиболее вероятно, что правила Эрато с 8 по 11 гг. н. э. [266, р. 61]. Но к моменту воцарения Вонона в Армении в 11 г. н. э. она уже была низложена, так как новый армянский царь застал страну без правителя (Тас. Ann., II, 3).

Однако даже скудные сообщения источников позволяют нам сделать важное замечание. Эрато могла опираться или на Рим, или на антиримские группировки в самой Армении, но не на поддержку Парфии, которой все еще управлял римский ставленник Вонон [27, с. 167]. Смещение Эрато с престола было делом рук не парфян и, тем более, не римлян, внимание которых было приковано к событиям на Западе, а акцией какой-либо из групп армянской знати, на что указывает Тацит: "...испытали [армяне] власть женщины, которую звали Эрато, но и она была вскоре низложена...", – перевод наш (*temptatoque feminae imperio, cui nomen Erato, eaque brevi pulsa...*) (Тас. Ann., II, 4).

Косвенным свидетельством участия в заговоре против Эрато исключительно местной армянской знати может быть тот факт, что после ее смещения в Армении не появился новый царь (Тас. Ann., II, 4). Группировкам знати было сложно договориться о компромиссной фигуре монарха. Провинциальную знать, кроме того, должен был устраивать вакуум власти в столице.

Отсутствие реакции римлян на эти события объяснимо по двум причинам. Август был связан тяжелыми войнами на Западе, и у него не было возможности уделять много внимания восточным событиям [27, с. 170; 44, с. 130]. Армения уже не занимала центральное место в римской восточной политике, так как была значительно ослаблена. Август мог не опасаться, что контроль над Арменией мог быть утрачен. Силы самих армян были подорваны, а Парфия находилась под управлением дружественного царя Вонона.

Воцарение в Армении около 11 г. н. э. после бегства из Парфии парфянина Вонона [27, с. 171; 221, р. 153; 286, р. 326], не имевшего прав на армянский престол, лишний раз подчеркивает слабость Армении в это время (Тас. Ann., II, 3). Вонон, безусловно, устраивал римлян, но не был принят всеми армянами [153, с. 116]. Коронация нового монарха, вероятно, не была проведена [180, с. 102]. Но уже при Тиберии римляне отозвали нового армянского монарха [55, с. 222], выполняя требование парфянского царя Артабана III (Тас. Ann., II, 4; Jos. Flav. Ant., 18, 5, 1-2), вновь оставив царство без правителя.

Успех авантюры Вонона подтвердил правильность политики Августа, так как армяне, лишённые правителя, самостоятельно подчинились римскому союзнику. Поэтому римляне сочли возможным выполнить и требование Артабана III, не опасаясь, что Армения может занять антиримскую позицию. Однако ни Август, ни Тиберий не учли появление новой опасности, угрожавшей римскому влиянию в Армении. Именно в момент смещения Вонона источники впервые точно зафиксировали существование в Армении сторонников Парфии. Династы южных регионов выступили в поддержку требований парфянского царя (Jos. Flav., Ant., XVIII, 2, 4). Это сообщение Иосифа Флавия нельзя рассматривать как решающее доказательство наличия мощной пропарфянской группировки знати

в Армении [153, с. 117]. Но оно ясно свидетельствует о росте парфянского влияния в армянских землях [266, р. 83]. В то же время, эти изменения не были замечены в Риме, и ситуация в Армении не вызывала опасений ни у Августа, ни у Тиберия.

Таким образом, к концу правления Августа Армянское царство было окончательно умиротворено и не рассматривалось римлянами ни как опасный противник, ни как важнейший союзник.

Анализ политики Августа в Армении позволяет разделить ее на несколько этапов.

В 20-е годы до н. э. Август не вмешивался в дела Армянского царства, несмотря на антиримскую политику Арташеса II. Это было вызвано не столько желанием избежать конфликта с Парфией, сколько опасением тяжелой войны с достаточно сильным Армянским царством, которое управлялось царем, не остановившемся перед убийством всех римлян в стране.

В 20 г. до н. э. - начале последнего десятилетия до н. э. произошло мирное восстановление римского контроля над Арменией. Август полностью доверял Тиграну III и не вмешивался в действия римского союзника. Такое отношение к мятежному царству объясняется тем, что Август, стремясь избежать военных действий на Востоке, возвратился к старым методам осуществления контроля над союзными государствами.

В течение последнего десятилетия до н. э. - 2 года н. э. Армения в лице Тиграна IV опять продемонстрировала непокорность, не подчинившись римскому ставленнику Артавазду III. Кроме того, армяне сместили Эрато и выступили против следующего римского протече - Ариобарзана. Это приводит к изменению отношения Августа к Армении. Римляне уже не рассматривают царство как надежного союзника. Тот факт, что Тигран IV не смог справиться с Артаваздом III без парфянской помощи, свидетельствует об ослаблении царства и делает возможной интервенцию Гая Цезаря в Армению. Цель римлян - привести страну к полной покорности - не была выполнена, но царство было еще больше ослаблено.

В первом десятилетии н. э. контроль за царством осуществляется с помощью римских ставленников, которые не могут долго удержаться на престоле. Однако

это не вызывает беспокойства в Риме, так как Армения уже не рассматривается как сильный противник, и даже отсутствие зависимого от римлян царя не приводит к активизации политики Августа.

В результате политики Августа Армянское царство было столь ослаблено, что не представляло опасности римским интересам на Востоке, но и не в состоянии было защищать интересы Рима, как это должны были делать римские союзники. В самой же Армении за этот период значительно выросли антиримские и, что более важно, пропарфянские настроения.

Политику Августа в Армении принято считать не совсем удачной [27, с. 169; 79, с. 162-163; 154, с. 172; 180, с. 80; 191, р. 279; 212, р. 84; 252, р. 485; 282, р. 23; 286, р. 335]. Однако ответ на этот вопрос можно дать только после определения цели политики Августа в Армянском царстве.

Что же толкало Рим на сохранение контроля над Арменией? В литературе приводятся различные аргументы: восстановление престижа Рима, максимально возможное расширение границ империи, присвоение богатств Армении, защита торговых путей, использование Армении в качестве буфера перед агрессивной Парфией [27, с. 153; 44, с. 125; 180, с. 80; 191, р. 260; 238, р. 398-399; 250, р. 9; 286, р. 335-339]. Однако эти аргументы не всегда соответствуют действительности.

Совершенно неизвестны случаи эксплуатации Армении римлянами в конце I в. до н. э. - начале I н. э. Тем более, что подобная эксплуатация была бы эффективной, будь Армения провинцией [113, с. 267]. Не менее проблематичны экономические факторы. Проходившие через Армению торговые пути римлянами не контролировались. Сама Армения не производила товары, в которых нуждалась бы Римская империя [98, с. 107].

Вызывает возражение и попытка объяснить армянскую политику Августа опасностью со стороны Парфии. Во-первых, Парфия во времена Августа ни разу не угрожала римским владениям. Во-вторых, парфяне вообще не использовали путь через Армению для нападения на римские провинции. Для парфянской конницы было гораздо удобнее действовать в Сирии [286, р. 337]. Кроме того, римляне не имели значительных войск в Малой Армении и Каппадокии.

Престиж Рима был восстановлен не столько сохранением контроля над Арменией, сколько выдачей Фраатом IV римских пленных. Интересы Августа простирались и далее на Восток, что свидетельствует о расширении власти Рима за пределы влияния, которые были достигнуты в период Республики [204, р. 88; 286, р. 337].

По нашему мнению, более вероятным представляется иное объяснение политики Августа. Армения представляла собой прекрасный плацдарм для удара по Парфии [250, р. 20]. Неудачи римлян в равнинных битвах с парфянской конницей (Красс) делали Армению более вероятным направлением действия римских войск, как это показал Марк Антоний. Август прекрасно понимал опасность вторжения в Парфию в 20 г. до н. э., но это не означает, что он не предусматривал такую возможность в будущем [173, с. 48]. Тем более, что римское общество требовало от принцепса покорения Парфии [27, с. 153, прим. 15]. В таком случае, ненадёжные армянские войска лучше вообще исключить из расчёта, а оставлять в тылу беспокойное государство было опасно. Август извлек урок из ошибок Марка Антония. Вероятно, этот урок хорошо помнил и Траян, превращая Армению в провинцию перед походом в Парфию.

Следовательно, нельзя характеризовать действия Августа в Армении как однозначно неудачные. Август, в отличие от Помпея, не ставил перед собой задачи обязательно сохранить Армению как сильного и надежного союзника. Парфия во время правления Августа уже не представляла такой опасности, как раньше. И хотя Август попытался наладить отношения с Арменией при Тигране III, он не остановился перед разгромом союзного государства, когда возникла такая необходимость. Но цель - сохранение контроля над территорией Армении - была выполнена.

На наш взгляд, политика Августа в Армении действительно потерпела неудачу, но по другим причинам. Римляне, вероятно, продолжали считать, что армяне настроены враждебно по отношению к парфянам и просмотрели усиление в Армении пропарфянской группировки. Постоянные смены монархов значительно ослабили царскую власть в стране, что привело к усилению влияния местной

знати. Не обладавшие поддержкой населения цари не могли сдерживать процессы децентрализации, с которыми активно боролся еще Тигран II.

Было бы неверно объяснять неудачи римской политики противодействием Парфии. За весь период парфяне только раз вмешались в армянские события при Фраате V. За это время не было ни одного парфянского ставленника на армянском престоле. Римско-парфянские отношения были достаточно равными, на парфянском троне впервые надолго оказался римский союзник. Кроме того, даже при Тигране IV армяне пытались избежать тесного союза с парфянами и предпочли союз с Римом.

Основной причиной неудачи, на наш взгляд, было изменение отношения к союзникам в конце I в. до н. э. Неоднократно провозглашаемое Августом возвращение к республиканским ценностям в отношении Армении было не более, чем пропагандой. Фактически, Август после первых неудач в Армении отказался от традиционного для Римской республики разумного отношения к союзным царствам, когда военный и экономический потенциал союзников активно использовался для защиты интересов Рима. Политика Августа со времени похода Гая Цезаря была направлена не на сохранение оборонного потенциала Армении, а на удержание римского контроля за царством, даже путем ослабления страны. Обладавшая значительно большим военным потенциалом Римская империя уже не нуждалась, как могло показаться, в помощи союзников, и их роль во внешней политике римлян уменьшается.

Но ослабленная Августом Армения не повторила путь многих союзных Риму царств, которые утратив былую силу, стали впоследствии римскими провинциями. Воспользовавшись непрочностью власти римских ставленников, представители различных группировок армянской знати постепенно разрушали единство страны, ориентируясь на поддержку соседей. Теперь парфяне могли надеяться на усиление влияния в Армении, как это и случилось в середине I в. н. э.

Вопреки мнению Д. Браунда и А.В. Куликова о взаимовыгодных отношениях римлян с союзными царствами, для Армении союз с Римом имел достаточно негативные последствия [Ср. 29; 80, с. 1; 205; 206;]. И если Август

достиг тактической победы - ослабления и покорности Армении, - то в стратегическом плане успех был не так очевиден. Ослабленная Армения действительно превратилась в «яблоко раздора», став легкой добычей не только римлян, но и Парфии [173, с. 49]. Политика Августа объективно способствовала упадку Армении, превращению царства в арену столкновения римских и парфянских интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование показало, что имеющиеся источники позволяют достаточно надежно реконструировать ход римско-армянских отношений в I в. до н. э., установить движущие силы римско-армянских контактов и на побудительные мотивы поступков армянских царей и римских полководцев, определить причины и степень влияния римско-армянских отношений на развитие Рима и Великой Армении.

Эпизодические римско-армянские контакты в начале II в. до н. э. не привели к установлению устойчивых отношений между двумя государствами вплоть до 90-х гг. I в. до н. э. Очевидно, что первоначально дружественные связи не переросли в постоянные союзнические отношения в силу отсутствия заинтересованности в развитии этих контактов и у римлян, и у армян. Поэтому длительные римско-армянские отношения начались со столкновения интересов Рима и Великой Армении в Каппадокии во второй половине 90-х гг. I в. до н. э. Подробный анализ каппадокийского кризиса показал, что Тигран II не собирался противостоять римской экспансии в Азии. Вторжение армянских войск в Каппадокию в 93-91 гг. I в. до н. э. было вызвано условиями армяно-понтийского союза и стремлением армянского царя усилить свою страну для будущего столкновения с Парфией. Тигран II отказался от борьбы с Римом и избежал открытого конфликта, тщательно скрыв собственно армянское участие в походе 91 г. до н. э. в Каппадокию.

Очевидно, что Тигран II видел врага своей страны не в Римской республике, а в Парфии, борьбу с которой считал неизбежной. Именно такой позицией армянского царя объясняется отказ от участия в первой войне Понтийского царства с Римом на стороне Митридата VI и общее охлаждение армяно-понтийских отношений в дальнейшем. Важно отметить, что и римляне не рассматривали действия Тиграна II как враждебные вплоть до конца 70-х гг. I в. до н. э. Даже вторжение армянских войск в Сирийское царство не вызвало решительного протеста Рима. Единственный эпизод обострения римско-армянских

противоречий после 90-х гг. I в. до н. э. - вторжение армянских войск в Каппадокию около 77 г. до н. э. - не может быть признан окончательно доказанным. Сообщение Аппиана об этом набеге может быть отнесено как к 70-м гг. I в. до н. э., так и к событиям 90-х гг. I в. до н. э. в Каппадокии. Следовательно, Тигран II в 90-70-е гг. смог избежать открытого разрыва с римлянами. И хотя отношения между государствами были далеки от дружественных, царь мог надеяться на налаживание позитивных контактов в дальнейшем.

После успешного проведения парфянской войны и захвата Сирийского царства, Тигран II отказался предоставить помощь Митридату в третьей римско-понтийской войне. Армянский царь, фактически, создал условия для переговоров с римлянами, когда отказался встретиться с бежавшим в его царство Митридатом VI. Однако авантюрная миссия Аппия Клавдия, за спиной которого стоял Луций Лукулл, обострила римско-армянские отношения. В то же время, Тигран II не собирался воевать с Римом и опасался дать малейший повод римлянам к объявлению войны, так как Лукулл не имел права начинать войну с Арменией. Именно этими соображениями, а не беспечностью царя или восстаниями в Сирии, можно объяснить совершенную неготовность армян к войне. Тигран II имел все основания надеяться на то, что Лукулл не решится нападать на Армению без разрешения римского сената, но он не учел роста влияния римских полководцев.

Неудачный ход войны с Луцием Лукуллом заставил армянского царя обратиться за помощью не только к Митридату VI, но и к парфянам, так как переговоры с римским полководцем были невозможны. Однако замена Лукулла Гнеем Помпеем вновь сделала возможным улучшение римско-армянских отношений. Тигран II отказался от борьбы с войсками Помпея, оказав сопротивление римским союзникам парфянам. Безусловное подчинение римлянам в 66 г. до н. э. свидетельствует о стремлении Тиграна II заручиться римской поддержкой для продолжения противостояния с Парфией.

Полное и безоговорочное подчинение Тиграна II Риму изменило отношение Гнея Помпея к Армении. После переговоров с армянским царем около Арташата и похода в Иберию и Албанию римский полководец отказался от планов по максимальному ослаблению царства Тиграна II. Армянский царь не только сохранил свой престол, но и добился статуса "друга и союзника римского народа". Мятежный сын Тиграна II был, фактически, спровоцирован Помпеем на недружественные действия и арестован. Территория Великой Армении, первоначально значительно уменьшенная, впоследствии была увеличена за счет Софены, Кордуэны, Северной Месопотамии. Римляне сохранили за армянским царем титул "царь царей", отказав в праве на этот титул парфянам, что привело к разрыву римско-парфянского союза. Подобные действия Гнея Помпея были вызваны именно стремлением усилить Великую Армению, которая становилась ведущим римским союзником на Востоке. Возникший в 66 г. до н. э. римско-армянский союз, таким образом, отвечал интересам и Тиграна II, и Рима.

В начале I в. до н. э. международная ситуация в Передней Азии обусловила вторжение Тиграна II в сферу влияния римлян. Однако армянский царь пытался избежать открытого конфликта с Римом, в действиях которого видел значительно меньшую опасность, чем в политике Парфии. Даже военное столкновение с римлянами не привело к прекращению попыток Тиграна II улучшить римско-армянские отношения как основу для борьбы с парфянами. Армянский царь нашел возможность признать поражение и подчинился именно римлянам, а не парфянскому царю. Римляне, в лице Гнея Помпея, убедились, что союз с Тиграном II значительно более выгоден, чем ликвидация армянского царства. Благодаря твердой позиции Тиграна II и взвешенному подходу Помпея римско-армянские отношения, переживавшие глубокий кризис, в 66 г. до н. э. были подняты на качественно новый уровень. В 66-64 гг. были созданы условия для превращения Армении в ключевого римского союзника на Востоке перед лицом набирающего силу Парфянского царства.

Однако политические события в Риме вели к разрушению сложившихся римско-армянских отношений. Углубление кризиса Римской республики

оказывало значительное влияние на традиционную политику римлян в отношении союзных государств. Поддержка союзных царств уже не являлась основой внешнеполитической деятельности римских политиков, что подтверждается освобождением Тиграна Младшего Публием Клодием и отсутствием реакции Рима на новую войну Армении с Парфией.

Несмотря на эти изменения, новый армянский царь Артавазд II сохранял верность римлянам вплоть до поражения римлян в битве при Каррах. Переход же Артавазда II на парфянскую сторону был вынужденным шагом. Дальнейшие действия армянского царя подтверждают его проримскую позицию. Артавазд II не принял участия в войнах с Римом на стороне своего нового союзника Парфии. Кроме того, царь пытался найти возможность восстановить дружественные отношения с римлянами. Первую попытку Артавазд II предпринял во время борьбы Юлия Цезаря с Гнеем Помпеем, когда направил ему помощь. Вторая попытка была сделана во время подготовки парфянского похода Юлием Цезарем. Оба эти факта ускользнули от внимания современных исследователей, поэтому можно опровергнуть утверждение об антиримской позиции армянского монарха во второй половине 50-40-х гг. I в. до н. э.

Еще одним свидетельством стремления Артавазда II восстановить союз с Римом можно считать безусловную поддержку армянским царем парфянского похода Марка Антония. На наш взгляд, не оставляет сомнения мирный характер подчинения Артавазда II римлянам. Наиболее дискуссионным вопросом римско-армянских отношений во время парфянского похода Марка Антония остается маршрут движения римских и армянских войск. По нашему мнению, данные источников однозначно свидетельствуют о совместном походе римских и армянских войск. Следовательно, отсутствие армии Артавазда II в составе основных сил Марка Антония не может быть объяснено отдельным маршрутом армян и римлян. Артавазд II вынужден был остаться в арьергарде из-за стремления Марка Антония воспользоваться помощью Мидии-Атропатены, враждебно настроенной по отношению к Армении. Таким образом, Марк Антоний сам лишил себя помощи армянской конницы.

Безусловным преувеличением можно признать утверждение о предательстве Артавазда II на последнем этапе похода. Не отвечает действительности и предположение, что отступая в Армению, армянский царь спасал только свою армию. Армянский царь вернулся в Армению для сохранения пути отступления римской армии, и его действия не вызвали в то время негативной реакции самого Марка Антония. Обвинение Артавазда II в измене возникло позднее, когда Марк Антоний пытался оправдать свое поражение.

Кардинальные изменения римской политики в отношении Армении произошли в 35 г. I в. до н. э. после заключения римско-атропатенского союза. Ради привлечения нового союзника и оправдания собственных неудач Марк Антоний не только арестовал Артавазда II, но и ликвидировал Армянское царство, чем нарушил все внешнеполитические принципы Римской республики. Римский союзник Армения вынуждена была начать борьбу с римлянами, для чего обратилась за помощью к давнему противнику - Парфии.

Ухудшение римско-армянских отношений в течение 50-30 гг. до н. э. негативно отразилось на положении Армении. Артавазд II, имевший объективные причины желать укрепления римско-армянского союза, пытался сохранить союзные отношения с Римом даже в период охлаждения отношений. Парфянская угроза, ставшая еще более реальной во время правления Артавазда II, могла быть отведена только с римской помощью. Но римские полководцы, пренебрежительно относящиеся к своим союзникам, разрушили дружественные отношения между Римом и Арменией. Артавазд II имел веские причины поддерживать парфянский поход Красса. Но самоуверенный отказ триумвира от помощи и непродуманный поход 53 г. до н. э. привели к переходу Армении под парфянский контроль. В то же время, Артавазд II не рассматривал свое подчинение Парфии как окончательное и пытался восстановить союз с римлянами.

Политика Артавазда II, таким образом, была направлена на сохранение дружественных отношений с Римом, союз с которым был единственной гарантией противостояния парфянской агрессии. Провал в 36 г. до н. э. похода Марка Антония в Парфию привел к повторному разрыву римско-армянского союза.

Попытки Артавазда II сохранить проримскую ориентацию закончились неудачей именно из-за действий римлян. В Армении усиливается влияние парфян, которые получили возможность полностью контролировать нового армянского царя.

По нашему мнению, политика Марка Антония не привела к окончательному возвращению Армении в сферу парфянского влияния, но ослабил проримские настроения в стране. Парфяне, очевидно, вновь пытались укрепиться в армянских землях. Стремление Артавазда II опереться на римскую помощь в борьбе с Парфией привело из-за непродуманной политики римлян к усилению парфянского влияния в регионе и к утрате Римом надежного союзника на Востоке.

Стабилизация ситуации в Риме, вызванная победой Октавиана Августа в гражданской войне, оказала значительное влияние на внешнюю политику римлян на Востоке, в том числе и на политику в отношении Великой Армении. Отказ Августа от борьбы с Арташесом II, занявшего демонстративно антиримскую позицию, был вызван не опасением войны с Парфией, как принято было считать, и, тем более, не миролюбием принцепса. Единственной причиной, которая позволила Арташесу II избежать нападения римлян, было опасение Августа ввязаться в вооруженный конфликт непосредственно с Арменией, которая сохраняла значительный военный потенциал. Даже восстановление римского влияния в Армении произошло по инициативе армянской знати, а не в результате действий Августа. Август в 20 г. I в. до н. э. не ожидал свержения армянского царя и только воспользовался призывом армянской знати о помощи. Показательно мирное вступление на престол Тиграна III, что подтверждает самостоятельный выбор армянами проримской ориентации.

Убедившись в прочности римского влияния в Армении, Август отказался от жесткого контроля над царством, вернувшись к традиционной римской политике в отношении союзных государств. Однако стабилизация римско-армянских отношений была сорвана непосредственно после смерти Тиграна III. Причина разрыва римско-армянского союза заключалась в несовпадении внешнеполитической практики армян и римлян в конце I в. до н. э. Руководствуясь принципами взаимоотношений римлян с союзниками, существовавших в

середине I в. до н. э., сын Тиграна III Тигран IV взошел на престол самостоятельно, без предварительного утверждения римлянами. Но римская международная практика к концу I в. до н. э. изменилась, и признание царя стало одним из важнейших атрибутов взаимоотношений Рима с союзниками. Поэтому Август направил на армянский престол своего ставленника - Артавазда III. Именно несогласованность действий Августа и Тиграна IV, а не вмешательство парфян стали причиной разрыва римско-армянских отношений. Парфия в это время не могла вмешиваться в этот конфликт, так как парфянский царь Фраат IV занимал дружественную Риму позицию.

Несмотря на то, что Тигран IV все же воспользовался парфянской помощью впоследствии, анализ событий свидетельствует, что армянский царь вел борьбу с Артаваздом III, который угрожал его власти, но не с Римом. Тигран IV реализовал первую же возможность восстановления отношений с римлянами, вопреки позиции Парфии. Показательно, что Август согласился на признание Тиграна IV царем без предварительных условий.

Новый римско-армянский союз оказался недолговечным из-за быстрой смерти Тиграна IV и смещения с престола царицы Эрато. Август, не желавший терять контроль над Арменией, доверил управление страной атропатенскому царю Ариобарзану, назначение которого привело к восстанию армян. Этот эпизод римско-армянских отношений является одним из ключевых в истории контактов между Арменией и Римом. Август, очевидно, уже не доверял Армении, если пошел на передачу власти в государстве заведомо враждебному местному населению царю. Но Август уже не опасался военного потенциала Армении и не нуждался в нем, так как был готов к военному покорению страны. Подтверждением этому служит поход Гая Цезаря, в ходе которого Армения подверглась значительным разрушениям.

Лишь постоянные попытки свергнуть атропатенскую династию убедили Августа в необходимости направить в Армению царя из дома Арташесидов. Выбор Тиграна V объясняется, на наш взгляд, тем, что этот правитель мог рассчитывать на поддержку части городского населения страны. Уменьшение роли Армении во

внешнеполитических планах римлян на Востоке и очевидная военная несостоятельность страны привели к ослаблению внимания Августа к событиям в царстве после свержения Тиграна V.

Именно в этот период в Армении происходили события, которые определили дальнейшее развитие ситуации в стране. Постоянное вмешательство римлян во внутреннюю политику царства привело к ослаблению царской власти и к усилению различных группировок армянской знати. Нельзя утверждать, как полагало большинство исследователей, что усиливается влияние сторонников парфян. Но роль знати действительно росла, негативно влияя на развитие страны.

Изменение роли Армении во внешней политике римлян при Октавиане Августе состояло в том, что армянское царство уже не рассматривалось в Риме как ключевой союзник на Востоке. Августа интересовал контроль над армянскими землями, которые обеспечивали наиболее удобный путь в Парфию, но не поддержка римлян армянским населением и армянской знатью. Сохранение армянского царства как военной и политической единицы уже не было приоритетом римской политики, что привело к ослаблению Великой Армении и к потере римлянами одного из немногих союзников на Востоке.

В то же время, неверно рассматривать политику Августа в Армении как неудачную. Необходимо учесть, что цели римской политики в Армении при Августе отличались от целей, которые ставил перед собой Гней Помпей. Если Помпей нуждался в Армении как в сильном и надежном союзнике в борьбе с Парфией, то Август уже мог не опасаться парфянской угрозы. Для Августа было важно сохранить контроль за армянской территорией - удобный плацдарм для нападения на Парфию. Поэтому после неудачи римской политики в Армении при Тигране IV, Август решился на вторжение в союзное царство, чем ослабил своего союзника, но гарантировал сохранение римского контроля над армянскими землями.

Однако Август недооценил влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Армении постоянного римского вмешательства. Неоднократная и насильственная смена царей привела к общему ослаблению царской власти в Армянском

государстве и усилению влияния местной знати. Процессы децентрализации, с которыми боролся еще Тигран II, разрушали потенциал Армении как римского союзника. Традиционно антипарфянская политика армянских царей могла не найти поддержки у той части знати, которая была тесно связана с парфянским двором, что вело к усилению парфянского влияния в Армении.

Но не противодействие Парфии осложняло действия римлян в Армении. За весь период парфяне только раз вмешались в армянские события при Фраате V. Им не удалось привести на армянский престол ни единого ставленника. Отношения Рима и Парфии в это время были достаточно равными, и на парфянском троне впервые надолго оказался римский союзник.

По нашему мнению, основной причиной неудачи было изменение отношения к союзникам в Риме в конце I в. до н. э. Провозглашенное Августом возвращение к республиканским ценностям не действовало в отношении Армянского царства. Август уже после первых неудач в Армении отказался от соблюдения интересов своего союзника. Армения, чей военный и экономический потенциал должен был активно использоваться для защиты интересов Рима, подверглась римской интервенции. Политика Августа со времени похода Гая Цезаря была направлена не на сохранение оборонного потенциала Армении, а на удержание римского контроля над царством, даже путем ослабления страны. Очевидно, что выросший военный потенциал Римской империи сделал необязательным помощь римских союзников, и их роль во внешней политике римлян уменьшилась.

Несмотря на кажущийся успех Августа в Армении, ослабленный римский союзник не повторил путь многих зависимых от Рима царств, превращенных впоследствии в римские провинции. Непрочность власти римских ставленников, позволила усилиться представителям различных группировок армянской знати, которые разрушали единство страны, ориентируясь на поддержку соседних государств. Парфяне могли надеяться на усиление влияния в Армении, что и произошло в середине I в. н. э. Союз Армении с Римом при Октавиане Августе привел к ослаблению Армянского царства, которое превращалось в арену борьбы между римлянами и парфянами. Нанеся удар по своему союзнику и достигнув

тактического успеха, Август не смог обеспечить стратегическое преимущество Рима в Армении.

Итак, политика большинства армянских царей, в первую очередь, Тиграна II и Артавазда II была достаточно последовательна. Правители Великой Армении стремились избежать столкновения с римлянами, в которых видели естественных союзников в борьбе с Парфией. Все армянские цари, кроме Арташеса II, были готовы к признанию римской гегемонии, которую предусматривал союз с Римом, отказываясь от подчинения парфянам.

В то же время, менее последовательной была политика римлян в отношении Армении. Гней Помпей в 66-64 гг. I в. до н. э., следуя традиционной римской политике, превратил царство Тиграна II в надежного римского союзника, который должен был обеспечивать поддержку римлянам в период противостояния с парфянами. Армения была включена в систему союзных царств на восточных границах Римской державы. Обоюдные уступки армянского царя и римского полководца позволили ликвидировать основные противоречия между ними. Можно утверждать, что были созданы условия для взаимовыгодного сотрудничества двух государств.

Однако усиление влияния римских полководцев прервало закономерное развитие римско-армянских отношений. Стремясь к достижению личных целей, Марк Красс и Марк Антоний спровоцировали своими действиями новое римско-армянское противостояние. Кроме того, во время гражданских войн в Риме сформировались новые принципы взаимоотношений с союзными царствами, постепенно утрачивающими свое значение во внешней политике римлян.

Октавиан Август, провозгласивший возврат к традиционной римской политике, в действительности, не собирался восстанавливать былое отношение к союзникам и после неудачи своей политики в Армении прибег к вооруженной интервенции, чем еще больше ослабил проримские силы в стране. Неудачи армянских царей - союзников римлян во второй половине I в. до н. э. - вели к ослаблению царской власти и к усилению сепаратистских настроений среди

армянской знати. Армения постепенно теряла статус одного из ведущих государств региона.

Армения стала пределом римского влияния на Востоке не столько в силу географических особенностей, несходства культур или парфянского противодействия, сколько из-за отсутствия последовательной римской политики в отношении Армении во второй половине I в. до н. э.

Таким образом, римско-армянские отношения, превратившиеся в союзные усилиями Тиграна II и Гнея Помпея, оказались впоследствии ослаблены действиями римлян и привели к упадку Великой Армении в конце I в. до н. э. - начале I в. н. э. Рим лишился надежного союзника на Востоке и не смог продолжить дальнейшую экспансию. Армянское царство стало ареной борьбы между Римом и Парфией, что оказало негативное влияние на его дальнейшее развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абебян М. История древнеармянской литературы: Пер. с арм.: В 2 т. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1948. - Т. 1. - 527 с.
2. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. – М., 1995. – 656 с.
3. Абрамзон М.Г. Рим и Киликия во II в. до н. э. - 74 г. н. э.: завоевание и романизация // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. - Казань: Мастер Лайн, 2000. - Ч.1. - С. 292-316.
4. Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. - Магнитогорск: Изд-во МПГУ, 1993. - 196 с.
5. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. - Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971. - 527 с.
6. Акопян А. А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. - 302 с.
7. Акопян А.М. Клад медных парфянских монет из Апарана// ВДИ. - 1982. - № 2. - С. 84-90.
8. Акопян А.П. Тигранакертская битва в новом освещении // ВОНАН АрмССР. - 1983. - № 9.- С. 102-109.
9. Акопян А.П. Экономические и культурные взаимоотношения Армении с Римом (I в. до н. э. - IV в. до н. э.): Автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.02./Моск. гос. ун-т. - М, 1985. - 21 с.
- 10.Александренко В.Н. Международное право Рима // ЖМНП. - 1895. - № 2. - С. 301-322.
- 11.Алиев И. Очерк истории Атропатены. - Баку: Азернешр, 1989. - 160 с.
- 12.Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. - Баку: Элм, 1986. - 131 с.
- 13.Алиев К.Г. Кавказская Албания. - Баку: Элм, 1974. - 364 с.
- 14.Амиранашвили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии// ВДИ. - 1938. - №. 4. - С. 161-173.

- 15.Аппиан. Гражданские войны: Пер с древнегреч.// ИГАИМАП. - 1935. - Вып. 129. - С. 1-210 .
- 16.Аппиан. Митридатовы войны: Пер с древнегреч.// ВДИ. - 1946. - № 4 - С. 235-289.
- 17.Аппиан. Римская история: Пер с древнегреч.// ВДИ. - 1950. - № 2. - С. 264-299.
- 18.Аппиан. Римские войны: Пер с древнегреч. - СПб.: Алетейя, 1994. - 782 с.
- 19.Аппиан. Сирийские дела: Пер с древнегреч.// ВДИ. - 1946. - №. 4. - С. 289-318.
- 20.Астурян А. Политические взаимоотношения между Арменией и Римом. - Венеция, 1912. - 336 с. (на арм. языке).
- 21.Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения: Пер. с чеш. - М.: Юридическая литература, 1989. - 448 с.
- 22.Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма: Пер. с нем. - М.: Наука 1982. – 390 с.
- 23.Бикерман Э. Государство Селевкидов: Пер. с франц. - М.: Наука, 1985. - 264 с.
- 24.Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи: Пер. с англ. - СПб: Центр "Петербургское востоковедение", 1994. - 288 с.
- 25.Бокщанин А.Г. Битва при Каррах // ВДИ. - 1949. - №. 4. - С. 41-50.
- 26.Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: В 2 ч. – М.: Изд-во МГУ, 1960. - Ч. 1. - 251 с.
- 27.Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: В 2 ч. – М.: Изд-во МГУ, 1966. - Ч. 2.- 303 с.
- 28.Борисов А. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении // ВДИ. – 1946. - № 2. – С. 97-104.
- 29.Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. - 1991. - № 4. - С. 34-52.
- 30.Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма// ВДИ. - 1999. - № 1. - С. 73-85.
- 31.Варданян Р.Е. "Аршакидский поворот"// ВДИ. - 1992. - № 4. - С. 106-115.
- 32.Веллей Патеркул. Римская история: Пер с лат.// Немировский А.И., Дашкова М.Ф. "Римская история" Веллея Патеркула. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - С. 64-187.

- 33.Виноградов Ю.Г. Дискуссия// Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. - Тбилиси: Мецниереба, 1985. - С. 628-682.
- 34.Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. до н. э.// ВДИ. - 1994. - №. 2. - С. 151-169.
- 35.Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи// Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. - Тбилиси: Мецниереба, 1985. - С. 589-600.
- 36.Габелко О.Л. Внешняя политика Вифинского царства (Теория и методы изучения)// Методология и методика изучения античного мира. - М., 1994. - С. 54-61.
- 37.Габелко О.Л. Некоторые особенности царской власти в Вифинии// ВДИ. - 1995. - №. 3. - С. 161-172.
- 38.Габелко О.Л. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война// Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. - Казань: Мастер Лайн, 2000. - Ч.1. - С. 226-248.
- 39.Голенко К.В., Раджабали А.Б. Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье// ВДИ. - 1975. - № 2. - С. 71-93.
- 40.Головко І.Д. Боротьба між Римом і Парфією в період від першого до другого тріумвірату// Матеріали з археології Північного Причорномор'я. - 1960. - Вип. 3. - С. 113-125.
- 41.Головко И.Д. Рим и Парфия во время второго триумvirата// Зап. Одес. археол. общ-ва. - 1960. - Т. 1. - С. 137-153.
- 42.Головко І.Д. Римско-парфянські відносини в першій половині I століття до н. е.//Праці ОДУ. Серія істор. наук. - 1959. - Т. 149. - Вип. 7. - С. 69-80.
- 43.Головко И.Д. Римско-парфянские политические взаимоотношения в I в. до н. э.: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02/ Одес. гос. ун-т. - Одесса, 1962. - 16 с.
- 44.Головко И.Д. Парфия и Рим во время принципата Августа // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – 1962. – Вып. 4. - С. 121-132.

45. Голубцова Е.С. Боспорское царство на рубеже нашей эры// ВДИ. - 1949. - №. 4. - С. 87-98.
46. Горенштейн В.С. Гай Саллюстий Крисп// Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. – М.: Наука, 1981. – С. 148-164.
47. Гранд К. Армен. Артавазд Второй и Антоний// ИФЖ. - 1970. - № 3. - С. 195-210. (на арм. языке).
48. Дельбрюк Г. История военного искусства: Пер с нем.: В 3-х т. - М.: Воениздат, 1936. - Т. 1. - 461 с.
49. Деяния божественного Августа: Пер с лат.// Шифман И.Ш. Цезарь Август. - Л.: Наука, 1990. - С. 189-199.
50. Джавадов И.Ш. Кавказская Албания в международных отношениях середины I в. до н. э.: Автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.03/ Ин-т востоковедения АН СССР. - М., 1973. - 20 с.
51. Джавадов И.Ш. О сражении кавказских албанцев и иберов против римлян в 66 г. до н. э.// ВДИ. - 1971. - №. 3. - С. 154-159.
52. Дзагурова В.П. Введение к переводу// ВДИ. - 1951. - №. 1. - С. 287.
53. Дреер М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания // ВДИ - 1994. - № 1. - С. 20-32.
54. Дройзен И.Г. История эллинизма: Пер с нем.: В 3 т. - М., 1893. - Т. 3.- 467 с.
55. Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. - 442 с.
56. Евтропий. Краткая история от основания Города: Пер. с лат.// Римские историки IV века. - М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.- С. 7-73.
57. Егоров А.Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 225 с.
58. Егоров А.Б. Цезарь, Август и римский сенат// Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. - Санкт-Петербург, 2002. - С. 125-136.
59. Еремян С.Т. "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци 1500 лет// ВДИ. - 1984. - №. 2. - С. 185-194.

60. Журавлев Ю.Е. Некоторые аспекты восточной политики Римской республики нач. II в. до н. э. и современная западная историография// Изв. Сев.-Кавказск. науч. центра высш. школы. Серия обществ. наук. - 1975. - №. 3. - С. 72-76.
61. Журавлев Ю.Е. Римско-селевкидские отношения накануне и во время III Македонской войны// Проблемы истории докапиталистических формаций. - М.: Изд-во МГУ, 1978. - С. 3-15.
62. Зелинский Ф.Ф. Римская империя: Пер. с польск. - СПб.: Алетейя, 1999. - 490 с.
63. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. - первая половина VI в.). - К., 1998. - 200 с.
64. Ибатуллин Р.У. Княжество Кордуэна в римско-персидско-армянских отношениях середины IV в. н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. - Казань: Мастер Лайн, 2000. - Ч. 1. - С. 333-344.
65. Ильинская Л.С. К вопросу о взаимоотношениях восточных провинций с Римом в период Митридатовых войн// Уч. зап. Ярослав. пед. ин-та. - 1966. - Вып. 58. - С. 128-148.
66. История армянского народа: С древнейших времен до наших дней/ Под ред. М.Г. Нерсисяна. - Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. - 460 с.
67. История древнего мира/ Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой: В 3 т.- М.: Наука, 1989. - Т. 2.: Расцвет древних обществ. - 572 с.
68. История Ирана/ Под ред. М.С. Иванова. - М: Изд-во МГУ, 1977. - 488 с.
69. Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим// Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. - Х.: Бизнес Информ, 2000 г. - С. 192-227.
70. Кареев И. Монархии Древнего Востока и греко-римский мир. - СПб., 1908. - 405 с.
71. Карышковский П.О. О титулатуре Митридата VI Евпатора (К вопросу об иранских и эллинских традициях в Понтийской дежаве)// Причерноморье в

- эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. - Тбилиси: Мецниереба, 1985. - С. 572-581.
72. Кащеев В.И. Полибий и внешняя политика Рима в конце III - первой половине II вв. до н. э.// Из истории социально-этических и политико-правовых идей. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. - С. 44-51.
73. Кащеев В.И. Проблема римской политики на эллинистическом востоке: историографический и методологический аспекты// Методология и методика изучения античного мира. - М., 1994. - С. 166-168.
74. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. - М.: Наука, 1981. - 208 с.
75. Кошеленко Г.А. Внутриполитическая борьба в Парфии// ВДИ. - 1963. - № 3. - С. 56-68.
76. Кошеленко Г.А. Родина парфян. - М.: Советский художник, 1977. - 175 с.
77. Коломийцев В.Ф. Методология истории. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. - 191 с.
78. Крисяшарян С.М. К интерпретации некоторых сведений древнегреческих авторов об Армении// Проблемы античной истории и культуры: В 2 ч. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. - Ч. 1. - С. 128-134.
79. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: Пер. с нем.: В 2 т. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - Т. 1. - 576 с.
80. Куликов А.В. Восточная политика Рима от Гракхов до Цезаря (133-44 гг. до н. э.): Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02/ Моск. пед. ун-т. - М., 1992. - 15 с.
81. Кянджущян И.Г. Римско-армянские отношения эпохи принципата: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 - Ереван, 1953. - 161 с.
82. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи: Пер. с франц. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. - 400 с.
83. Левек П. Эллинистический мир: Пер. с франц. - М.: Наука, 1989. - 252 с.
84. Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. - М.: Наука, 1991. - Т. 3. - 767 с.
85. Тит Ливий. Римская история от основания города: В 6 т. - М., 1896. - Т. 6. - 679 с.

- 86.Литовченко С.Д. Армения в восточной политике Марка Антония// Вісник Харк. ун-ту. - 2000. - № 485: Історія. - Вип. 32. - С. 21-32.
- 87.Литовченко С.Д. Особенности азиатской политики Рима в конце III – первой трети II веков до н. э.// Материалы Международной конференции молодых историков. - Харьков, 1994. - С. 7-12.
- 88.Литовченко С.Д. Рим и Великая Армения в конце 50-40-х гг. I в. до н. э.// Вісник Харк. ун-ту. - 2003. - №. 594: Історія. - Вип. 35. - С. 13-22.
- 89.Литовченко С.Д. Римская политика в Армении при Августе// // Вісник Харк. ун-ту. - 1999. - № 441: Історія. - Вип. 31. - С. 55-66.
- 90.Литовченко С.Д. Эволюция положения союзных Риму азиатских монархий во второй половине II века до н. э. - I веке до н. э. // Материалы Международной конференции молодых историков. - Харьков, 1994. - С. 118-123.
- 92.Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения: В 2 ч. - Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1981. - Ч.1. - 326 с.
- 93.Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. - Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 199 с.
94. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. - Баку: Элм, 1986. - 280 с.
- 95.Манандян Я.А. Критический обзор истории армянского народа: В 3 ч. - Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1944. - Ч. 1. - 367 с. (на арм. языке).
- 96.Манандян Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье// ВДИ. - 1939. - №. 4. - С. 70-82.
- 97.Манандян Я.А. Начальная история Армении Мар Абаса// Палестинский сборник. - 1956. - Вып. 2. - С. 68-86.
- 98.Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в до н. э. - XV в. н. э.). - Ереван: Изд. Ер. ун-та, 1954. - 347 с.
- 99.Манандян Я.А. Тигран II и Рим: Пер. с арм. - Ереван: Изд-во АрмФАН, 1943. - 240 с.

100. Манасерян Р. Л. Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93-91 гг. до н. э.// ВДИ - 1985. - № 3. – С. 113-119.
101. Манасерян Р.Л. Международные отношения на Переднем Востоке в 80-70-х гг. до н. э. (Тигран II и войска с берегов Аракса)// ВДИ. – 1992. - №. 4. - С. 152-159.
102. Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II// ВДИ. - 1982. - № 2. - С. 78-87.
103. Манасерян Р.Л. Тигран Второй и римско-понтйская война 73-71 гг. до н. э.// ВОНАН АрмССР. – 1977. - №. 5. – С. 102-108.
104. Мартиросян А. Армения по карте Пейтингера (IV в.)// ИФЖ. - 2002. - №. 2. - 142-147.
105. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 687 с.
106. Мемнон. О Геракле: Пер. с древнегреческ.// ВДИ. - 1951. - №. 1. - С. 289-316.
107. Мишулин А.В. Объявление войны и заключение мира у древних римлян // Исторический журнал. - 1944. - № 10-11. - С. 103-113.
108. Молев Е.А. Малая Армения и Митридат Евпатор// Проблемы античной истории и культуры: В 2 ч. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. - Ч. 1. - С. 185-190.
109. Молев Е.А. Митридат Евпатор. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. - 76 с.
110. Моммзен Т. История Рима: В 5 т. - М.: Изд-во ин. лит-ры, 1949. - Т. 5: Провинции от Цезаря до Диоклетиана. - 632 с.
111. Моммзен Т. История Рима: В 4 т. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - Т. 2. - 640с.
112. Моммзен Т. История Рима: В 4 т. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - Т. 3. - 640 с.
113. Моммзен Т. История Рима: В 4 т. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - Т. 4. - 640 с.

114. Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. - М.: Наука, 1988. - 142 с.
115. Мушегян Х.А. Денежное обращение в Армении (V в. до н. э.- XV в. н. э.). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. - 351 с. (на арм. языке).
116. Мушегян Х.А. Из истории денежного обращения в античной Армении// ИФЖ. - 1970. - №. 3. - С. 65-94 (на арм. языке).
117. Мушегян Х.А. К истории денежного обращения античной Армении// Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. - М.: Наука, 1978. - С. 135-141.
118. Мушегян Х.А. Монетные клады Армении. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. - 185 с. (на арм. языке).
119. Мушегян Х.А. О распространении эллинистических монет в Армении// Проблемы античной истории и культуры: В 2 ч. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. - Ч.1. - С. 191-197.
120. Мушегян Х.А. Портреты армянских царей эпохи эллинизма. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. - 10 с.
121. Мушегян Х.А., Саркисян Г.Х. Государственный строй Армении в эллинистическую эпоху// История армянского народа: В 8 т. - Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1971. - Т. 1. - С. 667-700. (на арм. языке)
122. Немировский А.И. Веллей Патеркул и его исторический труд// ВДИ. - 1983. - №. 4. - С. 209-226.
123. Немировский А.И. Дашкова М.Ф. Луций Флор - историк Древнего Рима. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. - 167 с.
124. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей: В 2 т. - Харьков, 1906. - Т. 1. - Вып. 2. - С. 233-522.
125. Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. - 148 с.
126. Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. - 186 с.

127. Перл Г. Эры вифинского, понтийского и боспорского царств // ВДИ. – 1969. - №. 3. – С. 30-69.
128. Пигулевская Н.В. Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи// Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. - Л.: Наука, 1976. - С. 67-94.
129. Плутарх. Избранные жизнеописания: Пер. с древнегреч.: В 2 т.- М.: Правда, 1987. - Т. 2. - 608 с.
130. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Пер. с древнегреч.: В 3 т. - М.: Наука, 1964. - Т 3. - 546 с.
131. Полибий. Всеобщая история: Пер. с древнегреч.: В 3 т. - М., 1899. - Т. 3. - 758 с.
132. Полибий. Всеобщая история: Пер. с древнегреч.: В 3 т. - СПб.: Наука, 1994. - Т. 2. - 422 с.
133. Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - 264 с.
134. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - 382 с.
135. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения: Пер. с лат. - М.: Наука, 1981. - 220 с.
136. Сапрыкин С.Ю. Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху// Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. - Казань: Мастер Лайн, 2000. - Ч. 1.- С. 159-177.
137. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Автореф. дис... док. ист. наук: 07.00.03/ Мос. гос. ун-тет. - М., 1992. - 49 с.
138. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. - М.: Наука, 1996. – 348 с.
139. Сапрыкин С.Ю. Царская власть и психология масс в Понтийском царстве// Социальные структуры и социальная психология античного мира. - М, 1993. - С.38-50.
140. Саркисян Г.В. Бронзовая монета армянского царя Артавазда IV// Нумизматика и эпиграфика. - 1978. - Т.12. - С. 7-9.

141. Саркисян Г.Х. Армения в правление Артавазда II и его преемников// История армянского народа: В 8 т. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. - Т. 1. - С. 603-634. (на арм. языке).
142. Саркисян Г.Х. "История Армении" Мовсеса Хоренаци. - Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1986. - 56 с.
143. Саркисян Г.Х. Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении// ВДИ. - 1966. - №. 2. - С. 3-26.
144. Саркисян Г.Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. - 159 с.
145. Саркисян Г.Х. Царица Эрато// Кавказ и Византия. - 1988. - №. 6. - С. 11-19.
146. Саркисян Г.Х. Черты эллинизма в духовной культуре древней Армении// ИФЖ. - 1976. - №. 3. - С. 51-62.
147. Севастьянова О.И. Новый труд по истории древней Армении // ВДИ. - 1946. - № 2. - С. 112-118.
148. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей: Пер с лат. - М.: Правда, 1991. - 512 с.
149. Селецкий Б.П. О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90-х годов I в. до н. э.// ВДИ – 1978. - № 3. – С. 204-216.
150. Смыков Е.В. Парфянский поход Марка Антония (36-й год до н.э.) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. - С.111-120.
151. Смыков Е.В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла)// Межгосударственные отношения и дипломатия в античности: В 2 ч. - Казань: Мастер Лайн, 2000. - Ч. 1.- С. 317-322.
152. Степанян А.А. К интерпретации Страбоновой версии истории Армении // ИФЖ. - 1980 - № 3. - С. 251-267.
153. Степанян А.А. Политическая обстановка в Армении во втором десятилетии I в. до н. э.// Сб. науч. трудов аспирантов Армян. гос. пед. ин-та. - 1971. - Вып. 3. - №. 5. - С. 115-124.

154. Степанян А.А Рандейский договор и коронация Тиридата Аршакида в Риме// ИФЖ. - 1973. -№. 3 - С. 171-183.
155. Страбон. География: Пер. с древнегреч. – М.: Ладомир, 1994. - 942 с.
156. Тарн В.В. Эллинистическая цивилизация: Пер. с англ. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1949. - 372 с.
157. Корнелий Тацит. Анналы: Пер. с лат.// Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. - Л.: Наука, 1969 - Т. 1.: Анналы. Малые произведения. - С. 7-326.
158. Тер-Исраэлян С.Г. К вопросу о причинах возвращения армянской конницы во время парфянского похода М. Антония// Науч. труды Армян. гос. пед. ин-та. Серия обществ. наук. – 1967. – Вып. 2. - С. 209-248.
159. Тер-Исраэлян С.Г. Место армянской конницы в военном плане римского командования в связи с началом парфянского похода М. Антония// Сб. науч. трудов Армян. гос. пед. ин-та. Серия история. - 1966. - № 1. - С. 105-151.
160. Тирацян Г.А. Армянская тиара// ВДИ. - 1982. - №. 2. - С. 90-95.
161. Тирацян Г.А. Культура древней Армении, VI в. до н. э. -III в. н. э. (по археологическим данным). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. - 206 с.
162. Тирацян Г.А. О торговых связях Армении с Сирией// Палестинский сборник. - 1956. - №. 4. - С. 73-78.
163. Тирацян Г.А. Портретное искусство Армении по монетам Тиграна II и Артавазда II// ИФЖ. - 1973. - №. 3. - С.43-60.
164. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 294 с.
165. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантикапее// ВДИ. - 1993. - №. 2. - С. 50-74.
166. Трухина Н.Н. Внешняя политика римского сената накануне и в годы Сирийской войны (197-189 гг. до н. э.)// Проблемы всеобщей истории. - М.: Изд-во МГУ, 1973. - С. 324-343.
167. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. - М.: Наука, 1965. - 228 с.
168. Утченко С.Л. Цицерон и его время. - М.: Мысль, 1973. - 390 с.
169. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. - М.: Мысль, 1976. - 365 с.

170. Фавст Бузанд. История Армении: Пер. с древнеарм. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1953. - 239 с.
171. Фазили А.Г. Борьба атропатенцев против римских захватчиков (36 г. до н. э.) // Проблемы античной истории и культуры: В 2 ч. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. - Ч. 1. - С. 294-299.
172. Федорова Е.В. Люди императорского Рима. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 366 с.
173. Феррари Ж.–Л. Восток и Запад “ойкумены” от Александра Великого до Августа: история и историография// ВДИ. – 1998. - № 2. - С. 32-50.
174. Ферреро Г. Величие и падение Рима: В 5 т. - М., 1917. - Т. 3.: От Цезаря до Августа. - 507 с.
175. Иосиф Флавий. Иудейская война: Пер с древнегреч. - Минск: Беларусь, 1991. - 512.
176. Иосиф Флавий. Иудейские древности: Пер с древнегреч.: В 2 т. - Минск: Беларусь, 1994. - Т. 2. - 606 с.
177. Луций Анней Флор: Пер. с лат. //Немировский А.И. Дашкова М.Ф. Луций Анней Флор - историк Древнего Рима. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. - С. 43-162.
178. Фронтин. Стратегемы: Пер. с древнегреч.// ВДИ. - 1946. - №. 1. - С. 219-306.
179. Халатьянц Г. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского: В 2 ч. – М, 1903. - Ч. 1.: Исследование.- 400 с.
180. Хачикян А.Э. Восточная политика Рима в период становления принципата (Август - Клавдий) и Армения. Дисс... канд. ист. наук. - Ереван, 1988. – 160 с.
181. Мовсес Хоренаци. История Армении: Пер. с древнеарм. - Ереван: Айастан, 1990. - 291 с.
182. Гай Юлий Цезарь. Записки об Александрийской войне: Пер с лат.// Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: В 2 т. - М. : День, 1991. - Т. 2. - С. 101-131.

183. Цицерон Марк Туллий. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Брутту: Пер. лат.: В 3 т. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - Т. 3. - 826 с.
184. Цицерон Марк Туллий. Речи: Пер. с лат.: В 2-х т. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - Т. 1. - 443 с.
185. Цицерон Марк Туллий. Речи: Пер. с лат.: В 2-х т. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - Т. 2. - 400 с.
186. Шелов Д. Б. Колхида в системе понтийской державы Митридата VI// Кавказ и Средиземноморье. - Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1980. - С. 201-207.
187. Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I-III вв. н. э.). - М.: Наука, 1977. - 310 с.
188. Шифман И.Ш. Цезарь Август. - Л.: Наука, 1990. - 197 с.
189. Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток: Пер. с франц. - М.: Искусство, 1985. - 206 с.
190. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога: Пер. с древнегреч.// ВДИ. - 1955. - №. 1. - С. 199-243.
191. Anderson J.G. The Eastern frontier under Augustus// CAH: In 14 v. - 1-st ed. - Cambridge, 1934. - V. 10. - P. 254-279.
192. Appiani historia Romana/ Ed. P. Viereck, A.G. Roos and E. Gabba: In 2 Bd. - Leipzig, 1962. - Bd. 1. - 538 s.
193. Appian's Roman history/ Ed. P. Viereck: In 4 v. - Cambridge, 1961. - V. 3. - 566 p.
194. Appian's Roman history/ Ed. P. Viereck: In 4 v. - Cambridge, 1964. - V. 4. - 616 p.
195. Asdourian P. Die politischen Beziehungen zwischen Armenien und Rom. - Venedig, 1911. - 196 s.
196. Babelon E. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale: les rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène. - Paris, 1890. - 290 p.
197. Badian E. Roman Imperialism In the Late Republic. - L., 1971. - 117 p.

198. Badian E. Rome and Antiochus the Great: A study in cold war // Classical philology. – 1959. - V. 54. - № 2. - P. 81-99.
199. Badian E. Sulla's Cilician Command// Studies in Greek and Roman History. – Oxford, 1964 - P. 157-178.
200. Bedoukian P.Z. Classification of the Coins of the Artaxiad Dynasty of Armenia// Museum Notes. - 1968. - №. 14. - P. 41-66.
201. Bedoukian P.Z. Coinage of the Artaxiads of Armenia. - L., 1978.– 81 p.
202. Bengtson H. Zum Partherfeldzug des Antonius. - Munchen, 1974. - 48 s.
203. Bowersock G.W. Augustus and the East: The Problem of the Succession/ Caesar Augustus: Seven Aspekts. - Oxford, 1984. - P. 169-188.
204. Bowersock G.W. A Post-Imperialism Perspective on the Roman Empire// ВДИ. - 1997. - №. 4. - P. 86-93.
205. Braund D. Client Kings // Exeter Studies In History. -- 1988. - №. 18 – P. 69-96.
206. Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. - L., 1984. - 250 p.
207. Caesar. Commentarii/ Ed. R.L.A. Du Pontet: In 2 v. - Oxford, 1963. - V. 2: Libri III de Bello Civilicum. Libris incertorum auctorum de Bello Alexandrino, Africo, Hispaniensi. - 304 p.
208. Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt/ Ed. U.P. Boissevain: In 3 Bd. – Berlin, 1955. - Bd. 1. – 529 s.
209. Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt/ Ed. U.P. Boissevain: In 3 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 2. – 690 s.
210. Cassii Dionis Cocceiani historiarum Romanarum quae supersunt/ Ed. U.P. Boissevain: In 3 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 3. - 776 s.
211. Cassius Dio. The Roman History. The Reign of Augustus: Trans. from old greek. – L., 1987. – 348 p.
212. Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et L'Iran// Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: In 2 Tl. - Berlin, 1979. - Tl. 2, Bd. 9, Hb. 1.- P. 71-194.
213. Cicero. Epistulae/ Ed. W.S. Watt: In 3 v. – Oxford, 1982. - V.1. - 566 p.
214. Cicero. Epistulae/ Ed. W.S. Watt: In 3 v. – Oxford, 1965. - V.2. - P. 1. - 354 p.

215. Cicero. *Epistulae*/ Ed. D.R. Shackleton Bailey: In 3 v. – Oxford, 1963. - V.2. - P. 2. - 326 p.
216. Cicero. *Epistulae*/ Ed. W.S. Watt: In 3 v. – Oxford, 1963. - V.3. - 236 p.
217. Cicero: *Orationes*/ Ed. A.C. Clark: In 6 v. – Oxford, 1963. - V. 1. - 350 p.
218. Cicero: *Orationes*/ Ed. W. Peterson: In 6 v. – Oxford, 1963. - V. 3. - 486 p.
219. Cicero: *Orationes*/ Ed. A.C. Clark: In 6 v. – Oxford, 1963. - V. 4. - 341 p.
220. Cicero: *Orationes*/ Ed. W. Peterson: In 6 v. – Oxford, 1963. - V. 5. - 308 p.
221. Debevoise N.C. *A Political History of Parthia*. - Chicago, 1969. - 303 p.
222. Diodorus of Sicily. *Bibliotheca historica*/Ed. F.R. Walton: In 12 v. - Cambridge, 1967. - V. 11. - 456 p.
223. Diodorus of Sicily. *Bibliotheca historica*/Ed. F.R. Walton: In 12 v. - Cambridge, 1968. - V. 12. - 294 p.
224. Dittenberger W. *Armenia et Media Atropatene/ Orientis graeci Inscriptiones selectae*: In 2 v. - Lipsiae, 1903. - V. 1. - P. 588-591.
225. Eckhardt K. *Die Armenischen Feldzuge des Lucullus*// *Klio*. - 1909. - V. 9. - S. 400-412.
226. Eckhardt K. *Die Armenischen Feldzuge des Lucullus*// *Klio*. - 1910. - V. 10. - S. 96-100.
227. *Eutropii Breviarium ab urbe condita*/ Rec. C. Satini. – Lipsiae, 1992. - 87 p.
228. *Flavii Iosephi opera*/ Ed. B. Niese: In 6 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 1:
Antiquitates Judaicae. – 362 s.
229. *Flavii Iosephi opera*/ Ed. B. Niese: In 6 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 2:
Antiquitates Judaicae. – 392 s.
230. *Flavii Iosephi opera*/ Ed. B. Niese: In 6 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 3:
Antiquitates Judaicae. – 409 s.
231. *Flavii Iosephi opera*/ Ed. B. Niese: In 6 Bd. - Berlin, 1955. - Bd. 4:
Antiquitates Judaicae. – 320 s.
232. *Flavii Iosephi opera*/ Ed. B. Niese: In 6 Bd. - Berlin, 1955. - Bd.6: *De bello Judaico libri VII*. – 628 s.

233. Juli Flori epitomae de T. Livio bellorum omnium annorum DCC libri II/ Ed. C. Halm. – Lipsiae, 1854. - 125 p.
234. Juli Frontini Strategematon libri quattuor / Ed. G. Gundermann. - Lipsae, 1888. - 176 p.
235. Gardner P. On an unpublished coin of Artavasdes II, King of Armenia// Numismatics chronicles. - 1872. - №. 12. - P. 9-15.
236. Gardthausen V. Augustus und seine Zeit: In 3 Bd. – Leipzig, 1891. - Bd. 1. - 481 s.
237. Grosso F. La Media Athropatene e la politica di Augusto// Atheneum. - 1957. - №. 35. - P. 240-256.
238. Gruen E.S. The Imperial Policy of Augustus// Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate. - Berkley, 1990. - P. 395-416.
239. Gutschmid A. von. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer : von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. – Teubingen, 1888. - 172 s.
240. Hewsen R.H. Introduction to Armenian historical Geography// Revue des études arméniennes. - 1978-79. - №. 13.- P. 77-97.
241. A History of the Jewish People/ Ed. H.H. Ben-Sasson - Cambridge, 1976. - 1170 p.
242. Inscriptiones graeci urbis Romae/ Ed. L. Moretti: In 4 v. - Rome, 1990. - V. 4. - 426 p.
243. Isaac B.H. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. - Oxford, 1992. - 510 p.
244. Isaac B.H. The Near East under Roman Rule. - Brill, Leiden, N.Y., Köln, 1998. - 481 p.
245. Justini Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi/ Rec. F. Ruehl. – Leipzig, 1886. - 315 p.
246. Kromayer J. Der Partherzug des Antonius// Hermes. - 1891. – Bd. 31. - S. 71-103.
247. Langlois V. Numismatique de l'Arménie. – P., 1859. - 87 p.

248. Litovchenko S.D. Roman hostages// International Students of History Association Journal. - 1994. - № 2. - P. 226-228.
249. Titi Livi ab urbe condita libri/ Rec. W. Weissenborn: In 5 Bd. – Lipsiae, 1854. - Bd. 5. - 319 p.
250. Luttwak E. Grand Strategy of the Roman Empire. - Baltimore, London, 1976. - 255 p.
251. MacGing D. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, king of Pontus. - Leiden, 1986. - 201 p.
252. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ: In 2 v. – Princeton, New Jersey, 1950. - V. 1.: Text. - 773 p.
253. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ: In 2 v. – Princeton, New Jersey, 1950. - V. 2.: Notes. - 1661 p.
254. Malitz J. Caesars Partherkrieg// Historia. - 1984. - №. 33. - S. 21-59.
255. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum: In 5 v. – L., 1923. – V. 1. - 464 p.
256. Memnonis Per[^] `Hrakle...aj// Fragmenta historicorum Graecorum/ Rec. K. Müller: In 4 v. – P., 1849. - V. 3. - P. 525-558.
257. Millar F. The Roman Coloniae at the Near East: a Study of Cultural Relation// Commentationes Humanarum Litterarum. - 1990. - V. 91. - P. 7-59.
258. Millar F. The Roman Near East 31 BC.-AD. 332. - L., 1993. - 587 p.
259. Mitchel S. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule // Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor: In 2 v. – Oxford, 1993. - V. 1. – 261 p.
260. Mommsen T. Res gestae divi Augusti. Ex monumenti Ancyrano et Apolloniensi. - Berolini, 1883. - 223 p.
261. Murphy J. Pompey's Eastern Acta// The Ancient History Bulletin. - 1993. - №. 7.4. - P. 136-142.
262. Newell E.T. Some unpublished coins of eastern dynasts// Numismatics notes and monographs. - 1926. - №. 30. - P. 13-15.
263. Olshausen E., Biller J. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und des Armenischen Reiches: In 2 Tl. - Wiesbaden, 1984. - Tl. 1.:

Untersuchungen zur Historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatiden. - 276 s.

264. *Orientis graeci inscriptiones selectae*/ Ed. W. Dittenberger: In 2 v. - Lipsiae, 1903. - V.1. - 582 p.
265. Paulus Orosius. *Historiarum Adversum Paganos libri VII*/ Ed. C. Zungemister. – Lipsiae, 1889. - 819 s.
266. Pani M. *Roma e re d'Oriente da Augusto a Tiberio (Cappadocia, Armenia, Media Atropatene)*. - Bari, 1972. - 295 p.
267. L. Patterson. *Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia*// *The Ancient History Bulletin*. - 2001. - № 15.4. - P. 154-162.
268. Plutarchus. *Antonius*/ Ed. K. Ziegler// *Plutarchi vitae parallelae*: In 3 Bd. - Leipzig, 1971. - Bd. 3.1. - S. 60-148.
269. Plutarchus. *Caesar*/ Ed. K. Ziegler// *Plutarchi vitae parallelae*: In 3 Bd. - Leipzig, 1968. - Bd. 2.2. - S. 253-337.
270. Plutarchus. *Cicero*/ Ed. K. Ziegler// *Plutarchi vitae parallelae*: In 3 Bd. - Leipzig, 1964. - Bd. 1.2. - S. 312-368.
271. Plutarchus. *Crassus*/ Ed. K. Ziegler// *Plutarchi vitae parallelae*: In 3 Bd. - Leipzig, 1964. - Bd. 1.2. - S. 126-177.
272. Plutarchus. *Lucullus*/ Ed. K. Ziegler// *Plutarchi vitae parallelae*: In 3 Bd. - Leipzig, 1969. - Bd. 1.1. - S. 359-419.
273. Plutarchus. *Pompeius*/ Ed. B. Perrin// *Plutarch's lives*: In 11 v. - Cambridge, 1968. - V. 5. - P. 116-324.
274. Plutarchus. *Sulla*/ Ed. B. Perrin// *Plutarch's lives*: In 11 v. - Cambridge, 1968. - V. 4. - P. 324-444.
275. *Polybii historiae*/ Ed. T. Buettner-Wobst: In 4 Bd. - Stuttgart, 1965. - Bd. 3. - 430 s.
276. *Polybii historiae*/ Ed. T. Buettner-Wobst: In 4 Bd. - Stuttgart, 1967. - Bd. 4. - 512 s.
277. Rawlinson A. *The sixth Great Oriental monarchy*. – N. Y., 1873. - 458 p.
278. Reinach T. *Mithridate Eupator, roi de Pont*. – P., 1896. - 494 p.

279. *Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis: Ancyrano et Apolloniensi graecis* / Ét. J. Gagé— Paris, 1977. - 232 p.
280. Rice-Holmes T. *Architect of the Roman Empire: In 2 v.* - Oxford, 1928. - V. 1. - 285 p.
281. *C. Sallustii Crispi Catilina, Iugurtha: Ex historiis orationes et epistulae*/ Ed. A. Eussner. - Lipsiae, 1888. - 146 p.
282. Sartre M. *L'orient romain. Provinces et societes provinciales en Mediterranee orientale d'Auguste aux Severes (31 avant J.-C. - 235 apres J.-C.)* - Paris, 1991. - 632 p.
283. *Iohannis Scylitzae Synopsis Historiarum*/ Rec. I. Thurn. - Berolini, 1973. - 579 p.
284. Seyrig H. *Trésor Monétaire de Nisibe*// *Revue numismatique.* - Paris, 1955. - P. 86-99.
285. Sherwin-White A. N. *Ariobarsanes, Mithridates and Sulla*// *CQ.* - 1977. - V. 27. - P. 173-183.
286. Sherwin-White A. N. *Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A. D. 1.* – L., 1984. - 352 p.
287. Sherwin-White A.N. *Roman Involvement m Anatolia, 167-88 B.C.* // *JRS.* - 1977. - V. 67. - P. 62-75.
288. *Strabonis geographica*/ Ed. A. Meineke: In 3 Bd. - Leipzig, 1969. - Bd. 1. - 396 s.
289. *Strabonis geographica*/ Ed. A. Meineke: In 3 Bd. - Leipzig, 1969. - Bd. 2. - 417 s.
290. *Strabonis geographica*/ Ed. A. Meineke: In 3 Bd. - Leipzig, 1969. - Bd. 3. - 358 s.
291. *C. Suetoni Tranquilli opera*/ Rec. M. Ihm: In 2 Bd. – Lipsiae, 1907. - Bd. 1: *De vita Caesarum libri VIII.* - 375 s.
292. *Georgii Syncelli chronicon*/ Ed. L. Dindorf: In 2 Bd. - Bonnae, 1829. - Bd.1. - 788 s.
293. *Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri*/ Ed. H. Furneaux: In 2 v. - Oxford, 1884. - V. 1. - 612 p.

294. Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri/ Ed. H. Furneaux: In 2 v. - Oxford, 1961. - V. 2. - 675 p.
295. Tarn W. W. The War of the East against the West// CAH: In 14 v. - 1-st ed. - V.10. - Cambridge, 1934. - P. 72-94.
296. M. Velleus Paterculus. Historiae Romanae ad Marcum Vinicium consulem libri duo/ Rec. C. Halm. – Lipsiae, 1909. - 120 p.
297. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius: In 3 v. - Oxford, 1979 - V. 3. - 357 p.
298. Will E. Histoire politique du monde hellenistique: En 2 volumes. - Nancy, 1982. - V. 2.- 493 p.
299. Wirth G. Pompeius - Armenien - Parther// Bonner Jahrbucher. - 1983. - № 183. - S. 1-60.
300. Wylie G. How did Trajan Succeed in Subduing Parthia where Mark Antony Failed?// The Ancient History Bulletin. - 1990. - №. 4.2. - P. 37-43.
301. Ziegler K.H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Volkerrechts. - Wiesbaden, 1964. - 158 s.
302. Ioannis Zonarae Epitome historiarum libri XIII-XVIII/ Ed. Th. Büttner. - Bonnae, 1897. - 933 s.